

ISSN 2304– 960X

Инновационный Центр прикладных научных исследований
«РИМ Университет»

№ 1 (46)
ЯНВАРЬ-МАРТ
2024

Современный Юрист

Международный научно–практический журнал

Издается с октября 2012 года

Журнал включен в систему РИНЦ

Москва

ISSN 2304– 960X

**Innovation Center for applied scientific research
«RIM University»**

**№ 1 (46)
JANUARY-MARCH
2024**

The Modern Lawyer

**International scientific– practical journal
SOVREMENNYJ ŪRIST
Published since October 2012**

Moscow

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

Председатель совета:

Альбов А.П., д.ю.н., проф.

Зам. председателя:

Куприянова Л.М., к.э.н., доцент

Амосова О.С., к.ю.н.

Ананьева А.А., к.ю.н., доц.

Беликова К.М., д.ю.н., доц.

Ванин В.В., д.ю.н., доц.

Гирько С.И., д.ю.н., проф.

Головинская И.В., д.ю.н., доц.

Гришина Я.С., д.ю.н., доц.

Иванова С.А., д.ю.н., проф.

Капустин А.Я., д.ю.н., проф.

Кирпичев А.Е., д.ю.н., доц.

Кулаков В.В., д.ю.н., проф.

Курбатов А.Я., д.ю.н., проф.

Курчина А.С., к.ю.н.

Левушкин А.Н., д.ю.н., проф.

Назаренко Г.В., д.ю.н., проф.

Никифоров В.А., д.ю.н., проф.

Омелин В.Н., д.ю.н., проф.

Оспенников Ю.В., д.ю.н., доц.

Павликов С.Г., д.ю.н., проф.

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Попова Н.Ф., д.ю.н., проф.

Рожнов А.А., д.ю.н., доц.

Рубаник В.Е., д.ю.н., доц.

Ручкина Г.Ф., д.ю.н., проф.

Суслова С.И., д.ю.н., доц.

Ульянова М.В., к.ю.н.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОВЕТ**

Лоренцо Меццасома —

Председатель — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Федерика Маццасетта —

Зам. председателя — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Джакомо Понгелли — Научный

редактор — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Джанмарко Чифальди, проф.,

Университет им. Д'Аннунцио, город
Пескара, Италия

Франческо Риццо, доцент кафедры

гражданского права, Университет
Камерино, Италия

Джованни Берти де Маринис,

адвокат, Италия

Агустин Луна Серрано, проф.

кафедры гражданского права,
Университет Барселоны, Испания

Евгенио Лямас Помно, доктор

права, профессор, Университет
Саламанки, Испания

Перес–Серрабона Гонсалес,

доктор права, Университет Гранады,
Испания

Чирич Александр, доктор

юридических наук, проф.,
Факультет права, Университет Ниш,
Сербия

Деян Вучетич, доктор юридических

наук, доцент, Факультет права,
Университет Ниш, Сербия

Петер Поташ, доктор права,

Панъевропейская высшая школа,
Братислава, Словакия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Зам. главного редактора:

Куприянова Л.М., доцент,
директор Центра научно–
прикладных исследований «РИМ
Университет»

Ответственный редактор:

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
30 ноября 2011 г.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77– 47531

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

Ответственность за содержание
публикаций несут авторы.
Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов,
опубликованных в журнале,
допускается только с письменного
разрешения редакции.

Рукописи
авторам не возвращаются.

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
Современный Юрист
обязательна.

Внимание авторов!
Свои материалы направляйте по
электронной почте:
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал выходит
4 раза в год**

По вопросам редакционной
подписки обращаться по
электронной почте
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
ранее опубликованные выпуски
доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

© Коллектив авторов, 2024
© «РИМ Университет», 2024

Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год – 2.231.
Процентиль в рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год – 84.
229 место по тематике «Государство и право. Юридические науки» в
рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 год. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ
– 0,347. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех
источников – 0,890. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий (ВАК), в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук. Решение Президиума ВАК от
01.12.2015 № 13– 6518 <http://perechen.vak2.ed.gov.ru> (ред. 01.02.2022 года).

*«У меня нет никакого желания подвергать сомнению решения суда.
Я ведь все-таки юрист по образованию»
В.В. Путин*

Уважаемые читатели!

Редакционная политика нашего журнала такова, что наряду с традиционными и оригинальными публикациями о юриспруденции, исторических и современных правовых явлениях и событиях, отраслях права, институтах и отдельных нормах мы стараемся не обходить вниманием важные государственные решения и события, происходящие в нашей стране. В частности, в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей Президент Российской Федерации В.В. Путин своим указом от 22 ноября 2023 года № 875 постановил провести в 2024 году в Российской Федерации Год семьи.

Наши авторы, ученые-юристы, занимающиеся научной разработкой проблематики административного и семейного права, оперативно отреагировали на этот призыв главы государства. В частности, заслуживает внимания статья *И.В. Ульянова*, посвященная семейным ценностям в организационной культуре. В ней рассматривается проблема достаточности мер поддержки семейных ценностей на корпоративном, организационном уровне, а также оцениваются разнообразие и эффективность механизмов правового регулирования такой поддержки. Имеет непосредственное отношение к семейно-правовой проблематике статья начинающих исследователей *А.А. Карпенко, П.А. Гороховой, К.В. Дудченко* о проблемах правового регулирования родовспоможения в Российской Федерации, в которой молодые авторы предлагают вариант легальной трактовки термина «доула» и унифицированный подход к понятию «родовспоможение». Отдельно рассматривается институт доульского сопровождения как перспективный механизм защиты прав рожениц, на сегодняшний день не имеющий должного правового регулирования в нашей стране.

Впечатляет теоретико-исторический блок номера, который представлен глубокими по содержанию статьями *А.А. Рожнова* - об изменениях в правовом положении крестьян и холопов в царствование Петра I; *А.П. Альбова и В.Ю. Панченко* – о понятиях «суверенитет», «правовая культура» и «публично-правовое регулирование» в функциональной, исторической и логической связи; *Ю.В. Оспенникова* – о вопросах методологии и ключевых темах обсуждения проблем церковного права и церковного суда Барсовским обществом в 2023 году. Представляется актуальной и своевременной статья *Ю.В. Степаненко и В.В. Журавлева*, посвященная проблемным вопросам правовой регламентации противодействия незаконному использованию автоматизированных беспилотных систем. Вызывают интерес статьи и других авторов – *Е.А. Золотовской, А.Р. Пурге, Г.А. Мутафьяна и Д.А. Шершиновой*.

Желаем приятно провести время с журналом в руках!

С уважением и наилучшими пожеланиями,
главный редактор

Юрий Викторович Степаненко

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Рожнов А.А.* Изменения в правовом положении крестьян и холопов в царствование Петра I 8
- Альбов А.П.*
Панченко В.Ю. Суверенитет и публично-правовое регулирование в контексте правовой культуры 16
- Оспенников Ю.В.* Обсуждение проблем церковного права и церковного суда Барсовским обществом в 2023 г.: вопросы методологии и ключевые темы 29

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Степаненко Ю.В.*
Журавлев В.В. Правовая регламентация противодействия незаконному использованию автоматизированных беспилотных систем 55
- Ульянов И.В.* Семейные ценности в организационной культуре 66

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

- Золотовская Е.А.* Средства признания доказательств подложными в цивилистическом процессе 76

ТРУДОВОЕ ПРАВО

- Пурге А.Р.* Правовые основы взаимодействия сторон в дистанционных трудовых отношениях 88

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Мутафян Г.А.* Гарантийные обязательства в группах компаний 105
- Шершнева Д.А.* Международно-правовая защита окружающей среды: современные тенденции 116
- Карпенко А.А.*
Горохова П.А.
Дудченко К.В. Проблемы правового регулирования родовспоможения в Российской Федерации 125

CONTENT

HISTORY OF STATE AND LAW

- Arteria A. Rozhnov* Changes in the legal status of peasants and serfs during the reign of Peter I 8
- Alexey P. Albov* Sovereignty and public legal regulation in the context of legal culture 16
- Vladislav Y. Panchenko*
- Yuri V. Ospennikov* Discussion of the problems of church law and ecclesiastical court by the Barsov society in 2023: methodological issues and key topics 29

ADMINISTRATIVE LAW

- Yuri V. Stepanenko* Legal regulation to counter the illegal use of automated unmanned systems 55
- Vladimir V. Zhuravlev*
- Igor V. Ulianov* Family values in organizational culture 66

PROCEDURAL LAW

- Elena A. Zolotovskaya* Means of recognizing evidence as fraudulent in a civil procedure 76

LABOR LAW

- Anna R. Purge* The legal basis for the interaction of the parties in remote labor relations 88

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

- Georgy A. Mutafyan* Guarantee obligations in company groups 105
- Darya A. Shershneva* International legal protection of the environment: modern trends 116
- Alyona A. Karpenko* Problems of legal regulation of obstetrics care in the Russian federation 125
- Polina A. Gorokhova*
- Ksenia V. Dudchenko*

Теория и история государства и права

УДК 340.15

JEL: K10

*РОЖНОВ Артемий Анатольевич*¹

¹ ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-6038-8129>

¹ Рожнов Артемий Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: roartan@mail.ru

**ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН И
ХОЛОПОВ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I**

Аннотация

Предмет / тема. В статье представлена характеристика изменений в правовом положении крестьян и холопов в царствование Петра I.

Цели / задачи. Целью работы является обзор, и характеристика основных изменений в правовом положении крестьян и холопов в царствование Петра I. Рассматриваются такие вопросы, как категории крестьян в рассматриваемый период, ухудшение их положения и его причины, влияние налоговой реформы Петра I на правовое положение крестьян и холопов. Статья базируется на изучении соответствующих нормативных правовых источников, актового материала и научной литературы по данной теме.

Методология. Методологическую основу исследования составляют всеобщие методы познания; общенаучные методы, а также анализ, синтез и др.

Вывод. В результате изучения соответствующих историко-правовых материалов автор приходит к заключению о том, что ко времени проведения подушной переписи власть помещиков и вотчинников над крестьянами уже вплотную приблизилась к власти холоповладельцев над холопами и перепись лишь довела до логического завершения процесс низведения крестьян до уровня холопов.

Ключевые слова: история русского права, Петр I, петровские реформы, общественный строй, крестьянство, холопство.

History of state and law

¹ **Artemiy A. Rozhnov**, Professor of the Department of international and public law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor.

**CHANGES IN THE LEGAL STATUS OF PEASANTS AND SERFS
DURING THE REIGN OF PETER I**

Abstract

Subject / Topic The article represents a description of changes in the legal status of peasants and serfs in the reign of Peter I.

Goals / Objectives The aim of the work is to give a description of changes in the legal status of peasants and serfs in the reign of Peter I. The author reviews such

problems as the categories of peasants during the analyzed period, the deterioration of their situation and its reasons, the impact of Peter I's tax reform on the legal status of peasants and serfs. The article is based on the study of the relevant normative legal sources, act material and scientific literature on this topic.

Methodology The methodological basis of the article includes the universal methods of cognition; general scientific methods, as well as analysis, synthesis, etc.

Conclusion and Relevance As a result of studying the relevant historical and legal materials the author comes to the conclusion that by the time of the poll census, the power of landlords and patrimonial lords over peasants had already come very close to the power of lords over serfs and the census only brought the process of reducing peasants to the level of serfs to its logical conclusion.

Keywords: *history of Russian law, Peter I, the reforms of Peter I, the social system, peasants, serfs.*

До проведения в 1718–1728 гг. подушной переписи крестьяне, как и в Московском Государстве, подразделялись на две категории исходя из принадлежности земли, на которой они проживали, – на государственных и владельческих. Обе эти категории крестьянского населения в свою очередь также распадались еще на две группы каждая: к государственным крестьянам относились дворцовые и черносошные, а владельческими крестьянами являлись крестьяне, «сидевшие» на церковных землях и на землях служилых людей (помещиков и вотчинников).

Сосредоточенные в основном на севере и востоке России, черносошные крестьяне уплачивали подати и несли повинности в пользу государства в целом. Дворцовые же крестьяне жили и работали в дворцовых селах и обслуживали хозяйственные потребности Царской семьи. Дворцовые крестьяне занимали промежуточное положение между черносошными и владельческими крестьянами, поскольку, с одной стороны, так же как и первые, они трудились на государство, а не на частных лиц, а с другой, их дворцовые села принадлежали непосредственно Государю, который в силу этого являлся вотчинником по отношению к дворцовым крестьянам. При Петре I из общей массы дворцовых земель были выделены особые вотчины, которые были переданы в распоряжение членов монаршей фамилии, а проживавшие на них крестьяне получили название «Государевых» крестьян. И черносошные, и дворцовые крестьяне владели землями на общинном праве, а также могли иметь земельные участки на праве частной собственности, то есть с правом распоряжения ими.

В период с 1701 г. по 1720 г. управление духовными вотчинами с принадлежавшими им крестьянами и сбор с них доходов осуществлял восстановленный Петром Монастырский приказ, а затем Синод.

В 1721 г. в целях необходимого государству «размножения» заводов и фабрик и обеспечения их рабочей силой Петр I позволил шляхтичам и купцам приобретать к своим мануфактурам с разрешения Берг- и Мануфактур- коллегий населенные деревни. Вследствие данной меры

возникла такая новая категория крестьянского населения, как «посессионные» крестьяне. Еще одним способом пополнения их рядов являлись оставление на заводах, работавших на них беглых и пришлых лиц, а также приписка к частным заводам государственных крестьян. Особенностью правового статуса посессионных крестьян было то, что после их приписки к мануфактуре они прикреплялись к ней «неотлучно», становясь ее неотъемлемой частью, поэтому владелец мануфактуры не имел права привлекать их к любым работам, помимо заводских, и каким-либо образом отчуждать их (продавать, закладывать и т. д.) отдельно от самой мануфактуры. Следовательно, посессионные крестьяне не являлись владельческими крестьянами в строгом смысле слова, а подобно крестьянам дворцовым занимали промежуточное место между владельческими и государственными крестьянами. Работая на заводе или фабрике, посессионные крестьяне продолжали при этом заниматься земледелием, благодаря чему содержали свои семьи. Из всех категорий крестьянского населения положение посессионных крестьян было наиболее тяжелым, тем более что в течение долгого времени не существовало никаких юридических норм, которые бы регулировали их трудовую деятельность [4, с. 176–178].

В ходе проведения подушной ревизии в состав государственных крестьян были включены однодворцы. В силу того, что по своему происхождению они были не крестьянами, а служилыми людьми по прибору, у них отсутствовало общинное землевладение и вплоть до 1727 г. они могли свободно распоряжаться земельными участками. В 1713 г. для охраны южных и юго-западных рубежей страны из однодворцев, на тот момент еще являвшихся служилыми людьми, были сформированы конные и пешие полки «ландмилиции».

Наиболее многочисленную категорию крестьянского населения, как и ранее, составляли владельческие крестьяне, которые так же, как и крестьяне государственные, были потомственно прикреплены к земле и не имели права свободного перехода с одного земельного участка на другой. Подавляющее большинство владельческих крестьян проживало на землях помещиков и вотчинников, права которых на владение крестьянами по-прежнему были строго привязаны к обязанности всех служилых людей нести военную службу, поэтому в случае уклонения служилого человека от исполнения данной сословной обязанности он утрачивал право на землю и крестьян. До проведения подушной ревизии владельческие крестьяне отличались от холопов по своему правовому положению, которое определялось нормами Уложения 1649 г., других нормативных правовых актов второй половины XVII в. – начала XVIII в. и обычного права [5, с. 208–237]. С юридической точки зрения крестьяне признавались свободными личностями и подданными Государя, чьи личные, имущественные и иные права признавались и охранялись законом. Они

также несли тягловые обязанности непосредственно перед государством, уплачивая в казну различные подати и неся целый ряд повинностей – рекрутскую, мостовую, караульную, почтовую и др., что тоже свидетельствовало о том, что владельческие крестьяне, условно говоря, принадлежали государству, а не вотчинникам и помещикам, как холопы.

Однако еще до проведения подушной переписи реальное положение крестьян значительно ухудшилось по сравнению с допетровской эпохой, причем не только в силу невиданных масштабов эксплуатации крестьянства и других слоев общества со стороны «европеизировавшегося» государства, которое на протяжении двух десятилетий, не давая стране даже короткой передышки, заставляло народ работать просто на износ. Самым негативным образом на положении владельческих крестьян также отразились и те изменения, которые на глазах стали происходить в их взаимоотношениях с помещиками и вотчинниками и которые проявлялись в фактическом расширении власти шляхетства над крестьянством. То, что в самом конце XVII в. только-только начинало входить в практику, а именно сделки землевладельцев в отношении крестьян, аналогичные сделкам с холопами – купля-продажа и мена крестьян без земли, их передача в счет уплаты долга и т. д., и телесные наказания крестьян, в царствование Петра уже стало довольно обыденным и не воспринималось помещиками и вотчинниками петровской эпохи, в отличие от их отцов и дедов, как злоупотребление и произвол.

Ключевые причины этих изменений заключались в следующем.

В первую очередь они были обусловлены тем, что своими радикальными «реформами» Петр I сверг страну в состояние смуты, безвременья, исторического разлома, когда прежний жизненный уклад с его привычными и понятными правилами методично уничтожался, а возникавшая на обломках разрушенного до основания «старого мира» новая, «европейская» Россия еще только создавалась. В этих условиях тотальной неопределенности и ослабления государственного контроля за социальными процессами, которые типичны для любой эпохи глобальных перемен, дворянство, естественно, не могло упустить уникальный шанс реализовать свое давнее вожелание – стать полновластными хозяевами земли и господами над трудившимися на ней крестьянами. Разумеется, шляхетство, «ловя момент», активно пользовалось благоприятно сложившейся ситуацией, присваивая себе все большие полномочия над крестьянами и превращая прежде бывшие исключения явления в норму и обычай. Поэтому совершенно неудивительно, например, что шляхетство восприняло как «изящнейшее благодеяние» указ о единонаследии, несмотря на все его ограничения, поскольку он не только уравнивал поместья и вотчины, но и превратил поместных крестьян в вотчинных с соответствующим изменением их правового статуса, о чем в законе хотя и не говорилось, но что при его нужном толковании подразумевалось.

Свою роль в ужесточении крепостного права также играло то, что настойчивое привитие Петром дворянству западных манер, вкусов, стиля жизни вкупе с постоянным его именованим шляхетством неизбежно меняло мировоззрение отечественных дворян, превращая их в «форпост» Запада в России. Ближайшими же и лучше всего знакомыми русским шляхтичам «собратями», конечно же, были шляхтичи польские, чья «золотая вольность» и широчайшая власть над крестьянами не могли не манить русское дворянство и служить для него главным ориентиром. Чрезвычайно привлекательными для дворян были и социальные порядки в Прибалтике и Восточной Германии, с которыми они могли ознакомиться в годы Северной войны. В итоге для российского шляхетства страстное желание добиться расширения власти над крестьянством органично укладывалось в запущенный Петром процесс «европеизации» данного сословия.

Наконец, еще одна причина перемен во взаимоотношениях между служилыми землевладельцами и крестьянами заключалась в том, что ставка Петра на дворянство, прежде всего столичное, как орудие проведения «преобразований» и социальную, политическую и вооруженную опору режима предполагала необходимость его поощрения за верность и предоставления компенсации за тяготы ратной и прочей службы, а лучшей формой благодарности шляхетству со стороны государства было просто позволить ему получить то, чего оно больше всего жаждало. В этой связи вполне возможно, что расширение помещичьей власти над крестьянами происходило в том числе вследствие негласной установки Петра закрывать глаза на случаи злоупотребления ею, за исключением, возможно, лишь самых вопиющих. Скажем, весьма показательным в этом плане был указ 1721 г., в котором Петр, возмущаясь многочисленными фактами продажи помещиками своих крестьян и холопов в розницу «как скотов», ограничился лишь тем, что просто повелел такую практику «пресечь», не предусмотрев при этом никакой санкции за невыполнение данного требования (неслыханное добросердечие со стороны крайне жестокого Петра, указы которого всегда изобиловали угрозами всевозможных кар для «ослушников») и, более того, сведя его на нет оговоркой о том, что «ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь» [6].

Все эти факторы в совокупности в конечном счете и привели к тому, что ко времени проведения подушной переписи власть помещиков и вотчинников над крестьянами уже вплотную приблизилась к власти холоповладельцев над холопами и перепись лишь довела до логического завершения процесс низведения крестьян до уровня холопов.

Что касается института холопства, то в первой четверти XVIII в. благодаря целенаправленной политике государства он неуклонно

разрушался. Происходило это прежде всего путем записи холопов в военную службу с предоставлением им за это личной свободы, причем даже беглые холопы не подлежали возврату своим хозяевам. В итоге «неограниченный прием в армию холопов создал основу для последующей полной ликвидации этой социальной категории населения», а сама эта мера наглядно свидетельствовала о том, что «государство в лице Петра считало возможным отменить договор между холопом и его господином, подтверждая тем самым свой верховный суверенитет над всеми категориями населения» [2, с. 37–38]. Окончательная отмена холопства произошла в результате подушной переписи.

Ее суть заключалась в следующем. В целях проведения налоговой реформы все население России было поделено на два разряда: податной, то есть обязанный платить подушную подать, и неподатной, получивший важнейшую сословную привилегию в виде освобождения от ее уплаты. Неподатными категориями были признаны дворянство как сословие, обязанное нести самый главный, с точки зрения государства, вид службы – военную, и духовенство, звание и характер службы которого едва ли были совместимы с новой финансовой мерой. Все остальные социальные слои были признаны податными, причем применительно к ним петровская реформа налогообложения особенно очевидно вышла далеко за рамки чисто финансовой составляющей. Подушная ревизия привела к кардинальному упрощению общественного состава налогоплательщиков, а именно к его сведению в три крупные группы: государственных крестьян, податных горожан и крепостных людей. Категория государственных крестьян, по сути, была создана заново и в обновленном виде стала включать черносошных крестьян, однодворцев (в их новом значении), а также представителей нерусских народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В состав податных горожан вошли не только те из них, кто на момент проведения ревизии проживал в городах, но и те, кто ранее их покинул. Все эти бывшие горожане были принудительно возвращены на свои прежние места жительства и прикреплены к ним. Наиболее же значимые, а точнее говоря, судьбоносные и без преувеличения трагические социальные последствия, которые Петр I, разумеется, был просто неспособен предвидеть, повлекло за собой образование категории «крепостных людей».

Поскольку по законам о подушной переписи все лица, проживавшие на землях частных владельцев, приписывались к ним «для вечного платежа подушных податей, с чем и соединялось вечное укрепление» [1, с. 280], то данную категорию сформировали владельческие крестьяне и все разновидности холопов – как деревенские холопы, так и городские, как посаженные на землю и потому еще задолго до подушной переписи обложенные тяглом вместе с крестьянами, так и непашенные. Различные категории холопов, включая кабальных, которые по закону принадлежали

своим господам лишь до их смерти, а равно лица, служившие на основании договора личного найма («жилой» или «житойской» записи), также были внесены в подушный оклад наравне с владельческими крестьянами и таким образом сформировали единую социальную категорию крепостных людей. Обязанные отныне платить государственные подати и нести государственные повинности, холопы на первый взгляд формально-юридически повысили свой правовой статус, перейдя из разряда «одушевленных» вещей, объектов частной собственности своих господ в состав лиц и подданных государства. Однако фактическое положение холопов не только не улучшилось, но даже ухудшилось, поскольку если раньше они должны были служить только своим хозяевам, то теперь к их обязанностям в отношении господ, которые сохранили свою власть над бывшими холопами, добавились обязанности в отношении государства.

Возложение на холопов обязанности уплаты подушной подати и несения государственных повинностей, от которых они ранее в силу своего юридического статуса были освобождены, и их объединение вместе с владельческими крестьянами в одну общественную группу произвели подлинный социальный переворот двоякого рода: с одной стороны, они привели к отмене многовекового института холопства как особого социально-правового состояния несвободы и к слиянию холопов с владельческими крестьянами, а с другой, к низведению последних до прежних холопов с точки зрения взаимоотношений крестьян со своими землевладельцами, но с сохранением при этом за ними государственного тягла. В результате петровской переписи был заложен фундамент нового смешанного правового состояния крепостных людей, сочетавшего в себе элементы холопства и крестьянства, которое значительно ухудшило положение подавляющего большинства населения страны по сравнению как с бывшими владельческими крестьянами, так и с холопами [3, с. 579–584].

Не менее судьбоносные последствия подушная перепись повлекла за собой и в отношении владельческих крестьян. Если до нее они сохраняли, пусть во многом уже лишь сугубо формально, принципиальные правовые отличия от холопов, то после включения крестьян и холопов в общий подушный оклад они автоматически стали рассматриваться как единое целое с ними не только государством, но и землевладельцами. Закономерным следствием такого уравнивания крестьян и холопов стало приведение взаимоотношений землевладельцев с обеими категориями подвластных им лиц к одному «знаменателю», разумеется, наиболее выгодному для помещиков и вотчинников, что означало распространение на крестьян холоповладельческой власти. С этого времени шляхетство с полным правом могло поступать со своими крестьянами как с холопами, так как юридической разницы между теми и другими более не существовало. Таким образом, подушная перепись поставила точку в

истории не только холопства, но и владельческого крестьянства и, как уже отмечалось, положила начало истории новой общественной категории – крепостных людей. Дворянству же, получившему в свое распоряжение и крестьян, и холопов, оставалось лишь утвердить достигнутые при Петре I социальные «завоевания», не забыв отблагодарить своего благодетеля в литературной и прочих формах, возведя его в ранг величайшего правителя в истории России, и в дальнейшем по мере усиления своего политического могущества и подмятия под себя Верховной власти добиваться их расширения, что оно с успехом и делало вплоть до вступления на престол Императора Павла I.

Список источников:

1. Владимирский-Буданов (2005) – Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
2. Каменский (2016) - Каменский А.Б. Реформа социальной сферы и социальная политика // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М., 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в.
3. Ключевский (2001) – Ключевский В.О. Полный курс лекций // Ключевский В.О. Русская история: в 5 т. / сост. А. М. Кузнецов. М., 2001. Т. 2.
4. Латкин (2004) – Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004.
5. Рожнов (2016) – Рожнов А.А. История отечественного государства и права. Эпоха Московского Государства (XIV–XVII вв.). М., 2016.
6. Указ от 15 апреля 1721 г. «О непродаже крепостных людей по одиночке и неразлучении семейств» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 6. № 3770.

References:

- Vladimirskiy-Budanov (2005) – Vladimirskiy-Budanov M.F. Review of the history of Russian law [Obzor istorii Russkogo prava]. M., 2005.
- Kamenskiy (2016) – Kamenskiy A.B. Reform of the social sphere and social policy [Reforma sotsial'noy sfery i sotsial'naya politika]// Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century: in 4 vol. [Reformy v Rossii s drevneyshih vremyon do kontsa XX veka: v 4 t.]. M., 2016. Vol. 2. XVIII – the 1st half of the 19th century. [XVIII – pervaya polovina XIX v.]
- Klyuchevskiy (2001) – Klyuchevskiy V.O. The complete course of lectures [Polnyi kurs lektsiy] // Klyuchevskiy V. O. Russian history: in 5 volumes / comp. A. M. Kuznetsov [Russkaya istoriya: v 5 t. / sost. A. M. Kuznetsov]. M., 2001. Vol. 2.
- Latkin (2004) – Latkin V.N. Textbook of the history of Russian law of the Empire period (18 and 19th centuries) [Uchebnik istorii Russkogo prava perioda Imperii (XVIII i XIX vv.)]. M., 2004.
- Rozhnov (2016) – Rozhnov A.A. The history of Russian state and law. The epoch of the Moscow State (14–17th centuries) [Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. Epoha Moskovskogo Gosudarstva (XIV–XVII vv.)]. M., 2016.
- Decree of April 15, 1721 “On the non-sale of serfs by marriage and non-separation of families” [Ukaz ot 15 aprelya 1721 g. “O neprodazhe krepostnyh lyudey po odinachke i nerazluchenii semeystv”] // The Complete Collection of

Laws of the Russian Empire, since 1649 [Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii, s 1649 goda]. SPb., 1830. Vol. 6. No. 3770.

Теория и история государства и права

УДК 340

JEL: K10

*АЛБОВ Алексей Павлович*¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Миусская площадь, д. 6, Москва, 125047, Россия

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Азовская улица, д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия

¹Российская таможенная академия (РТА), Комсомольский проспект, д. 4, Московская область, Люберцы, 140015, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

¹ Албов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Профессор кафедры теории, истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

¹ Профессор кафедры теории, истории государства и права Российской таможенной академии. E-mail: aar62@yandex.ru

*ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич*²

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Азовская улица, д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия

² Московский государственный лингвистический университет, Остоженка улица, д. 38, стр. 1, Москва, 119034, Россия

² Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Миусская площадь, д. 6, Москва, 125047, Россия

² Сибирский федеральный университет, Свободный проспект, д. 79, Красноярск, 660041, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-3303-2941>

² Панченко Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

² Профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета.

² Профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российского государственного гуманитарного университета.

² Главный научный сотрудник Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия. E-mail: panchenkovlad@mail.ru

СУВЕРЕНИТЕТ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Тема: рассмотрены в функциональной, исторической и логической связи такие понятия, как «суверенитет», «правовая культура» и «публично-правовое регулирование».

Цели/задачи: раскрыть связи суверенитета, публично-правового регулирования и правовой культуры как явлений социальной эволюции, показать их онтологическую и логическую взаимосвязь, обосновать необходимость новых подходов в понимании внутреннего суверенитета в связи с изменяющимися социальными и политическими обстоятельствами.

Методология: Методологическую основу исследования составили всеобщий философский метод диалектического материализма, метод формальной логики, анализ и синтез, абстрагирование, системно-структурный, восхождение от абстрактного к конкретному.

Результаты/выводы: Обосновано, что правовая культура является неотъемлемой частью суверенитета государства, поскольку без уважения ценностей общества, без уважения прав и свобод, соблюдения законов и справедливости невозможно говорить о полноценном суверенитете, в этом смысле правовая культура является фундаментом, на котором покоится внутренняя стабильность и доверие граждан к власти, что является важным фактором для сохранения суверенитета. Суверенитет государства обеспечивает условия для развития правовой культуры, государственные институты, осуществляя свою власть над всей территорией, создают и совершенствуют правовую систему, что способствует развитию правовой культуры. Именно правовая культура должностных лиц органов публичной власти (правоприменителей), выступает действительным регулятором общественных отношений и поведения людей. Правовая культура и суверенитет взаимодействуют на международном уровне, так как правовая культура является основой для соблюдения международного права, предполагающего в первую очередь суверенитет всех субъектов правоотношений.

Ключевые слова: *правовая культура, суверенитет, публичное право, материалистическая теория права, теория государства и права*

History of state and law

¹ **Alexey P. Albov**, Russian State University for the Humanities; All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Russian Customs Academy, Moscow, Russia.

² **Vladislav Y. Panchenko**, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow State Linguistic University; Russian State University for the Humanities; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

SOVEREIGNTY AND PUBLIC LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF LEGAL CULTURE

Abstract

Subject/topic concepts such as sovereignty, legal culture and public legal regulation are considered in functional, historical and logical connection.

Goals/objectives to reveal the connections between sovereignty, public legal regulation and legal culture as phenomena of social evolution, to show their ontological and logical relationship, to substantiate the need for new approaches to understanding internal sovereignty in connection with changing social and political circumstances.

Methodology The methodological basis of the study was the universal philosophical method of dialectical materialism, the method of formal logic,

analysis and synthesis, abstraction, system-structural, ascent from the abstract to the concrete.

Results/conclusions It is substantiated that legal culture is an integral part of the sovereignty of the state, since without respect for the values of society, without respect for rights and freedoms, compliance with laws and justice, it is impossible to talk about full sovereignty, in this sense, legal culture is the foundation on which internal stability rests and citizens' trust in the authorities, which is an important factor for maintaining sovereignty. State sovereignty provides conditions for the development of legal culture; state institutions, exercising their power over the entire territory, create and improve the legal system, which contributes to the development of legal culture. It is the legal culture of officials of public authorities (law enforcement officials) that acts as a real regulator of social relations and people's behavior. Legal culture and sovereignty interact at the international level, since legal culture is the basis for compliance with international law, which presupposes, first of all, the sovereignty of all subjects of legal relations.

Keywords: *legal culture, sovereignty, public law, materialist theory of law, theory of state and law*

Постановка проблемы

Право есть составная часть культуры, которая должна рассматриваться не изолированно, с указанием на ее особенные функции, сущность, признаки, а как некий феномен, результат взаимодействия всех социальных институтов, как универсальное явление культуры каждого народа, каждого этноса, и поэтому не случайно, если народ сохраняет и приумножает свои ценности, которые закрепились в обычаях, традициях, он находится в более защищенном положении, при различных экономических, политических, социальных трансформациях, что позволяет сохранять ему свой суверенитет [1].

Очевидно, что некорректно не только противопоставление правовой культуры с таким понятием как суверенитет, но и даже их раздельное, обособленное рассмотрение. Самостоятельность их – лишь теоретическая – в рамках абстрактной классификации понятий теории права и государства, но как реальные явления они не могут быть разграничены.

Необходимо начать с существенного положения, из которого мы будем исходить в дальнейшем. Без него анализ правовой культуры и суверенитета будет неэффективным: это взаимосвязь исследуемой сферы с другими сферами жизненных проявлений государственно организованного общества.

Мы говорим не о взаимосвязи правовой культуры с какими-либо родственными феноменами, с которыми ее объединяют общие признаки – мы говорим о той, существенной, глубинной взаимосвязи, имеющейся у правовой культуры абсолютно со всеми проявлениями суверенитета (правовым, экономическим, гуманитарным, финансовым, культурным, продовольственным, в конце концов), для которых является их единая культурная основа.

С этих позиций мы имеем полное право сравнивать характер развития правовой культуры с развитием не только суверенитета, экономики, политики, которым он обеспечивается, но и, скажем, музыки, живописи или философии.

Познавательно ценным при этом будет нахождение аналогии, нахождение явлений внутри каждой из этих сфер, которые по-своему значению будут аналогичны.

Таким образом, мы получаем возможность не только делать заключения о развитии определенной сферы жизни, в данном случае правовой культуры, на основании познания ее внутренних закономерностей, но и подтверждать их соответствующими наблюдениями из совершенно различных сфер, казалось бы, совершенно к ней не относящихся. Это касается аналогии, как исторических этапов взаимодействия правовой культуры и суверенитета, так и отдельных явлений в рамках одного и того же исторического этапа.

Основная часть

Правовая культура и суверенитет – два важнейших понятия, которые играют важную роль в формировании и эффективном функционировании различных государственных институтов, и в целом в развитии общества. Они тесно связаны друг с другом и взаимодействуют на различных уровнях.

Правовая культура есть часть общей культуры, это целостная система знаний о праве, и объективное отношение общества к ценностям права, её нормам и принципам, это – совокупность убеждений и установок, создаваемых в процессе жизнедеятельности. Она предполагает уважение прав и свобод каждого человека, соблюдение законов, справедливость и равноправие перед законом. Правовая культура формируется на основе взаимодействия различных правовых традиций и обычаев, ценностей, образования, коммуникаций и других социальных институтов [2], выступает, как будет показано ниже, одной из форм права как полиморфного (полиформного) явления [13] и реальным регулятором общественных отношений и поведения людей.

Суверенитет – это важнейший принцип формирования государства, согласно которому государственная власть независима от каких-либо политических институтов, государство имеет легитимную власть и независимость на своей территории, а также право самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику, опираясь на интересы народа.

«Право – не сухая схематизированная теория, – отмечает В.А. Мальцев, – а практическое, опытное знание, повседневное познание и нормативное регулирование различных сторон социальной действительности. Его развитая отраслевая структура проникает во все сферы общественной жизни, изменяя и стабилизируя политические и социально-экономические

процессы» [3]. Нельзя не согласиться с утверждением этого автора. При этом следует добавить, что точно также и многие другие сферы жизни общества, без сомнения, проникают в право, вернее, во всю правовую сферу общественного существования, изменяют ее, как правовую сторону единого «лица» культуры. Из сказанного следует, что при характеристике взаимодействия правовой культуры и суверенитета невозможно обойтись без применения тех концепций, в которых анализируется механизм динамики культуры в целом, это поможет распространить по аналогии некоторые закономерности развития суверенитета.

Так, В.Н. Синуков, предвзяв характеристику сравнительного правоведения как научной дисциплины, отмечает следующее: «Для того, чтобы понять правовое развитие в целом..., необходим такой угол зрения на право, который позволил бы соотнести правовую систему с конкретным историческим временем и регионом, национальной, религиозной спецификой той или иной цивилизации. Через сопоставление одноименных государственно-правовых институтов, принципов, норм выявляются общие закономерности правового развития, его направление, этапы, перспективы» [4].

Если продолжать эту мысль, то можно утверждать, что суверенитет правовой системы должен быть независимым, что и обеспечивает как раз внутреннее саморазвитие и эффективное функционирование государства, опирающееся на свои традиционные ценности, охраняя их, принимая соответствующие нормативные акты в соответствии с интересами и потребностями народа этого государства, основанного на уникальной правовой культуре общества и правосознания отдельной личности [5].

В работе «Право и культура» дается довольно содержательное обобщение нескольких направлений общей культурологии (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Е. Чучин-Русов и др.) в контексте анализа правовой культуры.

Авторы этой работы при исследовании проблем саморазвития культуры и права опираются на концепцию спиралевидного развития культуры. Элементы такого развития просматриваются в истории права, где обнаруживаются две тесно взаимосвязанные закономерности. Одну из них можно обозначить как «закон преемственности», другую – как «развитие по кругу». Суть «закона преемственности» в том, что право каждой эпохи возникает не на пустом месте, а является закономерным результатом предшествующего развития. Поэтому в каждой правовой культуре присутствуют два исторических пласта, один из которых порожден природой данного общества, другой воспринят от правовых культур прошлого. Видимо в определенные эпохи в правовой культуре присутствуют и элементы будущего [6].

Отсюда одним из главных положений, из которых необходимо исходить, это то, что правовая культура – в полном смысле живой

организм, развивающийся индивидуально и неповторимо. Исходя из этого, нужно признать, что упрощенный подход к исследованию взаимодействия культур, сведение рецепции права к простому заимствованию, проведение на основании нее четких и однозначных культурных параллелей не только не имеет информационной ценности, но и способно запутать исследование, привести к ложным выводам.

Правовая культура конкретного общества не может эффективно развиваться без правового суверенитета, о чем свидетельствует опыт недавнего исторического прошлого нашей страны. Прогрессивные достижения нашей правовой культуры должны впитываться, аккумулироваться в суверенитете государства, обеспечивая тем самым эффективное функционирование всей правовой системы. В конечном счете коммуникативная функция правовой культуры обеспечивает правовые связи граждан, преемственность правового опыта, и независимость государства.

Однако зачастую правовые культуры разных эпох и суверенитет расцениваются как некая совокупность достижений, копилка правового опыта, находящегося под охраной государства, который необходимо собирать и аккумулировать. Такой достаточно утилитарно-ценностный подход отчасти игнорирует культурные различия (кроме самых очевидных, лежащих на поверхности, только такие различия ему ведомы), но и может создать ощущение «ложной ясности», неизбежного следствия такого упрощения теоретических представлений, отграничивает теорию права от серьезного сравнительно-правового анализа.

Так, еще Н.Я. Данилевский, идеолог панславизма, основатель цивилизационного культурно-исторического подхода, предтеча евразийства развивал идею культурно-исторических типов. Понятие «культурно-исторический тип» охватывает семейство народов, характеризующихся отдельным языком или группой языков, и обладающих политическим суверенитетом и независимостью.

Подобно живому организму они проходят известные стадии развития: от зарождения до возмужания и, наконец, гибели. Ход истории по Н.Я. Данилевскому состоит в смене вытесняющих друг друга культурно-исторических типов, которые различаются культурными, политическими и общественно-экономическими признаками. По его мнению, без уяснения действительного содержания истории – древней, средней и новой – возможно говорить об определенных процессах внешней политики и международного правотворчества. Однако вовсе не в этом проявляется та самая глобальная интеграция правовых систем. Основное ее проявление принадлежит внутренней сфере – это содержательное сближение правовых систем, основанных на таких традиционных ценностях, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд,

приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, уважение старшего поколения и своей истории.

Важно также отметить, что и в исламских государствах общества развиваются на схожих ценностях и традициях, хотя могут реализоваться и в других правовых формах, и иных системах права, что обеспечивается суверенитетом каждого государства. Основа этого – не международное правотворчество, не внешняя политика (а если и они, то в меньшей степени), а естественная информационно-культурная интеграция современного государственно организованного общества.

Однако в современном мире, где глобализация и межкультурные контакты становятся все более интенсивными, существует необходимость в поиске баланса между сохранением традиционных ценностей и открытостью к новым идеям и ценностям.

Государства должны учитывать изменяющиеся общественные потребности и адаптировать свою политику и законодательство в соответствии с ними, сохраняя при этом основные принципы своей культуры и самоидентичности.

Суверенитет государства должен соответствовать территории, индустриальной мощи, численности населения государства и коррелировать с его внешним суверенитетом, а иначе говорить о наличии суверенитета достаточно проблематично: он не может быть изолированным и пребывать без влияния внешних сил в самодостаточном состоянии без его умаления соседними государствами, которые, как это показали последние события в мире, переполнен субъектами, готовыми отобрать суверенитет во всём, в чём представится возможным: прежде всего территорию, ресурсы, людей, идеи. Учение Спинозы: «Право каждого простирается так далеко, как далеко простирается определенная ему мощь», достаточно ярко иллюстрируют необходимость взаимосвязи различных элементов правовой и политической системы.

В этой связи можно сказать, что укрепление информационной среды, информационной безопасности государства вовсе не ослабляет баланс культурных различий и не отменяет общих закономерностей развития правовой культуры каждого государства.

Действительно, «поддержание качества государственно-правовой жизни на должном уровне возможно только при наличии достаточно высокого уровня правовой культуры рядовых граждан, должностных лиц, всего общества» [10] и если в частноправовой сфере решающим для преодоления юридического нигилизма и правового идеализма является глубокое осознание гражданами своих прав и обязанностей, законных интересов и возможностей, последовательная их реализация и отстаивание, борьбы с несправедливостью [11], то в области публично-правового регулирования

ключевым фактором, который может способствовать, а может препятствовать укреплению суверенитета оказывается правовая культура правоприменителей.

Дело в том, что, как верно отмечает В.М. Сырых, «применение термина «регулятор» к действующему праву необходимо предполагает, что оно обладает способностью не только определять меру поведения субъектов права, но и обеспечивать ее неукоснительную реализацию в конкретных отношениях. Однако последним свойством право не обладает. Если бы было иначе, как уверяют позитивисты, то зачем тогда содержится армия правоохранительных органов, судов, иных правоприменительных органов, основной смысл которых сводится к обеспечению реального воплощения норм права в непосредственной действительности. Более того, как показывает история права, названные органы также не обеспечивают воплощения всех действующих норм в реальную жизнь» [9].

Совокупность нормативных предписаний, известных индивиду и позитивно оцениваемых им в качестве права, которым он готов руководствоваться в своей непосредственной деятельности, В.М. Сырых называет индивидуальным правом [8].

Думается, что индивидуальное право, рассматриваемое в материалистической теории права в качестве результата правосознания, выражается в юридически значимой деятельности субъектов права и есть аспект правовой культуры в ее устоявшемся в теории права понимании как правосознания, выраженного в поведении (Gur'yev, 2021, 107), и обоснованно рассматривает его в качестве самостоятельной формы права, которая «упорно игнорируется позитивистской доктриной, несмотря на то что является необходимым этапом на пути перехода объективного права из возможности в действительность» [8].

Роль индивидуального права лиц, не наделенных публично властными полномочиями, бесспорно является определяющей в частноправовой сфере. Здесь индивидуальное право «призвано согласовать общий и особенный интересы», а позитивное право «проходит основательную экспертизу на способность быть действительным правом, верно отражать индивидуальный интерес во всеобщей форме. Нормы, не получающие позитивной санкции индивидов, имеют весьма низкие шансы на воплощение в действительность, чаще всего вынуждены существовать лишь формально» [8].

В области публичного права роль индивидуального права лиц, не наделенных публично властными полномочиями, намного скромнее, существенно ограничена в публично-правовых отношениях, что дает определенные основания для выводов о том, что «индивидуальное право обязанного участника правоотношения на содержание правоприменительного решения, как правило, не влияет», а «воля индивида, если и оказывает влияние на процессы правотворчества и

применения, то самое минимальное» [8]. Однако здесь на первый план выходит индивидуальное право, т.е. правовая культура должностного лица – правоприменителя. Именно правовая культура должностных лиц органов публичной власти (правоприменителей) выступает действительным регулятором общественных отношений и поведения людей, поскольку «норма публичного права реально действует благодаря органу государства, обладающему властными полномочиями и обеспечивающему ее реализацию независимо от воли и желаний других участников конкретных правоотношений» [8].

При этом следует понимать, что орган государства, в свою очередь, действует через людей, индивидов, являющихся носителями культуры, в том числе правовой, конкретного государственно-организованного общества.

Индивид же как таковой, испытывая влияние информационной среды с ее главным принципом – интерактивности, тоже неизбежно меняется, человек сталкивается с необходимостью обрабатывать все больше и больше получаемой информации. Разумеется, постоянно возрастающее в современной информационной среде ее количество (а это, бесспорно) не может не влиять на правосознание человека.

«Индивид, отчужденный от общества и государства и оставленный наедине с самим собой и своими потребностями, вынужден самостоятельно, своими силами формировать собственное индивидуальное право», «индивид принимает эстафету от государства в виде созданных норм позитивного права и достойно несет их до конечной, финальной стадии воплощения в конкретных отношениях. Именно стараниями и действиями индивида абстрактные нормы позитивного права дополняются и конкретизируются применительно к особенностям его непосредственного бытия, потребностями и спецификой планируемых правоотношений» [8].

В условиях развитой и дифференцированной системы правовой защиты интересов личности, аналогичной по характеру системам удовлетворения потребностей человека в иных сферах, сознание людей в этой области будет становиться, опять же, все более дифференцированным; сама возможность критического восприятия внешнего фактора в приложении к своим интересам будет неуклонно уменьшаться вплоть до полной утраты.

В такой ситуации можно говорить о своеобразной «потере иммунитета» к сохранению суверенитета и трансформации правовой культуры личности и общества, это неизбежное следствие его повышенной управляемости извне [7].

Схема зависимости выглядит так: повышение уровня информационных связей и информационной среды в обществе – упрощение механизмов потребления информации, повышенная стереотипичность восприятия и реагирования – утрата реальной способности к критическому анализу, вернее самой направленности мышления к критическому восприятию, в

том числе и в случае нарушения своих интересов – утрата национальных ценностей – потеря суверенитета, где вырождение права – следствие неспособности борьбы людей за свое право. Чем совершеннее общество, тем более универсален закон в отражении и закреплении этих интересов и, стало быть, тем он более надежно защищает интересы государства.

Заключение

Из всего вышесказанного следует, что соотношение понятий «правовая культура» и «суверенитет» проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, правовая культура является неотъемлемой частью суверенитета государства, и без уважения ценностей общества, без уважения прав и свобод, соблюдения законов и справедливости невозможно говорить о полноценном суверенитете. И в этом смысле правовая культура является фундаментом, на котором покоится внутренняя стабильность и доверие граждан к власти, что является важным фактором для сохранения суверенитета.

Во-вторых, суверенитет государства обеспечивает условия для развития правовой культуры, государственные институты, осуществляя свою власть над всей территорией, создают и совершенствуют правовую систему, обеспечивая тем самым доступность правосудия, осуществляя контроль за соблюдением законов и пресекая правонарушения, что и способствует развитию правовой культуры.

В-третьих, именно правовая культура должностных лиц органов публичной власти (правоприменителей), выступает действительным регулятором общественных отношений и поведения людей.

И, наконец, в-четвертых, правовая культура и суверенитет взаимодействуют на международном уровне, так как различные государства, с различной формой правления и различными политическими режимами заключают международные договоры, которые регулируют их взаимодействие с другими государствами, и в этом случае правовая культура является основой для соблюдения международного права, предполагающего в первую очередь суверенитет всех субъектов правоотношений: соблюдение прав и свобод граждан, справедливость и равноправие перед законом являются важными принципами международного права и международных отношений.

Причем основу этого процесса составляет не только международно-правовое сотрудничество и интеграция, а непосредственное взаимодействие различных компонентов правовой культуры через информационную среду, которая становится все более развитой.

Таким образом, соотношение понятий «правовая культура» и «суверенитет» является взаимосвязанным и взаимообусловленным: так с одной стороны, правовая культура является неотъемлемой частью суверенитета государства и способствует его укреплению, а с другой – суверенитет государства обеспечивает условия самосохранения.

Суверенитет всегда имел своим основанием мощную идею государства, которая держала бы это государство в состоянии «боевой готовности» по любым направлениям и поводам, и такие примеры в истории мы знаем: Римская империя, Рах Americana, социализм в СССР, и сейчас такие идеи пробует реализовать Эрдоган (Великий Туран), Китай со своим поясом «один путь...» и т.д.

Связь традиционных ценностей народа и суверенитета является важным аспектом в формировании и сохранении культурной и национальной идентичности, а, следовательно, и суверенитета, где нормы права отражают и закрепляют ценности, обычаи и принципы, которые передаются из поколения в поколение, являясь тем самым основой для эффективного развития общества. Они обеспечивают стабильность и устойчивость поступательного развития общества, сохраняя его культурное, историческое и национальное наследие. Традиции и ценности народа формируют основу для социального порядка и правовой системы, которые в свою очередь являются фундаментом для суверенитета государства.

Суверенитет как объект, протяжённый в историческом времени и подверженный изменению в силу политических, экономических географических (расширение или сужение территории) причин, связан с правовой культурой. Вместе они задают цель и направления развития общества. Сюда включается и разработка законодательства, и принятие политических решений, которые отражают интересы и потребности народа, сохранение социальной стабильности и согласия в обществе.

Список источников:

1. Альбов (2023) – Альбов А.П. Императивность суверенитета как правовая онтологическая категория // Современный юрист. – 2023. – № 3. – С. 8-26.
2. Афанасьев (2020) – Афанасьев, И.В. Правовая культура как образовательный феномен // Право и образование. – 2020. – № 1. – С. 73-78.
3. Мальцев (2002) – Мальцев, В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Журнал российского права. – 2002. – № 4. – С. 14-27.
4. Синюков (1997) – Синюков, В.Н. Правовые системы и правовые семьи // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.
5. Альбов (2023) – Альбов, А.П. Правовая система России как основание суверенного режима законности // Legal Bulletin. – 2023. – № 1. – Т. 8. – С.9-22.
6. Право и культура (2002) – Право и культура / Нерсисянц В.С., Муромцев Г.И. и др. под редакцией Соколова Н.С. – М.: РУДН, 2002. – 423 с.
7. Альбов (2022) – Альбов, А.П. Внутренний суверенитет: самообусловленность, автаркия, иммунитет // Современный юрист. – 2022. – № 4. – С. 8-21.
8. Сырых (2022) – Сырых, В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных

отношениях // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина]. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2022. – С. 228–259.

9. Сырых (2023) – Сырых, В.М. Правовая культура общества – объективная основа действующего законодательства // Правовая культура. – 2023. – № 2. – С. 30-40.

10. Гурьев (2023) – Гурьев, В.В. Правовая культура как фактор оптимизации государственно-правовой жизни общества // Правовая культура. – 2023. – № 2. – С. 44-46.

11. Зрячкин (2023) – Зрячкин, А.Н. Николай Игнатьевич Матuzов о правовом нигилизме и правовом идеализме // Правовая культура. – 2023. – № 4. – С. 109-111.

12. Гурьев (2021) – Гурьев, В.В. Культура правотворчества как фактор повышения качества правовой жизни общества // Правовая культура. – 2021. – № 2. – С. 106-107.

13. Панченко (2023) Панченко В.Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни // Правовая культура. – 2023. – № 4. – С. 5-14.

References:

Al'bov (2023) – Al'bov A.P. Imperativnost' suvereniteta kak pravovaya ontologicheskaya kategoriya [Imperativeness of sovereignty as a legal ontological category] // Sovremennyy yurist [Modern lawyer]. – 2023. – № 3. – S. 8-26. – EDN: MMPRLV. [In Russian].

Afanas'yev (2020) – Afanas'yev I.V. Pravovaya kul'tura kak obrazovatel'nyy fenomen [Legal culture as an educational phenomenon] // Pravo i obrazovaniye [Law and Education]. – 2020. – № 1. – S. 73-78. – EDN: TPWKCG. [In Russian].

Mal'tsev (2002) – Mal'tsev, V.A. Pravo kak normativno-deyatelnostnaya sistema [Law as a normative-activity system] // Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]. – 2002. – № 4. – S. 14-27. – EDN: TKSPST. [In Russian].

Sinyukov (1997) – Sinyukov, V.N. Pravovyye sistemy i pravovyye sem'i // Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lektsiy / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko [Legal systems and legal families / Theory of state and law. Course of lectures / Ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko]. – M.: Yurist", 1997. 672 s. ISBN: 5-7357-0196-7. [In Russian].

Al'bov (2023) – Al'bov, A.P. Pravovaya sistema Rossii kak osnovaniye suverenno go rezhima zakonnosti [The legal system of Russia as the basis of a sovereign regime of legality] // Legal Bulletin. – 2023. – № 1. – T. 8. – S.9-22. – EDN: NCCTUZ. [In Russian].

Pravo i kul'tura (2002) – Pravo i kul'tura / Nersesyants V.S., Muromtsev G.I. i dr. pod redaktsiyey Sokolova N.S. [Law and culture / Nersesyants V.S., Muromtsev G.I. and others, edited by N.S. Sokolov]. – M.: RUDN, 2002. – 423 s. – ISBN 5-209-01485-1. [In Russian].

Al'bov (2022) – Al'bov, A.P. Vnutrenniy suverenitet: samoobuslovlennost', avtarkiya, immunitet [Internal sovereignty: self-conditioning, autarky, immunity] // Sovremennyy yurist [Modern lawyer]. – 2022. – № 4. – S. 8-21. – EDN: WGTMOU. [In Russian].

Syrykh (2022) – Syrykh, V.M. Materialisticheskoye ponimaniye sushchnosti ob"yektivnogo prava i mekhanizma yego proyavleniya v konkretnykh

otnosheniyakh // Sushchnost' prava : sbornik sta-tey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Baytina / pod red. V.M. Baranova, S.A. Belousova, I.N. Senyakina [Materialistic understanding of the essence of objective law and the mechanism of its manifestation in specific relationships // The essence of law: a collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baitin / ed. V.M. Baranov, S.A. Belousov, I.N. Senyakin]. – Saratov : Izd-vo Sarat. gos. yurid. akademii, 2022. – S. 228–259. – ISBN 978-5-7924-1835-6. [In Russian].

Syrykh (2023) – Syrykh, V.M. Pravovaya kul'tura obshchestva – ob"yektivnaya osnova deystvuyushchego zakonodatel'stva [Legal culture of society – the objective basis of current legislation] // Pravovaya kul'tura [Legal culture]. – 2023. – № 2. – S. 30-40. – EDN: BNOGZG. [In Russian].

Gur'yev (2023) – Gur'yev, V.V. Pravovaya kul'tura kak faktor optimizatsii gosudarstvenno-pravovoy zhizni obshchestva [Legal culture as a factor in optimizing the state-legal life of society] // Pravovaya kul'tura [Legal culture]. – 2023. – № 2. – S. 44-46. – EDN: GYVIQT. [In Russian].

Zryachkin (2023) – Zryachkin, A.N. Nikolay Ignat'yevich Matuzov o pravovom nigilizme i pravovom idealizme [Nikolai Ignatievich Matuzov on legal nihilism and legal idealism] // Pravovaya kul'tura [Legal culture]. – 2023. – № 4. – S. 109-111. – EDN: FLHBLF. [In Russian].

Gur'yev (2021) – Gur'yev, V.V. Kul'tura pravotvorchestva kak faktor povysheniya kachestva pravovoy zhizni obshchestva [The culture of lawmaking as a factor in improving the quality of legal life of society] // Pravovaya kul'tura [Legal culture]. – 2021. – № 2 (45). – S. 106-107. – EDN: XKCCBW. [In Russian].

Panchenko (2023) – Panchenko, V.Yu. Polimorfiya prava i struktura pravovoy zhizni [Polymorphy of law and the structure of legal life] // Pravovaya kul'tura [Legal culture]. – 2023. – № 4. – S. 5-14. – EDN: SEFLTZ. [In Russian].

Теория и история государства и права

УДК 271; 348

ОСПЕННИКОВ Юрий Владимирович¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский государственный педагогический университет», ул. Университетская, 27, г. Херсон, 273003.

<https://orcid.org/0000-0001-6092-588X>

¹ Оспенников Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и истории.

E-mail: desmandado@yandex.ru

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА И ЦЕРКОВНОГО СУДА БАРСОВСКИМ ОБЩЕСТВОМ В 2023 г.: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ

Аннотация

Предмет/тема. В статье выявлены и проанализированы ключевые для рассмотрения современного состояния церковного права и церковного судопроизводства проблемы. Эти темы раскрываются на основе обсуждений на мероприятиях наиболее активного научного общества изучения церковного права – Барсовского общества.

Цели/задачи. Целью является раскрытие ключевых проблем в современном изучении церковного права и церковного суда, выявление тенденций исследовательских поисков, выявление противоречий в этом процессе.

Методология. Исследование основывается на историко-материалистическом подходе, базовым методом является диалектический, особое внимание уделяется методологической роли терминологического аппарата.

Результаты/выводы. Выявлены конкретные продвижения в организационном и методологическом аспектах. В методологическом отношении особое значение имеют критика мировоззренческих позиций церковных авторов дореволюционной России и работа над терминологическим аппаратом, его соответствие принципу научности. Показана необоснованность употребления таких терминов, как «служение», «божественное право» и др. Систематизированы проблемы, связанные с задачей выстраивания системы церковного права. Выявлены и обобщены особенности современного церковного судопроизводства и предложения по его реформированию. Показано значение материальных оснований при рассмотрении вопросов церковного права и бесперспективность идеалистического подхода. На конкретном примере показана тенденция фальсификации и профанации историко-правового знания.

Ключевые слова: *система церковного права, Барсовское общество, церковный суд, справедливость, «божественное право», «женский вопрос» в Церкви, архаизмы в праве, фальсификация.*

History of State and Law

¹ **Yuri V. Ospennikov**, doctor of law, professor of the Department of Philosophy and History, Federal state-financed educational institution of higher education «Kherson State Pedagogical University», Kherson
E-mail: desmandado@yandex.ru

DISCUSSION OF THE PROBLEMS OF CHURCH LAW AND ECCLESIASTICAL COURT BY THE BARSOV SOCIETY IN 2023: METHODOLOGICAL ISSUES AND KEY TOPICS

Abstract

Subject / Topic The article identifies and analyzes the key issues for considering the current state of church law and church judicial proceedings. These topics are revealed on the basis of discussions at the events of the most active scientific society for the study of church law - the Barsov Society.

Goals / Objectives The goal is to reveal the key problems in the modern study of church law and the church court, to identify trends in research, to identify contradictions in this process.

Methodology The research is based on a historical-materialistic approach, the basic method is dialectical, special attention is paid to the methodological role of the terminological apparatus.

Conclusion and Relevance Specific advances in organizational and methodological aspects have been identified. From a methodological point of view, the criticism of the ideological positions of the church authors of pre-revolutionary Russia and the work on the terminological apparatus, its compliance with the principle of scientific character, are of particular importance. The unreasonableness of the use of such terms as "ministry", "divine right", etc. is shown. The problems related to the task of building a system of church law are systematized. The features of modern church legal proceedings and proposals for its reform are identified and summarized. The importance of material grounds in considering issues of church law and the futility of an idealistic approach are shown. A concrete example shows the tendency of falsification and profanation of historical and legal knowledge.

Keywords: *the system of church law, the Barsov society, the church court, justice, "divine law", the "women's issue" in the Church, archaisms in law, falsification of history.*

Данная статья является аналитическим обзором изучения вопросов церковного права и церковного суда через призму работ Барсовского общества, которое до настоящего времени наиболее последовательно объединяло на своих мероприятиях исследователей указанных направлений. В связи с этим интерес представляет анализ не только содержания опубликованных под эгидой Общества работ, но и организационных форм, которые оно использовало. При этом данная статья является непосредственным развитием другой статьи, в которой подводились промежуточные итоги работы Барсовского общества и которая, на наш взгляд, сохраняет свою актуальность [1].

2023-й год показал, что основные направления деятельности, имеющие в своей основе конкретные исследовательские проблемы, были определены верно, работа над ними продолжалась. При этом полагаем, что критика жизненно необходима для науки, поэтому в данной статье будем говорить не только о достижениях, но и о сохраняющихся недоработках в методологическом отношении и о наметившейся негативной тенденции. Мы ставили задачей не просто фиксировать факт новых достижений, но прежде всего обратить внимание на противоречия в научной деятельности Барсовского общества в процессе перехода на очередную ступень освоения изучаемых тем и на противоречия на этой новой ступени.

Необходимо отметить, что во всех упоминаемых статьях (за исключением одной) мы подвергаем критике конкретные положения, признавая при этом научное значение основной части работы. Структура статьи предполагает выявление нескольких основных блоков материала (организационная деятельность, методология, ключевые темы), однако их отдельное рассмотрение является весьма условным, ниже будет видно, как тесно и органично они переплетены.

Первым направлением, которое считаем необходимым выделить, является организационное. Прежде всего, в этом отношении необходимо отметить, что Барсовскому обществу удалось придерживаться своей принципиальной позиции – выполнять функцию независимого аналитического центра, который выявляет и изучает актуальные противоречия, не пытаясь давать советы церковной иерархии [2, с. 188].

В 2023 году удалось реализовать новый подход к организации мероприятий: основной доклад (либо доклады) не озвучиваются, поскольку текст доклада, содержащий чётко сформулированные тезисы, их аргументацию и предполагаемые выводы, рассылается заранее всем участникам, поэтому мероприятие сразу начинается с дискуссии, которой и уделяется основное время. Этот формат был апробирован на круглых столах 15 марта, 23 июня и 29 сентября 2023г.

Помимо очевидных преимуществ в плане организации рабочего времени непосредственно на конференции, такой подход способствует более предметному и глубокому обсуждению материала, поскольку участники заранее готовят обоснованную позицию и аргументы относительно предмета обсуждения, имеют в качестве предмета для критики уже сформулированный автором тезисов подход и ряд конкретных тезисов.

Вместе с тем, на наш взгляд, 2023 год показал окончательный тупик в разработке направления «Церковное право и культура». Точнее говоря, это направление не продвинулось никуда с момента декларации, поскольку так и не были определены объект и предмет, терминологическая основа для общения в рамках возможных исследований. Деление на два направления «Церковное право: теория и история» и «Церковный суд: история и

современность», на наш взгляд, показало свой искусственный характер: большинство мероприятий и статей не показывают этого разграничения, вопросы суда неизбежно вызывают необходимость разрешения ряда проблем из сферы теории и истории церковного права, а когда идёт речь о практическом значении разрешения сложных вопросов церковного права, то прежде всего мы указываем на практику церковного суда.

В отношении организационного направления существует обоснованное мнение, что «деятельности Общества недостает больших долгосрочных проектов» [2, с 187]. При этом сам П.И. Гайденко признаёт наличие объективных препятствий для реализации таких возможных проектов (слабая изученность поднимаемых вопросов в научной литературе, обусловленная их недооценкой и самоцензурой; ограниченность ресурсов) [2, 187].

Мы видим в качестве препятствия ещё один фактор - крайне слабая разработанность терминологического аппарата в сфере изучения церковного права, фактическое отсутствие научно-обоснованного терминологического аппарата, в связи с чем обсуждение любой темы тормозится необходимостью прояснения вопросов терминологии.

Второе направление – методологическое. Прежде всего, это работа над точной и выверенной методологической позицией при проведении конкретных исследований и в рамках идущих дискуссий. Но кроме того имели место и непосредственно работы, посвященные критике и выявлению методологических оснований. Так, ещё в 2022 г. в диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия иерея В.С. Величко, выполненной под руководством члена Барсовского общества протоиерея Александра Задорнова, была поставлена проблема критического осмысления идей авторов русского зарубежья периода 1922-1972 гг., в отношении которых в современных работах преобладает некритическое отношение, несовместимое с научным подходом [3].

Эта проблема вновь была актуализирована в 2023 г. статьей, посвящённой выявлению основных черт методологии критики научного социализма церковными авторами дореволюционной России. Помимо фундаментального противоречия, заключающегося в конфликте между религиозным и научным типами мировоззрения, был выявлен ряд других черт, характерных для критики социализма церковными авторами: 1) погружение вопроса о чертах социализма в религиозную парадигму; 2) объявление марксизма религией или квазирелигией; 3) игнорирование принципа историзма; 4) переворачивание причины и следствия; 5) представление первоочередных задач в качестве конечных целей; 6) противоречие между заявляемыми идеями и собственной деятельностью [4]. Краткое обобщение выявленных особенностей даёт картину неграмотных оценок, сознательно или непреднамеренно искажающих то явление, о котором авторы высказываются.

В работе Барсовского общества, в силу специфики обсуждаемых вопросов, нередко отсылки к идеям авторов дореволюционной России, которые воспроизводятся без должной критики прежде всего методологических оснований. Полагаем, что данный аспект работы необходимо поставить среди приоритетных в плане внутренней рефлексии в процессе исследовательской работы и публичных дискуссий.

Ещё одним важным аспектом методологического направления является работа с терминологическим аппаратом. Сфера церковного права насыщена терминами, которые на данный момент не только не имеют единого понимания, но их определения не предполагают выявления существенных признаков, т.е. не позволяют отличить явление, о котором идёт речь, от других явлений. В этом отношении внутри Барсовского общества была проведена большая работа по уточнению понимания отдельных терминов. При перечислении этих терминов (соstitialность, обвинительность, справедливость и др.) может сложиться впечатление, что речь идёт об очевидных вещах, однако на конкретных примерах неоднократно было показано, насколько размытые смыслы нередко стоят за конкретными терминами даже в научной литературе, поэтому уточнение терминологического аппарата и его использование как основы для обсуждения конкретных тем мы рассматриваем в качестве значимого достижения Общества. Впрочем, это не завершённый процесс, работу над уточнением терминологического аппарата необходимо продолжать.

Здесь мы приведем несколько примеров. В проблемной статье П.И. Гайдено, посвящённой эстетике церковного суда, значительное место занимает противопоставление справедливого и несправедливого суда. На мероприятиях Барсовского общества уже неоднократно было отмечено, что при упоминании справедливости недопустимо рассматривать её в абстрактном смысле. Всегда необходимо оговаривать, для кого рассматриваемое явление представляется справедливым (представление о должном прежде всего определённой социальной группы). Однако Павел Иванович увлекается точкой зрения автора источника и уверенно говорит о справедливости произошедшего разорения Киева и Смоленска, не оговаривая, что это справедливо, по мнению описывающего данный сюжет книжника, но вряд ли является таковым для большинства жителей обеих городских общин, которые, впрочем, остались «безмолвствующим большинством», не донёсшим до нас своего взгляда на эти события [5, с. 226].

Также в отношении «справедливого правосудия» А.А. Дорской была представлена попытка использовать легальное определение, дополненное перечнем признаков (определение из ст. 6 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года и ряд признаков: законность, публичность, независимость, беспристрастность, разумность сроков рассмотрения дела и вынесения решения) [6, с. 90]. Такое

определение обходит главное – определение сущностного признака, что закономерно приводит к внутренне ошибочным тезисам, предполагающим использование данного термина [6, с. 93].

В 2023 г. на мероприятиях и в публикациях Барсовского общества неоднократно озвучивался термин «служение», причём нередко в рамках противопоставления «служение – трудовые отношения» (А.Ю. Митрофанов: «Священник принимает сан для того, чтобы служить, а не для того, чтобы работать» [7, с. 123]; А.В. Ведяев: «служение священника — это именно служение, а не работа» [7, с. 129]). При большом разнообразии попыток определения «служения» (и как разновидности служебных отношений, и как особого явления) нам не удалось обнаружить ни одной удовлетворительной попытки определения содержания термина, которая бы предлагала выявление сущностного признака, позволяющего не смешивать данное явление с другими. То есть возникает ситуация, когда наличие термина не указывает на соответствующий элемент объективной действительности, без грамотного определения термина «служение» невозможно объяснить, почему деятельность священнослужителей не подпадает под определение «трудовые отношения» и должна определяться как «служение» (именно такой позиции придерживаются многие авторы). Соответственно, использовать его в рамках научных исследований по церковному праву невозможно, хотя, как видим, термин широко используется в публикациях и в логических построениях. Будет замечательно, если кто-то из коллег сможет заняться этим вопросом и предложит аргументированное определение. Пока это не сделано, мы не видим оснований для использования этого термина в научной дискуссии.

К третьему блоку материала, который мы бы хотели выделить в деятельности Барсовского общества в 2023 г., относятся некоторые ключевые проблемные темы. Понятие «ключевые» предполагает, что к данным проблемам участники мероприятий Барсовского общества приходят при обсуждении самых разных вопросов.

Обсуждению одной из таких тем была посвящена значительная часть мартовского круглого стола «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение». Ключевая тема не совпадает с темой круглого стола, носит более узкий характер, имея острое современное звучание, – это тема «мечты о сословности» (по замечательно точному выражению Павла Ивановича Гайденко) [7, с. 116] определенной части духовенства.

Это явление рассматривается в Барсовском обществе как отражение внешних (в отношениях с государством и светским обществом) и внутренних (внутри религиозных институтов) противоречий [7, с. 116-118].

Говоря о внутренних противоречиях, было подчеркнuto, что во многом это следствие несоответствия «канонического, мировоззренческого и культурного фундамента», который сформировался и был закреплён в

совершенно другие эпохи, «который эклектичен, не систематизирован, не осмыслен» [7, с. 118]. Здесь мы выходим на ещё одну ключевую тему, – необходимость систематизации источников церковного права.

Кроме того, было указано на противоречия между архиереями и основной частью духовенства [7, с. 118-119]. Этот вопрос отчасти получил развитие на следующем круглом столе (июнь 2023 г.) в рамках вопроса о критериях эффективности церковного суда.

Наконец, с вопросом о внутренних противоречиях связана и уже отмеченная выше проблема определения термина «служение», поскольку актуальный вопрос о трудовых правах (отсутствие договора, трудового стажа, права на оплачиваемый отпуск, отдых, минимальную оплату труда, оформление больничного и т.п.) [7, с. 119] применим к внутрицерковным отношениям только в том случае, если термин «служение» прикрывает реальные трудовые отношения, не имея собственного содержания.

Говоря о перспективах решения вопроса о правовом положении духовенства, было указано на два фактора: 1) отношение государства; 2) насколько адекватно статус будет определяться самой Церковью. Оба фактора, на наш взгляд, не были подвергнуты должной критике. По второму фактору заметим, что не совсем понятно, какие есть основания рассчитывать на изменения внутрицерковного подхода, учитывая господство принципа иерархии и отсутствие процесса демократизации внутри Церкви. По первому фактору следует обратить внимание, что государство – это инструмент в руках правящего класса, что в нынешних реалиях означает отражение в государственной политике интереса абсолютного меньшинства. Если Церковь будет ориентироваться только на то, чтобы находиться в гармонии с государством, она всё больше будет утрачивать связь с демократическими массами, этот процесс уже фиксируется в социологических исследованиях [8]. Как отметил П.И. Гайденок, современное духовенство в восприятии окружающих всё больше превращается в особую субкультуру, обладающую чертами «маргинальности, асоциальности и агрессивности по отношению к внешнему миру» [7, с. 120], а 2023 год показал немало примеров, когда высказывания представителей этой группы, растражированные СМИ, мягко говоря, вызвали недоумение и неприятие значительной части светского общества.

Учитывая сказанное по поводу двух отмеченных факторов, логичным будет выделить третий: отношения с широкими слоями российского общества. Предпочтительно, чтобы они выстраивались исходя из современных реалий, а не из иллюзорных представлений, удобных для Церкви, но углубляющих противоречия, которые неизбежно отзовутся серьезным кризисом. В частности, это особенно касается образовательной сферы, в которой отмечается тенденция агрессивной клерикализации.

Наконец, на круглом столе было подчёркнуто, что обсуждение было задано и проходило при игнорировании материальных оснований современного положения духовенства. Между тем, говоря о нынешнем положении и его перспективах, невозможно сначала не определиться с вопросом «о той функции, которую данная конкретная группа выполняет в системе общественных отношений» [7, с. 125]. В этом отношении очевидно стремление по крайней мере части Церкви и государства к расширению выполнения идеологической функции, однако насколько такая тенденция находит поддержку в широких слоях общества? Это ещё одно нарастающее противоречие, которое имеет аналогии в истории, по которым мы можем представить возможные негативные последствия, в том числе для самой Церкви.

При обсуждении проблемы самоопределения положения духовенства неоднократно указывалось, что духовенство продолжает ориентироваться на реалии, относящиеся к другой эпохе (например, о. Александр Задорнов: «духовенство продолжает жить в феодальной правовой культуре»; Б.И. Чибисов: «средневековые модели священнослужителя»; А.В. Ведяев: «Функция обвинения по совместительству возложена на суд, что свойственно для более ранней формы процесса — инквизиционной») [7, с. 121, 129; 9, с. 106]. Это переход к ещё одной ключевой теме – проблеме архаизмов в церковном праве и церковном суде, отживших элементов, не отвечающих современным реалиям общественной жизни. Очевидно, что церковный суд и церковное право в целом имеют ряд таких архаизмов, их выявление и решение вопроса, что с ними делать, возможны на основе масштабной работы по систематизации существующих норм церковного права и очищения этого пространства от очевидных анахронизмов и противоречий.

В свою очередь это прямо ставит ещё одну ключевую тему – проблему систематизации источников церковного права (как необходимую предпосылку для систематизации норм церковного права).

В развитие темы соотношения категорий «церковное право» и «каноническое право» на круглом столе 29 сентября была обсуждена предложенная Д.В. Волужковым и Н.А. Тарнакиным классификация норм церковного права. Эта классификация предполагает выделение следующих групп: 1) канонические нормы (нормы Книги правил, хотя в целом здесь границы неясны, поскольку здесь важен «исторический процесс формирования данного «ядра»»), для этой группы норм характерны неизменяемость, возможность неприменения; 2) экстраканонические нормы – имеют отношение к Церкви «вне зависимости от их происхождения и возраста», эта группа может быть подразделена на две подгруппы – исторические (недействующие) и актуальные (действующие в настоящее время) нормы; 3) трансграничные – «нормы, которые переходят

из экстраканонических в канонические, однако не сливаясь в ними и не становясь таковыми».

Данная схема не стала пока предметом критического осмысления и в теоретическом отношении не вызвала возражений. Полагаем, что дальнейшее её обсуждение возможно только на основе первых опытов её апробации.

В вопросе о системе церковного права и его современном состоянии на мероприятиях Барсовского общества указывается на острые противоречия и явные негативные последствия: церковные нормы «плохо вписываются в систему российского права и в некоторых случаях даже противоречат его конституциональным и законодательным положениям как по духу, так и по букве» [2, с. 186]. Такое состояние является «миной замедленного действия» и неизбежно скажется на церковно-государственных отношениях, отношениях с обществом, сказывается на правовом и каноническом сознании самих верующих и клириков, придавая некоторую двойственность их морали [2, с. 186].

Кроме того, П.И. Гайденко обратил внимание на то, что в ст. 2 Положения о церковном суде «разводятся требования канонов и реальный строй церковной жизни, что порождает внутреннее противоречие» и основание для манипулирования нормами канонов [10, с. 156]. Таким образом, суд отражает представления очень узкой группы лиц (далее с этим согласился А.А. Хохлов, приведя доп. аргументы) [10, с. 159-160], в то время как игнорируются такие очевидные цели, как 1) выявление истины в конкретном деле; 2) обеспечение каноничности и законности; 3) защита нарушенных прав, чести и достоинства [10, с. 157].

На наш взгляд, обобщая высказывания участников мероприятий Барсовского общества по теме системы церковного права, следует указать на шесть основных элементов этой проблемы: 1) бессистемное состояние источников права; 2) противоречия между отдельными источниками права и отдельными нормами; 3) противоречие между требованиями канонов и реальным строем церковной жизни; 4) отсутствие научной терминологии при их описании; 5) место текстов Священного Писания в системе источников церковного права; 6) содержание термина «божественное право».

Относительно сферы церковного образования в 2023 г. в Барсовском обществе не было новых дискуссий. П.И. Гайденко предположил, что в рамках курса канонического права должны быть прописаны компетенции, необходимые для подготовки судей церковного суда [10, с. 157] (хотя для этого сначала должны появиться формальные требования к таким судьям). А.В. Ведяев предположил, что вопрос подготовки кадров для потенциального института защитников и обвинителей в церковном суде решается существованием магистерской программы Московской духовной академии «Современное каноническое право» [9, с. 106].

Впрочем, здесь существует противоречие: если эти кадры включены в церковную иерархию, то насколько они смогут занимать объективную позицию? Может быть, всё же правильнее привлекать для реализации данной функции внешние кадры, имеющие соответствующую подготовку? По сути, об этом сам Алексей Викторович говорит дальше: «Даже при выделении в церковном суде стороны обвинения проблема его объективности и беспристрастности не будет разрешена, по крайней мере на уровне епархиального суда. Причина здесь кроется в наличии взаимных зависимостей: обвиняемый и судьи зависимы как от архиерея, так зачастую и друг от друга» [9, с. 106-107].

Поставленная в 2022 г. на Барсовских чтениях предполагаемая проблема «женского вопроса» в церковной среде вызвала оживлённый обмен мнениями, но о разработке этого вопроса внутри Общества речь пока не идёт, за исключением нескольких статей, в которых авторы отчасти коснулись этой темы [11; 12]. В статье А.Ю. Митрофанова представлен краткий обзор участия женщин в литургической жизни Церкви и в церковном управлении, но автор смещает акцент с «участия в жизни» на «служение» (относительно неопределённости этого термина уже было сказано). Вывод автора о том, что коронация и причастие по священническому чину Екатерины II «стали важным символом церковного служения женщины в русском церковном праве...» [12, с. 140] лишён конкретного содержания (в силу отсутствия такого содержания у используемого термина «служение») и необоснованно смешивает конкретную ситуацию нахождения лица женского пола на престоле Российской империи с ролью в целом женщин в Церкви. Если мы рассматриваем Екатерину II, то мы говорим прежде всего об императрице, а не о женщине. В её отношении к Церкви, в её месте в системе церковного управления нет гендерной роли, поэтому это не элемент т.н. «женского вопроса», предполагающего выявление определенной гендерной роли и её изменение, положение, которое предписывается внутри Церкви в связи с гендерной ролью. К примеру, в Барсовском обществе нет «женского вопроса», хотя среди его членов есть А.А. Дорская и Ю.В. Ерохина, но они действуют как члены Общества, их положение и их деятельность не определяются их гендерной ролью или принадлежностью к определённой гендерной группе.

При этом мы продолжаем стоять на той позиции, что этот вопрос ещё приобретёт актуальность. Косвенно об этом говорит острая дискуссия в обществе, развернувшаяся в 2023 г. вокруг попыток ряда представителей светских и церковных властей «указать место» женщине в рамках кампании по ограничению аборт.

На специальном круглом столе в июне 2023 г. церковный суд рассматривался в контексте принципов состязательности и обвинительности. Общим фундаментом для дальнейших выводов явилось

признание, что принцип иерархии, существующий в Русской Православной Церкви, неизбежно влечет за собой обвинительный характер судебного процесса, что делает его крайне неэффективным для большинства заинтересованных в эффективности судопроизводства. Решения, выносимые таким судом: 1) слабо проверяемы; 2) не имеют достаточного авторитета в том смысле, что нет уверенности в их справедливости [10, с. 170]. При этом существуют объективные препятствия для состязательного характера церковного суда: 1) канонический корпус архаичен и не систематизирован в современном правовом понимании; 2) суд не отделен от администрации [10, с. 170].

В тезисах, обсуждавшихся на круглом столе, особое внимание было уделено роли аппарата церковного суда, на который возложена функция «сбора необходимых доказательств», и докладу А.А. Тарнакина, на основании которого было указано на несколько аспектов: 1) расплывчатость понятия «аппарат»; 2) «справка, содержащая канонический анализ» не получает должных оценки и контроля; 3) обвиняемый в церковном правонарушении до начала заседания может не представлять, что именно ему вменяют [10, с. 155].

По итогам дискуссии можно сделать несколько выводов: 1) существует очевидный пробел в грамотном определении функции церковного суда [10, с. 154]; 2) в церковном суде возможна выборность судьи, показана целесообразность связи этого элемента с выборностью архиереев (А.Ю. Митрофанов отметил, что по римскому праву архиереи выбирались [10, с. 162], а Д.В. Волужков обратил внимание, что эта проблема осознавалась уже в XIX в. [10, с. 158-159]); 3) не определены формальные требования к судьям (компетентность и иные качества); 4) в церковный суд должны быть введены обвинитель и защитник; 5) для решения вопроса об образовательном статусе защитников и обвинителей, а также об их канонической независимости от конкретного правящего архиерея высказана идея готовить указанных лиц (с оговоркой, что это могут быть только священнослужители, которые перед началом судебного заседания должны приносить присягу) на специальных курсах на базе духовных учебных заведений (единый корпус для всей РПЦ); 6) введение принципов гласности и публичности остаётся дискуссионным, поскольку ряд участников дискуссии придерживается взгляда на суд как на исповедь (в таком случае этот же аргумент должен подрывать и большинство остальных предложений по реформированию суда, включая институт защитников и обвинителей); 7) должно быть прописано распределение обязанности доказывания; 8) должна быть сформулирована презумпция невиновности; 9) высказана идея о нецелесообразности наличия судов во всех епархиях, при том что имеет смысл говорить о судах крупных церковных субъектов, например митрополий.

Итогам июньского круглого стола посвящена отдельная статья А.В. Ведяева, представляющая собой замечательный пример грамотного проблемного подхода, при котором автор определяет основные категории, которые он использует. В этой статье Алексей Викторович формулирует ещё ряд предложений – в частности, предлагает в качестве обеспечения независимости судей в церковном суде предусмотреть «запрет снимать их с должности судей, переводить на иной приход или подвергать дисциплинарным взысканиям без санкции вышестоящей власти (Патриарха, Синода или Высшего общецерковного суда)» [9, с. 107]. Впрочем, сам автор отмечает, что это представляется малореальным.

Говоря об обвинительности, напрямую вырастающей из канонов, А.В. Ведяев обращает внимание на то, что преобладание обвинительных приговоров в решениях церковных судов является закономерным следствием преобладания этого принципа [9, с. 107]. Указывая на то что в Высшем общецерковном суде, в противоположность епархиальным судам, «значительная часть решений имела оправдательный характер», А.В. Ведяев делает вывод, что единственной причиной преимущественно обвинительных приговоров епархиальных судов является «факт зависимости от епархиального архиерея как судей епархиального суда, так и самого обвиняемого» [9, с. 107].

Отмечая в целом очень высокое качество рассматриваемой статьи А.В. Ведяева, укажем на очевидную ошибку в использовании термина «справедливость», которая приводит к необоснованным умозаключениям. Автор пишет, что «самым необходимым для функционирования церковного суда как инструмента по обеспечению справедливости является принцип независимости судей» [9, с. 107]. Справедливость – представление о должном в конкретной общественной группе. Как уже отмечалось на мероприятиях Барсовского общества, духовенство не является внутренне единой социальной группой, внутри него есть подгруппы с разными, нередко противоположными интересами, поэтому абсурдно полагать, что некий абстрактный судья сможет выносить справедливое решение по конкретному делу. Оно будет справедливым для одной или одних групп, но несправедливым для других. И в данном случае крайне важен вновь вопрос об источниках формирования кадров судей, возможных обвинителей и защитников.

Развивая идею о нецелесообразности наличия судов во всех епархиях и возможной реформе церковного суда в плане перехода к судам митрополий или судебных округов, А.В. Ведяев полагает, что такой суд может формироваться избранием или назначением судей от нескольких епархий, что, по мнению Алексея Викторовича, позволит в значительной степени ликвидировать зависимость судей от архиерея [9, с. 107-108]. При этом он предлагает ещё более перспективную, на его взгляд, модель, при которой суд осуществляют «только архиереи митрополии или судебного округа, без

участия судей-клириков» [9, с. 108]. По мнению А.В. Ведяева, в Положении о митрополиях эта модель уже фактически реализована: рассмотрение «архиерейским советом митрополии конфликтных ситуаций, затрагивающих всю митрополию (ст. 10 п. «п»)» [9, с. 108], а также ссылается на то, что эта модель в большей степени соответствует канонам (автор обращается к 12 и 29 правилам Карфагенского собора). Очевидно, что эта практика может быть распространена на все судебные дела.

Правда, при такой модели вновь обостряется вопрос о принципе справедливости (сам А.В. Ведяев указывает на фактор «корпоративного сознания» [9, с. 108]) и вопрос о принципе демократизма в современной Церкви. Кроме того, есть ещё технически-организационный вопрос: а согласны ли будут архиереи «соборно» рассматривать всё то множество дел, которые сегодня проходят через епархиальные суды? Ведь для рассмотрения не формального, а предполагающего действительное разбирательство, потребуется значительную часть своего времени уделять судебной деятельности. Тем более что уже ранее П.И. Гайденок называл в качестве актуальной проблемы церковного суда его «поспешность» [10, с. 157].

Наконец, проблему представляет уже поднятый в ходе деятельности Барсовского общества вопрос о финансировании проезда сторон к месту проведения судебного заседания [9, с. 108; 10, с. 165]. Относительно последнего обстоятельства А.В. Ведяев оспаривает высказанное мнение, что канонические правила предполагают только личное участие, в связи с чем якобы невозможно дистанционное участие: «Идея данного канона — невозможность рассмотрения дела без участия обвиняемого (пусть даже и явился представитель), обязанность делать это только при его личном присутствии. Современные технические средства позволяют это сделать и без поездки в место проведения суда» [9, с. 108]. Кроме того, А.В. Ведяев указывает на то что уже существует практика проведения заседаний Священного Синода в дистанционном формате [9, с. 108-109]. Соответственно, автор предлагает расширить внедрение дистанционного формата в церковное судопроизводство на разных уровнях, что позволит сгладить нынешние «инертность и неповоротливость» системы церковного суда.

По этой же проблеме на мероприятиях Барсовского общества был поставлен вопрос о двух возможных путях дальнейшей эволюции церковного суда: 1) реформирование существующего церковного суда; 2) отказ от существующего церковного суда в пользу духовнической практики (как пауза для исправления ошибок и подготовки церковного суда на более качественных основаниях) [10, с. 158, 168].

В пользу первого варианта И.А. Шершнева-Цитульской было высказано убеждение, что не существует лучшей процедуры для установления истины, чем суд [10, с. 168]. Правда, при этом она говорила о

суде в отрыве от современного конкретно-исторического контекста («суд — это замечательная демократическая процедура»), от противоречий и архаизмов церковного суда, о которых много говорилось на мероприятиях Общества. С критикой возможного перехода от суда к духовнической практике выступил также А.А. Хохлов, указавший на то, что следствие всё равно необходимо совершать [10, с. 168], а это означает, что большинство проблем, о которых шла речь, сохраняет свою актуальность. Также было высказано опасение, что переход к духовнической практике вместо суда даст ещё более закрытую от церковного сообщества систему разрешения разных спорных и сложных вопросов» [10, с. 167].

В рамках обсуждения проблем церковного суда также поднимался вопрос о принципе законности и понятии «церковные законы». Традиционной точке зрения, согласно которой церковные законы являются раскрытием т.н. «божественного права», были противопоставлены подходы, так или иначе основывающиеся на современных научных представлениях о термине «закон».

Относительно этого вопроса мы продолжаем придерживаться позиции, что в современных условиях терминологическая конструкция «церковный закон» невозможна и лишена смысла, акты, издаваемые церковными органами и содержащие церковноправовые нормы, не могут быть обозначаемы как законы.

В отношении принципа законности на сентябрьском круглом столе было предложено представить возможные подходы к пониманию этого принципа в контексте церковного права в виде обобщения и построения теоретической модели на основании определенного массива конкретного материала, который являлся бы аргументационной базой.

В рамках условного блока вопросов методологического характера особое место занимает вопрос о признании материальных оснований, поскольку без этого научный подход к обсуждаемым проблемам невозможен. Эта принципиальная позиция была обозначена при подведении промежуточных итогов в декабре 2022 г. [1, с. 182] и в дальнейшем нашла поддержку у ряда авторов Барсовского общества [13, с. 98; 14, с. 180; 7, с. 126, 127, 131].

С другой стороны, в ходе дискуссий нередко озвучивались позиции, которые выстроены в рамках идеалистического подхода и не учитывают значение материальных оснований. Например, тезис о том, что мнения «являются в наши дни важнейшим социальным консолидирующим фактором» [13, с. 100]. В свою очередь такой подход приводит к закономерному смещению причины и следствия: так, предлагая поместить рассмотрение вопроса об эффективности церковного суда в контекст «культурных войн», И.В. Борщ меняет местами причину и следствие, так что «культурные войны» рассматриваются как причина «разделения общества» [13, с. 100].

Говоря о негативной тенденции современного образа духовенства в глазах окружающего светского общества, П.И. Гайденко усматривает причину этого в низком уровне канонического сознания и сомнительной богословской подготовке [7, с. 120]. Полагаем, что здесь тоже полностью упущены из виду материальные основания, ведь, например, он сам указывал на различия правового обеспечения статуса епископата и священников [7, с. 118-119], - эти различия были зафиксированы одними и теми же людьми, и их уровень «богословской подготовки» не помешал им решить вопрос в отношении одной группы духовенства одним образом, а в отношении другой – совершенно другим образом.

В другом месте А.В. Ведяев говорит о том, что на снижение притока абитуриентов в семинарии влияет «капиталистический, рыночный дух». В данном случае он упускает из виду реалии капиталистического уклада в материальной жизни, в то время как именно они, а не какие-то либеральные идеи влияют на выбор абитуриентов, что далее сам Алексей Викторович и подтверждает: «в священники идут только те, кто имеет уже какую-то финансовую независимость — пенсии, пособия и т. д.» [7, с. 129].

Довольно распространен в Барсовском обществе подход, согласно которому невозможно церковно-правовые отношения рассматривать только с материалистических позиций, поскольку «право Церкви предполагает некую иную, духовную реальность, нежели государственное законодательство» [7, с. 123]. На наш взгляд, это один из архаизмов, о которых уже было сказано. В прошлом человечества, говоря о проявлениях этой «духовной реальности», выдвигались конкретные параметры – например, успех и богатство (чем богаче и успешнее человек, тем очевиднее благоволение божества). Этот подход, конечно, уже не воспринимается всерьёз, но в нём была своя логика. Где логика современных рассуждений о «духовной реальности», где её параметры? Если мы рассуждаем о церковном праве в рамках современного научного подхода, мы неизбежно любые теоретические построения проверяем практикой и, наоборот, от обобщения общественной практики приходим к теоретическим построениям, при этом используем универсальный терминологический аппарат. Мы готовы обсуждать «духовную реальность», если будет представлено определение термина и хоть какое-то обобщение проявлений этой реальности в общественной жизни, но до тех пор не видим в этом логики. Поэтому мы бы предложили сторонникам данного подхода представить логичное обоснование и определения основных терминов, за которыми будет стоять конкретное содержание, это одно из возможных направлений публичных дискуссий в рамках деятельности Барсовского общества.

Надо отметить, что П.И. Гайденко гораздо более точно определил подход к пониманию т.н. «духовной реальности»: «многие нормы церковного права ... имеют в церковном сознании не только земное, но и

вневременное Божественное измерение» [2, с. 185]. По сути, Павел Иванович переносит рассмотрение этого вопроса из объективной реальности в сферу психической деятельности человека, а ещё конкретнее – в сферу церковного сознания. В рамках такого понимания есть основание для дискуссии в сфере научного знания.

С вопросом о т.н. «духовной реальности» тесно связан и вопрос о «божественном праве», который, в свою очередь, непосредственно выводит нас на вопрос о «божественной воле» и проблеме отсутствия её объективно установленных проявлений. Хотя иногда высказывается мнение о «признании Божественной воли в качестве ключевого источника права» [15, с. 175], однако такая постановка вопроса несовместима с представлением о системе права как рациональной системе, для науки речь идёт исключительно о субъективном психологическом аспекте.

В рамках мероприятий Барсовского общества иногда прямо указывалось, что речь идёт не о реальном элементе действительности (поскольку отсутствуют проявления), а о концепции. Например, именно в таком смысле о «божественном праве» говорила И.А. Шершнева-Цитильская на круглом столе 29 сентября 2023 г., отмечая, что этот элемент «мало вписывается» в систему права, как её представляет современная юридическая наука. Значительная часть авторов Общества сошлась во взгляде на «божественное право» как на спекуляцию, при этом соглашаясь в том, что эту концепцию следует в дальнейшем обстоятельно рассмотреть, чтобы она либо получила убедительную аргументацию, либо была скорректирована и заменена другой концепцией.

В целом значительная часть обсуждения на круглом столе 29 сентября была сосредоточена вокруг понятия «божественное право», его определения, его места и в системе церковного права вообще, и в системе источников права, в т.ч. был поднят вопрос, что логично смотреть на «божественное право» как на некий комплекс идей, которые должны иметь влияние на всю систему церковного права. Н.А. Тарнакин отметил, что термин «божественное право» перенесли в церковное право из богословия, не снабдив его при этом качественным определением, в целом же термин «божественное право» предполагает некоторые идеи, которые содержатся в Священном Писании, которые позднее в истории Церкви облеклись в определенную форму (в форму апостольских правил, канонов и др.).

Соответственно, тезис А.Ю. Митрофанова о том, что «евангелие выше юридических норм» в целом абсурден: если мы говорим о праве, то абсурдно ставить вопрос о месте евангелия в системе источников права, этот текст просто не имеет никакого места в данной системе. Рациональный взгляд на Священное Писание как на тексты, содержащие определённые идеи, может позволить встроить данный иррациональный элемент во вполне рациональную систему церковного права. При таком

подходе тексты Священного Писания не включаются в систему церковного права как источник права.

Но здесь возникает неизбежно проблема учёта конкретно-исторического характера тех идей, которые были включены в тексты Священного Писания, а также ещё более сложный вопрос о том, кем может быть проведена работа по выявлению такого рода комплекса идей и их интерпретации применительно к современному церковному праву.

Наконец, в разговорах о «божественном праве» надо быть максимально точными и аккуратными, чтобы не оказаться замешанными в фальсификациях разного рода. Например, в Самаре самое известное чудо – т.н. «стояние Зои» – это откровенная фальсификация, однако представители Церкви поддерживают эту легенду. Тут надо понимать, что любая фальсификация рано или поздно разоблачается, и люди не прощают обман. А проблема фальсификации исторического прошлого стоит в современной науке остро, и о ней будет сказано дальше.

Один из тезисов ионьского круглого стола, раскрывавшийся на основе сопоставления степени справедливости дореволюционного пореформенного и советского суда, стал основанием для критической статьи А.Ю. Митрофанова.

К сожалению, уже в отношении самых базовых для раскрытия темы аспектов возникает много вопросов. Например, А.Ю. Митрофанов утверждает, что до принятия первого УК РСФСР в 1922 г. «на территориях бывшей Российской империи, находившихся под контролем вооруженных сторонников советской власти, вообще не существовало никакой системы законодательства, а нормальное судопроизводство на этих территориях в условиях отмены всех дореволюционных законов было заменено «революционной совестью» [16, с. 114]. Здесь непонятно, автор просто не знает, например, про первые три декрета о суде или сознательно игнорирует их. Непонятно, как вообще можно рассматривать судопроизводство, игнорируя существующую правовую основу?

Уже здесь необходимо заметить, что в пространстве научной дискуссии возможны различные подходы, однако только те, которые имеют аргументацию, основывающиеся на принципах научности, на соблюдении определённых критериев исследовательской работы, которые выработаны современной наукой. И для исторической, и для юридической науки игнорирование существующих правовых основ недопустимо. Но это только начало, дальше будет отмечен целый ряд такого рода нарушений критериев исследовательской работы и принципов научности.

Другой аспект – это определение хронологических границ. А.Ю. Митрофанов несколько раз на протяжении статьи меняет хронологические рамки рассматриваемой темы, в самом протяжённом случае продлевая верхнюю границу «раннего советского периода» до 1953 года [16, с. 114].

Одной из самых слабых сторон статьи является удивительно неграмотное использование терминологического аппарата (автор игнорирует принятое в науке понимание термина, при этом никак не пытается обосновать другое содержание, вкладываемое им в используемый термин). Помимо ключевого для темы статьи термина «справедливость», также ряд других терминов либо используются неграмотно, либо с явными признаками манипулирования ими. Например, очень странное противопоставление «судопроизводства» и «революционной совести», которые якобы взаимозаменяемы [16, с. 114]. Судопроизводство – это нормативно установленная деятельность судов, тогда как «революционная совесть» относится к сфере правосознания (в то время параллельно использовались термины «революционное правосознание», «социалистическое правосознание», «правосознание трудящихся классов», которые указывают на источник права, приобретший большее значение, чем прежде, но не вытеснивший значение нормативно-правовых актов). Здесь надо отметить, что «революционное правосознание» – это прежде всего отражение стихийных процессов на местах и объективной ситуации, когда новое право ещё не создано, оно находится в процессе создания, на этой стадии неизбежны перекосы и ошибки [17, с. 181]. Этот процесс достаточно хорошо представлен в историко-правовой науке: «В силу конкретных исторических и идеологических обстоятельств механизм правоприменения складывался ранее, чем нормативная база, призванная регламентировать этот процесс» [18]. При этом никакого противоречия здесь нет: право – это воля правящего класса, а в юридической литературе специально указывается на ограниченность нормативистского подхода (несмотря на то что некоторые авторы говорят о преобладании нормативных правовых актов среди источников права в период 1917-1922 гг.) [19], в том числе применительно к данному периоду: «Опыт 20-х годов учит одному: правовая реальность – более сложное явление, чем это может представляться одностороннему нормативистскому взгляду» [18].

Далее автор смешивает понятия «справедливости» и «законности» [16, с. 114], по его тезисам очевидно, что он не отдаёт себе отчёт в содержании термина «право» [16, с. 114], очевидно не понимает значение термина «легитимность» [16, с. 115], использует очень странный термин «социальная ненависть» [16, с. 117], термин «преступление» [16, с. 115] используется не как научный термин, а как элемент эмоционально-идеологической обработки читателя. В отношении других терминов очевидны подмена понятий и манипулирование. Например, А.Ю. Митрофанов заявляет о том, что проводилось уничтожение специалистов «отказывавшихся идти на сотрудничество с большевиками» [16, с. 114], при этом ссылается на работу С.В. Волкова, в которой данный автор показал образец непрофессионализма, выборочно используя фактическую основу, а местами вовсе не подкрепляя свои утверждения аргументацией, а

ряд авторов прямо говорит о фальсификаторском характере работ С.В. Волкова [20; 21].

А.Ю. Митрофанов, судя по кавычкам, не признаёт существование марксистской методологии, однако всё равно непонятно его удивление относительно логически выводимого тезиса [16, с. 113], что в «любом западноевропейском или североамериканском суде, также основанном на принципах гласности, бессловности, независимости и состязательности, но функционирующем в условиях существования рыночной экономики ... богатый торжествовал над бедным, а сильный над слабым» [16, с. 113]. Механизм конвертации капиталов, описанный и за пределами марксистской методологии, не делает исключения для судебной власти, а экономическое неравенство неизбежно подрывает принцип формального равенства. Поэтому обвинение в адрес П.Л. Полянского и меня в догматизме является очевидно необоснованным.

Автор использует термин «классовый террор», который он раскрывает как политику, «направленную на физическое уничтожение и подавление потенциальных противников нового режима» [16, с. 114]. Подавление – это функция любого государства, советская власть реализовывала эту функцию, но недопустимо её смешивать с «политикой террора» - эта политика была объявлена в определенный момент, имея вполне конкретные основания, - это всё достаточно изучено в современной исторической науке, как и давний миф о том, что большевики сразу начали политику террора. Тем не менее, А.Ю. Митрофанов повторяет этот миф, заявляя, что с самого начала советская власть проводила политику «классового террора» [16, с. 114]. При этом факты, которые не укладываются в логику автора (к примеру, отмена смертной казни как одно из первых решений новой власти), он просто игнорирует, не пытаясь объяснить противоречия.

Автор использует странное понятие «социальная ненависть» [16, с. 117], при этом он не знает или сознательно избегает адекватной трактовки понятия «уничтожение классов», которое не имеет ничего общего с «социальной ненавистью» или физическим уничтожением, речь шла об уничтожении всех классов, т.е. ликвидации оснований для классовых различий.

Тезис о «карательном характере ранней советской юстиции» [16, с. 114] вновь показывает, что автор статьи игнорирует комплекс имеющегося и хорошо изученного фактического материала, выбирая очень ограниченный набор фактов для «обоснования» заранее сформулированной позиции. Именно в СССР уголовно-исполнительная система впервые получает исправительную функцию как основную (см. ст. 8 УК РСФСР 1922 г. и непосредственно практическую деятельность в сфере исправительно-трудовых отношений) [22, с. 107]. Вокруг этой системы до сих пор поддерживается огромное количество мифов, чему способствует

отсутствие открытого доступа исследователей к архивам. До сих пор нередко повторяются оценки Р. Конквеста, А.И. Солженицына, С.П. Мельгунова и др. Автор без каких-либо попыток критики воспроизводит давние мифы и допускает большое количество фактических ошибок, что лишний раз указывает не на научный, а на идеологический характер всей статьи.

Тезис о том, что советская власть отражала интересы не абсолютного большинства населения, а «сравнительно узкой прослойки партийной и чекистской номенклатуры, заинтересованной в удержании узурпированной власти» [16, с. 114] А.Ю. Митрофанов основывает на мнении ряда авторов, среди которых на первом месте закономерно стоит Н.Н. Рутыч, не просто коллаборационист, но непосредственно палач, принимавший участие в расправах над советскими гражданами, член НТС с 1942 г., откровенный фашист по своим убеждениям. Действительно, «непредвзятый и достойный» авторитет.

При этом, раскрывая репрессивную политику советских властей, сам А.Ю. Митрофанов сосредотачивает своё внимание на чрезвычайно узкой группе лиц, подвергшихся репрессиям или расправам.

Подбор фактической основы для раскрытия темы статьи полностью определяется не исследовательской добросовестностью, а идеологическими воззрениями самого автора. Для раскрытия «несправедливости» советского суда раннего периода А.Ю. Митрофанов берёт исключительно случаи расправ с представителями бывшей императорской фамилии. Для него монархическая власть является по-прежнему легитимной, несмотря на всеобщий характер Февральской буржуазно-демократической революции. Кроме того, подбор фактической основы показывает, что для автора расправы над представителями правящего класса – совершенно другое дело, чем расправы над крестьянами или рабочими, поскольку, видимо, люди от рождения очень неравны и не следует благородных мешать с разным подлым людом (эта идея закономерно заимствована А.Ю. Митрофановым у тех русских фашистов, которые после революции продолжали из-за границы «обличать» советскую власть).

Противники большевиков (различные «белые», затем противники советской власти в эмиграции, русские фашисты и коллаборанты, сотрудничавшие с нацистской Германией, а в послевоенный период со спецслужбами западных государств) воспринимаются А.Ю. Митрофановым полностью некритически. В этом смысле совершенно неудивительно, что, говоря об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, А.Ю. Митрофанов использует для обозначения их убийц термин «антикоммунисты». Отчасти это верная формулировка, хотя более точным будет термин «фрайкоровцы», а для лучшего понимания значения терминологии в данном случае сошлемся на известное определение этого убийства как «последнего убийства Германии Гогенцоллернов и первого

убийства нацистской Германии». Действительно, именно антикоммунизм явился общей идейной почвой для сближения тех авторов, измышления которых совершенно некритично повторяет и пропагандирует А.Ю. Митрофанов, и нацистов.

Наше заключение по поводу этой статьи мы предпочли проверить, обратившись к одному из ведущих специалистов по теме белого и красного террора Илье Сергеевичу Ратьковскому, который, указав на методологические и фактические ошибки А.Ю. Митрофанова, подтвердил наше мнение, а его общая оценка была краткой и ёмкой: «Профанация юриспруденции и истории».

Действительно, несмотря на кажущуюся жёсткость используемых терминов «профанация» и «неграмотность», они наиболее точно характеризуют «историко-правовой комментарий» А.Ю. Митрофанова, при создании которого нарушены основные критерии исследовательской работы: определение хронологических рамок, объективность и комплексность при определении источниковой основы, внешняя и внутренняя критика при работе с источниками и исследовательской литературой, грамотное использование терминологии (либо общее для научного сообщества понимание, либо аргументация авторского понимания термина) и др.

Кратко подводя итог по статье А.Ю. Митрофанова, необходимо указать на следующие особенности:

в статье неграмотно определены хронологические рамки;

при рассмотрении деятельности судов полностью игнорируется её правовая основа;

неграмотное использование терминологии (справедливость, право, законность, легитимность, судопроизводство, преступление и др.);

однобокая подборка фактов - источниковая основа носит фрагментарный и выборочный характер, что полностью исключает объективный подход исследователя;

такая же ситуация с историографией, из которой автор берёт те работы, в которых озвучиваются совпадающие с его представлениями идеи;

полностью некритический подход к источникам и литературе;

фактические ошибки (помимо уже отмеченных – повторение мифа о «социализации женщин», не обоснованные автором произвольно определённые хронологические рамки «красного террора», мнение о существовании «ГУЛАГа НКВД СССР» с 1929 г. и др.);

идеологическая заданность статьи, направленная на пропаганду антикоммунистических мифов, появление значительной части которых непосредственно связано с фашистской идеологией.

Таким образом, на примере этой статьи А.Ю. Митрофанова видно, что ошибки в построении методологической основы и игнорирование методологического значения терминологии приводят к

неудовлетворительным результатам. Кроме того, свою роль сыграла идеологическая вовлеченность автора, которая у исследователя должна быть предметом тщательной саморефлексии. Статью А.Ю. Митрофанова можно охарактеризовать как проявление ненаучного подхода, а если учитывать современную стадию развития научного знания вообще, то это антинаучный подход, откровенная идеологическая поделка.

В целом, подводя итог, можно отметить очевидный прогресс, который показывает Барсовское общество в своей деятельности. Статью А.Ю. Митрофанова можно было бы рассматривать как единичный и крайне неприятный факт внезапной деградации, отката в этом процессе, в отношении которого необходимо сделать выводы и не допускать рассмотренных ошибок в дальнейшем. Подобные статьи, нарушающие принципы научности, к тому же пропагандирующие мифы, непосредственно связанные с неонацистской идеологией, должны встречать жёсткий отпор со стороны научного сообщества.

К сожалению, озвученная на Барсовских чтениях в декабре 2023 г. критика статьи А.Ю. Митрофанова не была воспринята Обществом как необходимый шаг в борьбе с фальсификацией истории, отступлениями от принципа научности в исследовательской работе самого Общества. Когда Барсовское общество оставляет без должного ответа такого рода статьи своих членов, оно очевидно берёт на себя ответственность за них, а самое главное – уклоняется от принципа научности в своей деятельности, - в этом мы видим начало негативной тенденции в деятельности Общества. Надеемся, что авторы Барсовского общества не будут вовлечены в достаточно явную тенденцию реабилитации крайне правого движения и его идеологии, в т.ч. через поддержку старых мифов и создание новых, т.е. через фальсификацию истории.

Список источников:

1. Оспенников (2023) – Оспенников Ю. В. Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 180–198.

2. Гайдено (2023) – Гайдено П. И. Церковное право: в поисках методов и перспектив. Отзыв на статью Ю. В. Оспенникова «Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества)» // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 183–189.

3. Величко (2022) – Величко В.С., иерей. Канонические исследования в среде русской церковной эмиграции (1922-1972 гг.). Сергиев Посад, 2022.

4. Оспенников (2023) – Оспенников Ю.В. О методологии критики социализма церковными авторами дореволюционной России // Философия и историко-культурное наследие восточнославянских народов: материалы Международной научной конференции (Гомель, 2-3 ноября 2023 г.) / С.Ф. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 44-53.

5. Гайдено (2023) – Гайдено П.И. К вопросу об эстетике церковного суда домонгольской Руси (постановка проблемы) // Труды кафедры

богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 1 (17). С. 220–230.

6. Дорская, Дорский (2023) – Дорская А.А., Дорский А.Ю. Реализация права на справедливое правосудие (на примере судебной защиты свободы совести) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. №2 (50). С. 88-96.

7. Гайденок (2023) – Гайденок П. И. Круглый стол «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение» / Сост и авт. вст. ст. П. И. Гайденок; и др. // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 112–133.

8. Учёные записки ФНИСЦ РАН. Выпуск 11. Религия в российском обществе: логика изменения статуса и роли. 2022.

9. Ведяев (2023) – Ведяев А. В. Размышления по поводу круглого стола «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы» (Санкт-Петербург, 23 июня 2023 г.) // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 103–110.

10. Баган, Волужков, Гайденок, Митрофанов, Оспенников, Тарнакин, Хохлов, Шершева-Цитильская (2023) – Баган В., свящ., Волужков Д. В., Гайденок П. И., Митрофанов А. Ю., Оспенников Ю. В., Тарнакин Н. А., Хохлов А. А., Шершнева-Цитильская И. А. Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 147–171.

11. Хохлов (2023) – Хохлов А. А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 214–224.

12. Митрофанов (2023) – Митрофанов А. Ю. Императрица Екатерина II как пример женского служения Церкви. Комментарий к статье Ю. В. Оспенникова «Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества)» // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 134–142.

13. Борщ (2023) – Борщ И. В. О тезисах Ю. В. Оспенникова к круглому столу «Принципы состязательности и обвинительности в церковном судопроизводстве: сочетание элементов, тенденции, перспективы» (Санкт-Петербург, 23 июня 2023 г.) // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 96–102.

14. Веремеев (2023) – Веремеев С. Ф. О Барсовском обществе, церковном и каноническом праве. Отзыв на статью Ю. В. Оспенникова «Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества)» // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 177–182.

15. Хохлов (2023) – Хохлов А. А. Ряд вопросов, требующих обсуждения. Отзыв на статью Ю. В. Оспенникова «Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества)» // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 172–176.

16. Митрофанов (2023) – Митрофанов А. Ю. К вопросу о справедливости раннего советского судопроизводства. Историко-правовой комментарий к тезисам Ю. В. Оспенникова // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 111–119.

17. Сырых (2013) – Сырых В.М. Становление основ советского законодательства в 1918-1920-е годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ: Вып. 6. Курск: КГУ, 2013. С. 181-198.

18. Исаев И.А. Историческая традиция правотолкования (российский опыт 20-х годов) // <https://wiselawyer.ru/poleznoe/80493-istoricheskaya-tradiciya-pravotolkovaniya-rossijskij-opyt-godov>

19. Минникес (2022) – Минникес И.В. Проблемы становления советского права: особенности источников // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2022. №4 (48). С. 58-71.

20. Емелин (2006) – Емелин А. О книге С.В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» // Генеалогический вестник. Вып. 24. СПб., 2006. С. 58-65.

21. Игумнов (2011) – Игумнов М. Неожиданные исторические «открытия». Рецензия на книгу С. В. Волкова «Почему РФ — ещё не Россия» // Родина. 2011. № 8. С. 90-91.

22. УК РСФСР 1922 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков: Пособие для семинаров. Ч. II / Под ред. проф. О.И. Чистякова. – М.: Юрист, 2000.

References:

Ospennikov (2023) – Ospennikov Yu. V. Actual problems of studying church law (interim results of the work of the Barsov Society) [Aktual'nye problemy izucheniya cerkovnogo prava (promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva)] // Christian reading. 2023. No. 1. pp. 180-198.

Gaidenko (2023) – Gaidenko P. I. Church law: in search of methods and prospects. Review of the article by Yu. V. Ospennikova "Actual problems of studying church law (interim results of the work of the Barsov Society)" [Cerkovnoe pravo: v poiskah metodov i perspektiv. Otzyv na stat'yu YU. V. Ospennikova «Aktual'nye problemy izucheniya cerkovnogo prava (promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva)»] // Christian reading. 2023. No. 3. pp. 183-189.

Velichko (2022) – Velichko V.S., priest. Canonical studies in the environment of Russian Ecclesiastical emigration (1922-1972) [Kanonicheskie issledovaniya v srede russkoj cerkovnoj emigracii (1922-1972 gg.)] Sergiev Posad, 2022.

Ospennikov (2023) – Ospennikov Yu.V. On the methodology of criticism of socialism by church authors of pre-revolutionary Russia [O metodologii kritiki socializma cerkovnymi avtorami dorevolucionnoj Rossii] // Philosophy and historical and cultural heritage of the East Slavic peoples: materials of the International Scientific Conference (Gomel, November 2-3, 2023) / S.F. Veremeev (Chief editor) [et al.]. – Gomel: F. Skarina State University, 2023. pp. 44-53.

Gaidenko (2023) – Gaidenko P.I. On the question of aesthetics of the church court of pre-Mongol Russia (statement of the problem) [K voprosu ob estetike cerkovnogo suda domongol'skoj Rusi (postanovka problemy)] // Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2023. No. 1 (17). pp. 220-230.

Dorskaya, Dorsky (2023) – Dorskaya A.A., Dorsky A.Y. Realization of the right to fair justice (on the example of judicial protection of freedom of conscience) [Realizaciya prava na spravedlivoe pravosudie (na primere sudebnoj zashchity svobody sovesti)] // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2023. No.2 (50). pp. 88-96.

Gaidenko (2023) – Gaidenko P. I. Round table "Clergy of the XI–XXI centuries. in society and the state: the canonical and legal situation" / Comp. and

author of the article. P. I. Gaidenko; et al. [Kruglyj stol «Duhovenstvo XI–XXI vv. v obshchestve i gosudarstve: kanonicheskoe i pravovoe polozhenie»] // Christian reading. 2023. No. 2. pp. 112-133.

Scientific notes of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences. Issue 11. Religion in Russian society: the logic of changing status and role. 2022.

Vedyaev (2023) – Vedyaev A.V. Reflections on the round table "Principles of competition and accusation in Church proceedings: a combination of elements, trends, prospects" (St. Petersburg, June 23, 2023) [Razmyshleniya po povodu kruglogo stola «Principy sostyazatel'nosti i obvinitel'nosti v cerkovnom sudoproizvodstve: sochetanie elementov, tendencii, perspektivy» (Sankt-Peterburg, 23 iyunya 2023 g.)] // Christian Reading. 2023. No. 4. pp. 103-110.

Bagan, Voluzhkov, Gaidenko, Mitrofanov, Ospennikov, Tarnakin, Khokhlov, Shersheva-Tsitul'skaya (2023) – Bagan V., sacred, Voluzhkov D. V., Gaidenko P. I., Mitrofanov A. Yu., Ospennikov Yu. V., Tarnakin N. A., Khokhlov A. A., Shershneva-Tsitul'skaya I. A. Principles Adversarial and accusatory in Church proceedings: a combination of elements, trends, perspectives [Principy sostyazatel'nosti i obvinitel'nosti v cerkovnom sudoproizvodstve: sochetanie elementov, tendencii, perspektivy] // Christian Reading. 2023. No. 3. pp. 147-171.

Khokhlov (2023) – Khokhlov A. A. Specifics of diocesan judicial proceedings of the second half of the XIX century. on the example of one of the cases [Specifika eparhial'nogo sudoproizvodstva vtoroj poloviny XIX v. na primere odnogo iz del] // Christian reading. 2023. No. 1. pp. 214-224.

Mitrofanov (2023) – Mitrofanov A. Y. Empress Catherine II as an example of women's service to the Church. Comment on the article by Yu. V. Ospennikova "Actual problems of studying church law (interim results of the work of the Barsov Society)" [Imperatrica Ekaterina II kak primer zhenskogo sluzheniya Cerkvi. Kommentarij k stat'e YU. V. Ospennikova «Aktual'nye problemy izucheniya cerkovnogo prava (promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva)»] // Christian reading. 2023. No. 2. pp. 134-142.

Borsch (2023) – Borsch I. V. About the theses of Yu. V. Ospennikova to the round table "Principles of competition and accusation in Church proceedings: a combination of elements, trends, prospects" (St. Petersburg, June 23, 2023) [O tezisah YU. V. Ospennikova k kruglomu stolu «Principy sostyazatel'nosti i obvinitel'nosti v cerkovnom sudoproizvodstve: sochetanie elementov, tendencii, perspektivy» (Sankt-Peterburg, 23 iyunya 2023 g.)] // Christian Reading. 2023. No. 4. pp. 96-102.

Veremeev (2023) – Veremeev S. F. About the Barsov Society, church and canon law. Review of the article by Yu. V. Ospennikova "Actual problems of studying church law (interim results of the work of the Barsov Society)" [O Barsovskom obshchestve, cerkovnom i kanonicheskom prave. Otzyv na stat'yu YU. V. Ospennikova «Aktual'nye problemy izucheniya cerkovnogo prava (promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva)»] // Christian reading. 2023. No. 3. pp. 177-182.

Khokhlov (2023) – Khokhlov A. A. A number of issues requiring discussion. Review of the article by Yu. V. Ospennikova "Actual problems of studying church law (interim results of the work of the Barsov Society)" [Ryad voprosov, trebuyushchih obsuzhdeniya. Otzyv na stat'yu YU. V. Ospennikova «Aktual'nye

problemy izucheniya cerkovnogo prava (promezhutochnye itogi raboty Barsovskogo obshchestva)»] // Christian reading. 2023. No. 3. pp. 172-176.

Mitrofanov (2023) – Mitrofanov A. Yu. On the issue of the fairness of early Soviet judicial proceedings. Historical and legal commentary on the theses of Yu. V. Ospennikova [K voprosu o spravedlivosti rannego sovetskogo sudoproizvodstva. Istoriko-pravovoj kommentarij k tezisam YU.V. Ospennikova] // Christian reading. 2023. No. 4. pp. 111-119.

Syrykh (2013) – Syrykh V.M. The formation of the foundations of Soviet legislation in 1918-1920s [Stanovlenie osnov sovetskogo zakonodatel'stva v 1918-1920e gody] // Historical and legal problems: a new perspective: collection of scientific papers: Issue 6. Kursk: KSU, 2013. pp. 181-198.

Isaev I.A. Historical tradition of legal interpretation (Russian experience of the 20s) // <https://wiselawyer.ru/poleznoe/80493-istoricheskaya-tradiciya-pravotolkovaniya-rossijskij-opyt-godov>

Minnikes (2022) – Minnikes I.V. Problems of the formation of Soviet law: features of sources [Problemy stanovleniya sovetskogo prava: osobennosti istochnikov] // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University "Legal Sciences". 2022. No.4 (48). pp. 58-71.

Emelin (2006) – Emelin A. About the book by S.V. Volkov "Officers of the Navy and the maritime department" [O knige S.V. Volkova «Oficery flota i morskogo vedomstva»] // Genealogical Bulletin. Issue 24. St. Petersburg, 2006. pp. 58-65.

Igumnov (2011) – Igumnov M. Unexpected historical "discoveries". Review of the book by S. V. Volkov "Why the Russian Federation is not yet Russia" [Neozhidannye istoricheskie «otkrytiya». Recenziya na knigu S. V. Volkova «Pochemu RF — eshcho ne Rossiya»] // Rodina. 2011. No. 8. pp. 90-91.

The Criminal Code of the RSFSR of 1922 // Domestic legislation of the XI-XX centuries: A handbook for seminars. Part II [Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI-XX vekov: Posobie dlya seminarov. CH.II] / Edited by prof. O.I. Chistyakov. – M.: Lawyer, 2000.

Административное право

УДК 349

JEL: К 39

СТЕПАНЕНКО Юрий Викторович¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3818-3087>

¹ Степаненко Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, г. Москва. E-mail: stepanenko.50@mail.ru

ЖУРАВЛЕВ Владимир Вячеславович²

² Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский университет внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя». 1-ая Красная ул., д. 18, Рязань, 390043, Россия.

<https://orcid.org/0009-0008-2470-3866>

² Журавлев Владимир Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. E-mail: vz15111982@gmail.com

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ
БЕСПИЛОТНЫХ СИСТЕМ**

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена современному состоянию правового обеспечения и средствам противодействия незаконному использованию автоматизированных беспилотных систем, выявлению пробелов и нормативных неурегулированностей в этой сфере.

Цели/задачи. Авторами констатируется, что роль беспилотных аппаратов в решении социально-экономических и военных задач становится все более значимой. Это в свою очередь обуславливает объективную потребность в надлежащей и своевременной правовой регламентации не только порядка их использования, но и закрепления нормативных мер противодействия им в случаях нарушения установленных предписаний.

Методология. При подготовке статьи авторами была использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Диалектический метод позволил исследовать систему взаимосвязанных требований и правил, регламентирующих правовой порядок использования беспилотных аппаратов, направленных на выявление существующих пробелов и противоречий; сравнительно-правовой метод позволил путем сопоставления различных правовых источников выявить и обосновать существующие между ними сходства и различия; формально-юридический метод применялся при анализе законодательных норм.

Результаты/выводы. Элементом научной новизны проведенного авторами исследования является конкретизация правового статуса отдельных сотрудников федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия беспилотным аппаратам, уточнение отдельных законодательных формулировок, в том числе в области дорожного движения. Кроме этого, авторами выносятся на обсуждение вопрос целесообразности признания беспилотных систем массой до 30 кг источником повышенной опасности и возложения на их операторов обязанности (по аналогии с транспортными средствами) прохождения соответствующего обучения и получения соответствующего свидетельства.

Ключевые слова: *беспилотные воздушные аппараты, беспилотные подводные и надводные суда и аппараты, беспилотные транспортные средства, автоматизированные беспилотные комплексы, органы внутренних дел, противодействие, правила дорожного движения, ответственность.*

Administrative law

¹ Yuri V. Stepanenko

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the O.E. Kutafin University (MGUA); Chief Researcher at the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: stepanenko.50@mail.ru

² Vladimir V. Zhuravlev

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

E-mail: vz15111982@gmail.com

LEGAL REGULATION TO COUNTER THE ILLEGAL USE OF AUTOMATED UNMANNED SYSTEMS

Annotation

Subject/topic. The article is devoted to the current state of legal support and means of countering the illegal use of automated unmanned systems, identifying gaps and regulatory irregularities in this area.

Goals/objectives. The authors state that the role of unmanned vehicles in solving socio-economic and military problems is becoming increasingly important. This, in turn, determines the objective need for proper and timely legal regulation of not only the procedure for their use, but also the establishment of regulatory measures to counter them in cases of violation of established regulations.

Methodology. When preparing the article, the authors used a combination of general scientific and specific scientific methods. The dialectical method made it possible to study a system of interconnected requirements and rules • regulating the legal procedure for the use of unmanned aerial vehicles, aimed at identifying existing gaps and contradictions; the comparative legal method made it possible, by comparing various legal sources, to identify and substantiate the similarities and differences between them; the formal legal method was used in the analysis of legislative norms.

Results/conclusions. An element of scientific novelty of the study conducted by

the authors is the specification of the legal status of individual employees of federal executive authorities in the field of countering unmanned aerial vehicles, clarification of certain legislative formulations, including in the field of road traffic. In addition, the authors bring up for discussion the issue of the feasibility of recognizing unmanned systems weighing up to 30 kg. a source of increased danger and imposing on their operators the obligation (by analogy with vehicles) to undergo appropriate training and obtain an appropriate certificate.

Key words: *unmanned aerial vehicles, unmanned underwater and surface vessels and vehicles, unmanned vehicles, automated unmanned systems, internal affairs bodies, counteraction, traffic rules, responsibility.*

Роль беспилотных аппаратов в решении социально-экономических и военных задач становится все более значимой, что обуславливает объективную потребность в правовой регламентации не только порядка их использования, но и закрепления нормативных мер противодействия им в случаях нарушения установленных предписаний [1, с.196-200]. В связи с этим особая роль в пресечении незаконных действий, связанных с использованием автоматизированных беспилотных систем, отводится органам государственной власти, осуществляющим правоохранительную деятельность.

Пятнадцатого августа 2023 года вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2023 № 440-ФЗ¹, которым были внесены достаточно существенные изменения в ряд законодательных актов, регламентирующих вопросы деятельности некоторых правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Во-первых, законодателем закреплён исчерпывающий перечень видов автоматизированных беспилотных систем, определяемый средой их применения:

- беспилотные воздушные аппараты;
- беспилотные подводные и надводные суда и аппараты;
- беспилотные транспортные средства;
- иные автоматизированные беспилотные комплексы.

Во-вторых, был уточнен перечень субъектов, наделённых полномочиями по противодействию незаконному использованию автоматизированных беспилотных систем, в который вошли должностные лица (сотрудники, работники):

- уголовно-исполнительной системы, обеспечивающие безопасность исправительных учреждений и следственных изоляторов;
- органов федеральной фельдъегерской связи;
- органов федеральной службы безопасности;
- органов службы внешней разведки;

¹ Федеральный закон от 04.08.2023 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2023, № 32 (Часть I), ст. 6172.

подразделений государственной охраны;
органов и подразделений Вооруженных Сил РФ;
подразделений ведомственной охраны и частных охранных предприятий;

органов и подразделений МВД России;
войск национальной гвардии РФ;
спасательных воинских формирований МЧС России (военнослужащие).

В-третьих, получили нормативное закрепление средства противодействия автоматизированным беспилотным системам, включающие возможность:

подавления или преобразования сигналов дистанционного управления беспилотными аппаратами;

воздействия на пульта управления беспилотными аппаратами;

повреждения или уничтожения беспилотных аппаратов.

В-четвертых, нормативно закреплён перечень зон ответственности каждого из указанных субъектов правоохраны и объектов, подлежащих защите от незаконного использования автоматизированных беспилотных систем.

К первой группе относятся сотрудники федеральных органов исполнительной власти и охранных подразделений, в обязанности которых входит осуществление защиты (отражения нападения) стационарных ведомственных объектов, информации о порядке их деятельности, жизни и здоровья сотрудников этих подразделений, а также обеспечение сохранности находящегося там имущества (корреспонденции, документации, образцов промышленных изделий, транспортных средств и пр.): Службы внешней разведки Российской Федерации; федеральной фельдъегерской связи; подразделений ведомственной охраны и частных охранных предприятий и др.

Ко второй группе относятся федеральные органы исполнительной власти, функциональное предназначение которых включает необходимость не только защиты объектов ведомственной инфраструктуры, но и жизни, здоровья, имущества граждан: сотрудники уголовно-исполнительной системы; сотрудники полиции; военнослужащие спасательных воинских формирований и др.

В третью группу целесообразно включить федеральные органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по противодействию использованию автоматизированных беспилотных систем, в целях обеспечения общественной безопасности в период проведения массовых, эвакуационных мероприятий, осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, аварийно-спасательных и других неотложных работ, а также в местах (районах) выполнения служебно-боевых задач: МВД России, МЧС России, Росгвардия.

В-пятых, законодатель определил места и конкретизировал

юридические факты, служащие основанием для применения средств противодействия автоматизированным беспилотным системам в соответствии с функциональным назначением субъектов правоохранительной деятельности, которым предоставлено такое право. Так, сотрудники частных охранных предприятий, ведомственной охраны, Вооруженных Сил РФ, службы внешней разведки, уголовно-исполнительной системы, федеральной фельдъегерской связи, войск национальной гвардии уполномочены противодействовать рассматриваемым угрозам в местах нахождения защищаемых объектов.

Сотрудникам ФСБ России и ФСО России предоставлены более широкие полномочия, включающие право подавления беспилотных аппаратов для «обеспечения выполнения возложенных задач», «отражения нападения либо угрозы нападения на сотрудников и транспортные средства», что позволяет констатировать повсеместность использования указанными должностными лицами соответствующих средств противодействия.

Сотрудники полиции дополнительно уполномочены противодействовать беспилотным аппаратам в местах проведения публичных (массовых) мероприятий, а также при проведении неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Сотрудники войск национальной гвардии – во всех местах (районах), где выполняются служебно-боевые задачи.

Военнослужащие спасательных воинских формирований МЧС России – в местах проведения аварийно-спасательных (неотложных работ), вызванных военными конфликтами, а равно чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, а также при восстановлении и поддержании порядка в районах, пострадавших в этих условиях.

Следует подчеркнуть, что с вступлением в силу указанных поправок органы внутренних дел получили право не только на противодействие автоматизированным беспилотным системам, но и их самостоятельное использование для решения возложенных задач: документирования административных правонарушений и преступлений, обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности различных объектов.

Отметим, что организационные основы и порядок подавления автоматизированных беспилотных систем, в случаях их противоправного использования, различны в нормативных актах федеральных органов исполнительной власти. Например, ведомственной охране предоставляется право самостоятельного принятия решения о необходимости противодействия таким фактам, реализуемое следующими должностными лицами: начальником группы (караула), помощником начальника караула. Принятое управленческое решение реализуется в устной форме, а информация о его реализации незамедлительно докладывается начальнику

отдела (заместителю начальника отдела) ведомственной охраны¹.

В соответствии с нормативными актами федеральной службы охраны право принятия решения о подавлении беспилотных аппаратов делегировано начальникам (заместителям начальников) подразделений ФСО России, а в случаях наличия реальной угрозы безопасности охраняемых объектов и транспортных средств – любым сотрудникам органов и подразделений ФСО России. Информация об обстоятельствах, послуживших основанием для противодействия автоматизированным беспилотным системам, подлежит обязательной регистрации в журнале дежурной службы (дежурного) подразделения ФСО России в срок, не превышающий 24 часов².

В свою очередь перечень должностных лиц органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, наделенных полномочиями по принятию решения о подавлении беспилотных аппаратов, ограничивается начальниками (заместителями начальника) исправительных учреждений (территориальных органов ФСИН России) или следственных изоляторов, а также дежурным помощником начальника учреждения УИС (в условиях отсутствия начальника). Приказы указанных должностных лиц о противодействии беспилотным аппаратам отдаются в устной форме, а результаты их исполнения подлежат учету в журнале регистрации информации о происшествиях.

Порядок пресечения функционирования беспилотных аппаратов в деятельности ФСБ России также имеет свои особенности. Во-первых, принятое решение оформляется в письменном виде, подписывается уполномоченным должностным лицом и содержит информацию о дате и времени принятия решения; цели пресечения функционирования беспилотных аппаратов; сведения об участке местности (акватории), где

¹ Приказ ГУСП от 11.10.2023 № 156 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях отражения нападения либо угрозы нападения на охраняемые объекты, работников ведомственной охраны Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации или лиц, находящихся на этих объектах, а также перечня должностных лиц ведомственной охраны Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации, уполномоченных на принятие такого решения» // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.

² Приказ ФСО России от 22.09.2023 № 111 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях обеспечения безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов, отражения нападения либо угрозы нападения на сотрудников органов государственной охраны и транспортные средства, а также перечня должностных лиц органов государственной охраны, уполномоченных на принятие такого решения» // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.

пресекается функционирование беспилотных аппаратов; способы пресечения функционирования беспилотных аппаратов; силах и средствах, непосредственно осуществляющих пресечение функционирования беспилотных аппаратов, и пр. Во-вторых, результаты выполнения принятого решения докладываются должностному лицу, принявшему это решение, а составленные документы приобщаются в номенклатурные дела органов безопасности¹.

Вопросы противодействия беспилотным автоматизированным комплексам в нормативных правовых актах МВД России имеют особенности. Во-первых, не регламентируется форма принятия (устная, письменная) решения о пресечении функционирования беспилотного аппарата, а лишь закрепляется необходимость регистрации указанного факта в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. Во-вторых, приказ МВД России² прямо возлагает на должностных лиц, принявших решение о подавлении беспилотных аппаратов, обязанность оценивать возможные риски таких действий.

Следует отметить, что выполнение указанной обязанности сопряжено с использованием не вполне конкретизированных формулировок. Так, законодателем используется понятие «прилегающие территории», под которыми, вероятно, следует понимать участки местности, непосредственно граничащие с расположением объектов (лиц), подлежащих охране. Полагаем, что приведенный и некоторые другие термины нуждаются в уточнении путем наделения их количественными и (или) качественными признаками. Например, подавление беспилотного летательного аппарата, которое может привести к его падению и причинению вреда здоровью граждан или их имуществу, обоснованно ставит вопрос о необходимости толкования этой нормы в целях выработки

¹ Приказ ФСБ России от 17.11.2023 № 513 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях обеспечения выполнения задач, возложенных на органы федеральной службы безопасности федеральным законодательством, а также Перечня должностных лиц органов федеральной службы безопасности, уполномоченных на принятие такого решения» // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.

² Приказ МВД России от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.

правоприменительной практики для оценки признания правомерности (неправомерности) действий (бездействия) должностных лиц федеральных органов исполнительной власти и, как следствие, определения порядка возмещения причиненного ущерба.

Законодательное уточнение сфер возможного применения беспилотных автоматизированных комплексов: дорожное движение, воздушное и водное пространство, требует дальнейшей проработки значительного числа вопросов, связанных и с правовыми условиями их использования. Это определяется тем фактом, что противодействие чему-либо как явление возможно лишь в случаях, когда нарушаются границы допустимого поведения. Отсутствие должного правового обеспечения применения беспилотных систем безусловно является фактором риска для эффективного управления социальными процессами.

Наиболее «продвинутым» в российской правовой системе следует считать нормативное регулирование беспилотных летательных аппаратов (далее - БПЛА), которое находит свое отражение в Воздушном кодексе Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ и постановлении Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658¹, а кроме того включает административную ответственность за нарушение закрепленных в них требований в области транспортной безопасности². Несмотря на это, нормы, содержащиеся в указанных нормативных правовых актах в отдельных аспектах утрачивают актуальность и требуют коррекции. Например, часть 5 статьи 11.5 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за деяния, связанные с управлением воздушным судном (в том числе беспилотным), не прошедшим государственной регистрации, либо не поставленным на государственный учет, влечет наложение на командира воздушного судна денежного штрафа или лишение специального права на управление такими воздушными судами. По нашему мнению, считать лицо, управляющее БПЛА, командиром воздушного судна не всегда в полной мере верно, так как оно выполняет скорее функцию оператора, в связи с чем используемая в нормативных актах³ терминология «внешний пилот» представляется более

¹ Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.

² См. ст.ст.11.4. и 11.5. КоАП РФ.

³ ГОСТ Р 57258-2016 Системы беспилотные авиационные. Термины и определения. // [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс. / URL: <http://consultant.ru>.
Приказ Минпромторга России от 20.04.2018 N 1570 (ред. от 11.08.2020) Об утверждении федеральных авиационных правил Требования к специалистам согласно перечню специалистов авиационного персонала экспериментальной авиации. Порядок подготовки специалистов авиационного персонала экспериментальной авиации. Требования к порядку разработки, утверждения и

предпочтительной. Кроме того, наложение на нарушителя санкции в виде лишения специального права зачастую не представляется возможным, поскольку деятельность по управлению наиболее массовым сегментом БПЛА (весом от 0,150 кг до 30 кг) не требует получения свидетельства пилота.

Полагаем, что стремительное развитие беспилотных технологий и их повсеместное использование как для осуществления экономической деятельности, так и в противоправных целях, закономерно ставит вопрос о возможности их отнесения к источникам повышенной опасности, что определяет необходимость (по аналогии с транспортными средствами) прохождения соответствующего обучения и получения свидетельства, подтверждающего наличие разрешения на управление соответствующими категориями (подкатегориями) беспилотных систем (специального права) массой до 30 кг.

Не менее остро стоит вопрос и с правовым регулированием использования наземных беспилотных аппаратов. Повсеместное внедрение в дорожное движение высокоавтоматизированных транспортных средств делает вопрос нормативного обеспечения их эксплуатации особенно значимым. Вместе с тем следует констатировать, что даже в Правилах дорожного движения РФ (далее – ПДД) до настоящего времени не только не определен правовой статус таких автомобилей и лиц (операторов), осуществляющих координацию их движения, но даже не содержится соответствующий понятийный аппарат и терминология. Так, например, в соответствии с действующей редакцией ПДД, водителем признается лицо, непосредственно управляющее транспортным средством, обучающий вождению, а также погонщик, контролирующий движение животных. В существующих реалиях такая формулировка видится в значительной степени устаревшей и требующей трансформации, учитывающей объективное развитие и внедрение беспилотных систем и технологий.

Представляется, что наибольшие проблемы существуют в сфере правовой регламентации использования беспилотных подводных и надводных судов и аппаратов, поскольку в действующей редакции Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ не предусматривает возможность их применения в границах водных объектов, что позволяет констатировать отсутствие полноценного статуса как самих автоматизированных систем, так и их операторов.

Поднятая проблематика отмечается в работах и других авторов [2, с.137-142; 3, с. 747-751; 4, с. 88-98; 5, с. 9-26; 6, с. 7-10].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что точечное изменение отдельных норм, регулирующих вопросы противодействия

незаконному использованию беспилотных автоматизированных систем, является явно недостаточным без формирования полноценного правового базиса, который будет являться основой для повсеместной интеграции таких аппаратов. Отмеченное обстоятельство во многом определяет необходимость принятия единого нормативного правового акта, который бы служил источником правовых предписаний и регулировал порядок применения каждого из видов беспилотных систем.

Список источников:

1. Румянцев, Журавлев (2020) – Румянцев Н.В., Журавлев В.В. Административно-правовое регулирование участия высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожном движении // Вестник экономической безопасности. 2020. – № 5. – С. 196-200.

2. Носов, Стаценко (2023) – Носов Е.Н., Стаценко Д.Г. Основы противодействия в пресечении полетов беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве над местами выполнения войсками национальной гвардии Российской Федерации служебно-боевых задач // Актуальные вопросы служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии в обеспечении государственной безопасности Российской Федерации : сборник научных статей II Межведомственной научно-практической конференции, Новосибирск, 26 апреля 2023 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 137-142.

3. Александров, Дизер (2023) – Александров А.Н., Дизер О.А. Особенности применения полицией специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам как административный элемент управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 747-751.

4. Вахитов (2023) – Вахитов Д.М. Правовые и организационные основы тактических способов действий при пресечении несанкционированного нахождения беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве над местами выполнения войсками Росгвардии служебно-боевых задач // Яковлевские чтения: Сборник научных статей II Межведомственной научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 21–22 марта 2023 года / Под общей редакцией В.В. Косухина. Том Часть 2. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 88-98.

5. Коробеев, Чучаев (2019) – Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // LexRussica. 2019. № 2 (147). С. 9-26.

6. Бегишев (2021) – Бегишев И.Р. Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // Транспортное право, 2021, № 3. С. 7-10.

References:

Rumyantsev, Zhuravlev (2020) – Rumyantsev N.V., Zhuravlev V.V. Administrative and legal regulation of the participation of highly automated vehicles in road traffic [Administrativno-pravovoye regulirovaniye uchastiya vysokoavtomatizirovannykh transportnykh sredstv v dorozhnom dvizhenii] // Bulletin of Economic Security. 2020. – No. 5. – P. 196-200.

Nosov, Statsenko (2023) – Nosov E.N., Statsenko D.G. Fundamentals of counteraction in suppressing the flights of unmanned aerial vehicles in the airspace above places where the troops of the National Guard of the Russian Federation perform service and combat missions [Osnovy protivodeystviya v presechenii poletov bespilotnykh vozdukhnykh sudov v vozdushnom prostranstve nad mestami vypolneniya voyskami natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii sluzhebno-boyevykh zadach] // Current issues of service and combat activities of the National Guard troops in ensuring state security of the Russian Federation: collection of scientific articles of the II Interdepartmental Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, April 26, 2023. – Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2023. – pp. 137-142.

Alexandrov, Dizer (2023) – Alexandrov A.N., Dizer O.A. Features of the use by the police of special technical means of countering unmanned aerial vehicles as an administrative element of control [Osobennosti primeneniya politsiyey spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv protivodeystviya bespilotnym vozdushnym sudam kak administrativnyy element upravleniya] // Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin Readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 24, 2023 / Under the general editorship of A.I. Kaplunova, comp.: A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E.Kh. Mamedov. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – P. 747-751.

Vakhitov (2023) - Vakhitov D. M. Legal and organizational foundations of tactical methods of action when suppressing the unauthorized presence of unmanned aerial vehicles in the airspace above the places where the Russian Guard troops perform service and combat missions [Pravovyye i organizatsionnyye osnovy takticheskikh sposobov deystviy pri presechenii nesanktsionirovannogo nakhozhdeniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v vozdushnom prostranstve nad mestami vypolneniya voyskami Rosgvardii sluzhebno-boyevykh zadach] // Yakovlev Readings: Collection of scientific articles of the II Interdepartmental Scientific and Practical Conference with international participation. In 2 parts, Novosibirsk, March 21–22, 2023 / Under the general editorship of V.V. Kosukhina. Volume Part 2. – Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2023. – pp. 88-98.

Korobeev, Chuchaev (2019) – Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Unmanned vehicles: new challenges to public safety [Bespilotnyye transportnyye sredstva: novyye vyzovy obshchestvennoy bezopasnosti] // LexRussica. 2019. No. 2 (147). pp. 9-26.

Begishev (2021) – Begishev I.R. Legal regulation of unmanned vehicles [Pravovoye regulirovaniye bespilotnykh transportnykh sredstv] // Transport Law, 2021, No. 3. P. 7-10.

Административное право

УДК 347.19

JEL K20

*УЛЬЯНОВ Игорь Владимирович*¹

¹ Акционерное общество «РЕВИЗИЯ КОНТРОЛЛИНГ КОНСАЛТИНГ» (АО «РКК»), вн.тер.г. Муниципальный округ Коптево, ул Большая Академическая, д. 5, Москва, 127299, Россия.

<https://orcid.org/0009-0007-7989-026X>

¹ Ульянов Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, директор по правовым вопросам АО «РКК». E-mail: iylianov@rambler.ru

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация

Предмет/тема. В России в настоящее время семейные ценности являются приоритетами для работников и для государственной семейной политики. В статье рассматривается проблема достаточности мер поддержки семейных ценностей на корпоративном, организационном уровне, а также оценивается разнообразие и эффективность механизмов правового регулирования такой поддержки.

Цели/задачи. Выявить роль и значение семейных ценностей в развитии организационной культуры, оценить баланс между работой и семьей, установить механизмы правового обеспечения семейных ценностей в организациях.

Методология. Анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация, обобщение.

Выводы. Установлено значительное влияние удовлетворенности работником своими семейными ценностями на организационную культуру, климат в коллективе, производительность труда. Проявление работодателем заботы о семье работника повышает лояльность, чувство счастья и удовлетворенность жизнью последнего, сплочение его семьи, снижение количества разводов, повышение рождаемости, укрепление здоровья. Подтверждено, что установлению баланса между семьей и работой способствуют лишь совместные усилия работника, работодателя, государства. Выявлена недостаточность механизмов правового обеспечения семейных ценностей в организациях. Внесены предложения активнее стимулировать организации популяризовывать и поддерживать семейные ценности, в том числе используя механизм «мягкого» права.

Ключевые слова: *семейные ценности, организационная культура, семейная политика, баланс ценностей.*

Administrative Law

¹ Igor V. Ulianov, PhD in Law, Director for Legal Affairs, JSC RKK

E-mail: iylianov@rambler.ru

FAMILY VALUES IN ORGANIZATIONAL CULTURE

Abstract

Subject/topic. In Russia, family values are currently a priority for workers and for state family policy. The article examines the problem of the sufficiency of measures to support family values at the corporate and organizational level, and

also evaluates the variety and effectiveness of mechanisms for legal regulation of such support.

Goals/objectives. To identify the role and significance of family values in the development of organizational culture, to assess the balance between work and family, to establish mechanisms for legal support of family values in organizations.

Methodology. Analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization.

Conclusions. A significant influence of employee satisfaction with his family values on organizational culture, team climate, and labor productivity has been established. The employer's concern for the employee's family increases the employee's loyalty, sense of happiness and satisfaction with life, the unity of his family, reducing the number of divorces, increasing the birth rate, and improving health. It has been confirmed that only the joint efforts of the employee, employer, and state contribute to establishing a balance between family and work. The insufficiency of mechanisms for legal support of family values in organizations has been revealed. Proposals have been made to more actively encourage organizations to popularize and support family values, including using the mechanism of “soft” law.

Keywords: *family values, organizational culture, family policy, balance of values.*

Введение

Семейные ценности, семейные традиции находятся в центре внимания государственной власти Российской Федерации. Актуальность исследования роли семейных ценностей в организационной культуре обусловлена их исключительной важностью для членов организации, для самой организации и для государства.

Разработка мер государственной поддержки семьи, материнства и детства была предусмотрена в том числе Основными направлениями государственной семейной политики, утвержденными Указом Президента РФ от 14.05.1996 № 712¹, Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761².

С 2014 года в Российской Федерации реализуется Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года (далее – «Концепция ГСП»)³, согласно которой приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение

¹ Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

² Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

³ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

В развитие государственной политики в сфере защиты семьи, в целях сохранения традиционных семейных ценностей, популяризации семейного образа жизни и многодетности Президентом РФ принято решение провести в 2024 году в Российской Федерации Год семьи¹.

Реализация данных приоритетов возможна только при качественном учете роли, взаимовлияния семейных ценностей и ценностей организации как места приложения труда. Целью настоящей работы является обобщение результатов некоторых проведенных социологических исследований, направленных на выявление роли, взаимосвязи, взаимовлияния, баланса семьи и работы.

Правовое обеспечение мер поддержки, развития, популяризации семейных ценностей возможно осуществить различными механизмами: как нормативными, так и индивидуальными.

Распространенными механизмами обеспечения и поддержки семейных ценностей являются либо законодательное императивное предписание, либо договорное согласование (в разнообразных соглашениях работодателей и работников, в том числе в коллективных договорах). В реализации семейной политики недостаточное внимание уделено использованию актов «мягкого» права, основанных на принципе «исполняй или объясняй». Такие акты способны существенно расширить инструментарий правового обеспечения поддержки и развития семейных ценностей на уровне организаций.

Содержание дискуссии

Многочисленные социологические исследования подтверждают, что семья и работа являются главными ценностями для россиян, причем семья находится на первом месте [8, с.309]. Исследования 2014 года показали, что за предшествующее десятилетие доля россиян, ставящих наличие семьи на первое место в иерархии ценностей, увеличилось с 34 % до 64 % [7, с.86]. При этом исследование 2018 года выявило, что только 41 % россиян считают, что им удастся обеспечивать приемлемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов [5, с.329].

На наш взгляд, наиболее полно понятие семейных ценностей раскрыла Ж.Н. Дюльдина: «Семейные ценности – это взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных, национальных особенностей в

¹ Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024 г.).

малой социальной группе, основанной на браке, кровном родстве» [1, с.98].

В Концепции ГСП традиционные семейные ценности рассматриваются более узко, относя к ним «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»¹.

Учитывая то, что для большинства населения преобладающей экономической основой для семьи является трудовая деятельность супругов, для гармоничного развития семьи необходимо обеспечение баланса между работой и семьей. Проблемам поиска этого баланса посвящено большое количество научных работ [1, 2, 3, 4, 6, 8, 10, 11].

Теория ролевого баланса является одной из теорий баланса между работой и семьей, согласно которой лицо играет разные роли на работе и в семье, переключаясь между этими ролями. Баланс считается достигнутым тогда, когда лицо справляется с выполнением всех значимых для него ролей, в противном случае конфликт ролей влечет дисбаланс, стресс, напряжение².

В науке отношения между работой и личной жизнью описывают пятью основными моделями: 1) сегментационная модель (рабочая и личная сферы жизни независимы и не влияют друг на друга); 2) модель побочного эффекта (сферы оказывают позитивное или негативное влияние друг на друга); 3) компенсаторная модель (неудовлетворенность в одной сфере может быть восполнена в другой); 4) инструментальная модель (сфера содействует успеху в другой сфере) и 5) конфликтная модель (предполагает неизбежность конфликтов во всех сферах жизни) [6, с.9].

Несмотря на то что согласно проведенным исследованиям семья и работа для россиян являются ценностями, определяющими жизненный успех, но рост чувства счастья происходит только при положительных оценках и личной сферы, и сферы работы, а с другой стороны, исследования констатируют существенное нарастание конфликтности семейных и профессиональных ролей, преобладание работы над семьей [8].

Например, стремление бизнеса обеспечить свою деятельность 24/7, нестандартные рабочие графики (сверхурочная, вечерняя, ночная работа,

¹ Электронный ресурс: СПС КонсультантПлюс. Доступно на сайте: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/3040ba7aa9d4f9548f0b4cb4f1b2cb8b079dd29f/ (дата обращения: 20.02.2024).

² Димитрова Е.К., Тонких Н.В. Удовлетворенность балансом рабочего и личного времени в зависимости от социальных метрик респондентов: российский и европейский кейсы // Human Progress. 2020. Том 6, Вып. 1. URL: http://progress-human.com/images/2020/Том6_1/Dimitrova.pdf (дата обращения: 20.02.2024 г.).

работа в выходные дни) крайне негативно влияет на социальную включенность работника; он ограничен в возможности проведения времени с родными и друзьями, в соблюдении семейных традиций и т.п., что может влечь напряженность, конфликтность между работой и семьей [13].

Вместе с тем, как показало социологическое исследование, проведенное Г.В. Белеховой в Вологодской области, те сотрудники, которые удовлетворены сочетанием трудовых и семейных обязанностей, отмечали, что «для них чаще характерно выполнение (67% против 47%) и перевыполнение (46% против 34%) норм выработки, сдачи работы с первого предъявления с высоким качеством без замечаний (64% против 35%), подача рационализаторских предложений (27% против 10%). Помимо этого, судя по полученным данным, у удовлетворенных сочетанием трудовых и семейных обязанностей выше производительность (8,33 против 6,84 баллов по 10-балльной шкале) и среднемесячная заработная плата»¹.

Укрепление семейных ценностей возможно только совместными усилиями государства, общества, бизнеса и самих работников. Согласно Концепции ГСП необходимо создать реальные условия для совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью, в том числе:

- поддержку работодателей, принимающих на работу лиц с высокой семейной нагрузкой и женщин, воспитывающих детей в возрасте от 1,5 до 3 лет;
- реализацию проектов государственно-частного партнерства, направленных на создание благоприятных условий для совмещения многодетными родителями, родителями, воспитывающими детей-инвалидов, обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью;
- пропаганду положительной практики работодателей по приему на работу родителей с малолетними детьми, в том числе с детьми-инвалидами, созданию условий для совмещения профессиональных и семейных функций работниками, имеющими детей².

Ж.В. Чернова отмечает, что с 2014 г. в России наблюдается тенденция «разгосударствления» сферы поддержки семьи, создания ситуации «институционального давления на работодателя с целью увеличить объем взятых им социальных обязательств перед своими работниками» [12, с.101-102].

Эту тенденцию следует поддержать и признать, что по крайней мере крупные корпорации вполне могут взять на себя дополнительный

¹ Белехова Г.В. Баланс между работой и личной жизнью: субъективная оценка и влияние на трудовой потенциал // Human Progress. 2020. Том 6, Вып. 1. URL: http://progress-human.com/images/2020/Том6_1/Belehova.pdf (дата обращения: 20.02.2024 г.).

² СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.02.2024 г.).

обязательства перед работниками, направленные на улучшение их баланса между работой и семьей.

В существующей ситуации увеличивающегося кадрового дефицита работодатели все больше заинтересованы в профессиональном и постоянном сотруднике [9, с.112-113].

Организационная культура предприятия может включать в себя разнообразные меры и мероприятия, направленные на внедрение, поддержание, сохранение семейных ценностей, стимулирование ведения семейного образа жизни, поддержания многодетности. Среди них:

- программы материальной поддержки для сотрудников с детьми или иными иждивенцами: единовременные выплаты в связи с рождением ребенка, поступления в школу, в связи с серьезной болезнью или со смертью родственника;

- возможность установления гибкого индивидуального графика работы сотруднику, нуждающемуся в решении его семейных вопросов: провозжание и встреча детей из/в садик, школу и т.п.;

- предоставление дополнительных дней отпуска 1 сентября работникам, имеющим детей-школьников;

- корпоративные программы, предназначенные для сотрудников с детьми или иными иждивенцами: совместное посещение культурных, спортивных мероприятий; организация совместного семейного отдыха, выезда на природу; организация экскурсий для детей по рабочим местам родителей; организация развлекательных программ на праздники (Новый год, профессиональные праздники);

- содействие работникам в решении вопросов по обеспечению присмотра за детьми и другими нуждающимися в этом родственниками: няни, детские комнаты, детский сад, программы для сотрудников с детьми, сиделки.

Такие меры приведут к большому количеству положительных эффектов.

Правовое обеспечение таких мер возможно осуществить различными механизмами: как нормативными, так и индивидуальными.

Распространенным механизмом правового обеспечения и поддержки семейных ценностей является законодательное императивное предписание. Ряд мер, направленных на укрепление семьи и семейных ценностей, императивно предусмотрен действующим законодательством. Например, этому посвящена глава 41 Трудового кодекса Российской Федерации, которая регламентирует значительное количество особенностей труда женщин и лиц с семейными обязанностями¹.

Другим распространенным механизмом правового обеспечения семейных ценностей является регламентация таких мер коллективными

¹ СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

договорами и соглашениями, заключенными в соответствии с главой 7 Трудового кодекса Российской Федерации. Например, Отраслевое соглашение по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2023 - 2025 годы¹, содержит раздел 9, предусматривающий перечень мер поддержки, социальные гарантии работающим женщинам и другим лицам с семейными обязанностями, которые должен обеспечить работодатель. При этом следует отметить, что данное отраслевое соглашение не содержит конкретных или минимальных объемов мер поддержки. Условия предписано согласовывать в коллективных договорах или локальных актах предприятий. Следовательно, такие предписания носят больше декларативный характер.

На наш взгляд, в ряде случаев более эффективно будет использовать третий вид механизма – механизм «мягкого» права, применяемый при регламентации корпоративного управления.

В России рекомендован к применению Кодекс корпоративного управления². Большинство крупных компаний обязаны раскрывать информацию о соблюдении ими принципов, содержащихся в Кодексе корпоративного управления³. Центральный банк Российской Федерации публикует ежегодные обзоры практики корпоративного управления в российских публичных обществах, соблюдения ими принципов корпоративного управления.

Кодекс корпоративного управления относится к актам рекомендательного характера, актам «мягкого» права, использование которых основано на принципе «применяй или объясняй». Данные акты, во-первых, соответствуют обязательным требованиям действующего законодательства. Во-вторых, данные акты предлагают применять положительно зарекомендовавшие себя практики управления. Эти практики не обязательны в соответствии с законом, но их неприменение надо объяснять. В-третьих, корпорации вправе разрабатывать и применять свои новые, оригинальные практики.

В Кодексе корпоративного управления или в ином документе, основанном на принципе «применяй или объясняй», можно предусмотреть

¹ Отраслевое соглашение по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2023 - 2025 годы (утв. Общероссийским профсоюзом работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства, Общероссийским отраслевым объединением работодателей нефтяной и газовой промышленности 22.11.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

² Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

³ Письмо Банка России от 30.03.2015 № 06-52/2825 «О раскрытии в годовом отчете акционерного общества за 2014 год сведений о соблюдении положений Кодекса корпоративного управления» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2024).

меры поддержки семейных ценностей.

Таким образом будет обеспечиваться гармоничная система взаимодействия. Государство в ранг закона, в ранг обязательных для исполнения норм возводит только наиболее важные, принципиальные правила и меры поддержки. В рамках, в границах данных обязательных правил организации свободны в установлении любых правил на уровне локальных актов. Локальные акты позволяют осуществлять индивидуальную настройку взаимодействия, позволяют учитывать социокультурные особенности коллектива, сферы деятельности организации.

Анализ конкретных практик позволяет выделить из них наиболее перспективные и эффективные и включить их в акты «мягкого» права. Апробированные в рамках «мягкого» права практики, при необходимости, могут быть возведены в ранг обязательных норм права.

Заключение

Проявление работодателем заботы о семейной жизни работника существенно повышает лояльность и производительность последнего, чувство счастья и удовлетворенность жизнью.

Поддержка работодателем хороших семейных отношений работника влечет укрепление, сплочение его семьи, снижение количества разводов, повышение рождаемости, укрепление здоровья.

Более защищенными будут интересы детей. При этом не только родители, но и их дети будут более лояльны работодателю.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что воплощение, включение в организационную культуру, политику предприятия мер и программ, направленных на популяризацию, поддержку и сохранение семейных ценностей, пропагандирование семейного образа жизни работников полностью соответствует их запросам, подтвержденным многочисленными социологическими исследованиями, существенно улучшает морально-психологический климат в коллективе, увеличивает чувство счастья и производительность работников и согласуется с государственной семейной политикой Российской Федерации.

Внедрение механизма «мягкого права» позволит более интенсивно выявлять и внедрять наилучшие практики поддержки семейных ценностей.

Список источников:

1. Дюльдина (2013) – Дюльдина Ж.Н. Семейные ценности и традиции как основы основ российского общества и государства // Власть. 2013. № 11. с. 97-100.
2. Измайлов (2018) – Измайлов В.В. Расторжение брака и некоторые проблемы его государственной регистрации // Современный юрист. 2018. № 2 (23). с. 25-34.
3. Иксанов (2019) – Иксанов И.С. Особенности судебной практики суда европейского союза в части толкования содержания европейского

наднационального гражданства // Современный юрист. 2019. № 2 (27). с. 98-105.

4. Курилюк (2020) – Курилюк Ю.Е. Семейные ценности в балансе публичных и частных интересов: правовые позиции конституционного суда российской федерации и европейского суда по правам человека // Современный юрист. 2020. № 2 (31). с. 109-120.

5. Мареева (2019) – Мареева С.В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. с. 324-344.

6. Моспан, Осин, Иванова, Рассказова, Бобров (2016) – Моспан А.Н., Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Бобров В.В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. с. 8-29.

7. Ростовская, Кучмаева (2015) – Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. №3 (15). с. 85—90.

8. Темницкий (2019) – Темницкий А.Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. с. 306—323.

9. Толстая (2018) – Толстая С.В. Работа - семья: конфликт или взаимообогащение // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 7 (127). с. 109—114.

10. Ульянова (2019) – Ульянова М.В. Объект семейного правоотношения // Современный юрист. 2019. № 4 (29). с. 143-153.

11. Ульянова (2022) – Ульянова М.В. Право ребенка на образование и право родителя на выбор образовательной организации в период цифровизации среды // Современный юрист. 2022. № 2 (39). с. 55-66.

12. Чернова (2017) – Чернова Ж.В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 1. с. 93-113.

13. Шевчук, Красильникова (2019) – Шевчук А.В., Красильникова А.В. Влияние нестандартных трудовых графиков на баланс между работой и жизнью (по данным Европейского социального исследования в России) // Журнал исследований социальной политики. 2019. №2. с. 223–236.

References:

Dyuldina (2013) – Dyuldina Zh.N. Family values and traditions as the basis of Russian society and state [Semejnye cennosti i tradicii kak osnovy osnov rossijskogo obshchestva i gosudarstva] // Power. 2013. № 11. p. 97-100.

Izmailov (2018) – Izmailov V.V. Divorce and some problems of its' state registration [Rastorzheniye braka i nekotoryye problemy yego gosudarstvennoy registratsii] // Modern lawyer. 2018. № 2 (23). p. 25-34.

Iksanov (2019) – Iksanov I.S. The characteristics of the judicial practice in cases of supranational citizenship of the eu court of justice [Osobnosti sudebnoy praktiki suda yevropeyskogo soyuza v chasti tolkovaniya soderzhaniya yevropeyskogo nadnatsional'nogo grazhdanstva] // Modern lawyer. 2019. № 2 (27). p. 98-105.

Kurilyuk (2020) – Kurilyuk Y.E. Family values in the balance of public and private interests: legal positions of the constitutional court of the russian

federation and the european court of human rights [Semeynyye tsennosti v balanse publichnykh i chastnykh interesov: pravovyie pozitsii konstitutsionnogo suda rossiyskoy federatsii i yevropeyskogo suda po pravam cheloveka] // Modern lawyer. 2020. № 2 (31). p. 109-120.

Mareeva (2019) – Mareeva S.V. Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians [Neravenstvo zhiznennykh shansov rossiyan v sfere balansa zhizni i truda] // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. No. 3. p. 324—344.

Mospan, Osin, Ivanova, Rasskazova, Bobrov (2016) – Mospan A.N., Osin E.N., Ivanova T.Y., Rasskazova E.I., Bobrov V.V. Work-life balance in Russian production enterprise employees [Balans raboty i lichnoj zhizni u sotrudnikov rossijskogo proizvodstvennogo predpriyatiya] // Organizational psychology. 2016. T. 6. № 2. p. 8-29.

Rostovskaya, Kuchmayeva (2015) – Rostovskaya T.K., Kuchmayeva O.V. Imagery of the young Russian people about family life: sociological aspect [Predstavleniya molodykh rossiyan o semejnoy zhizni: sociologicheskij rakurs] // Management issues. 2015. №3 (15). p. 85—90.

Temnitskiy (2019) – Temnitskiy A.L. Role of work-life balance in achieving life success for the hired workers in Russia [Rol' sbalansirovannosti raboty i sem'i v dostizhenii zhiznennogo uspekha u naemnykh rabotnikov Rossii]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. No. 3. p. 306—323.

Tolstaya (2018) – Tolstaya S.V. Work - family: conflict or mutual enrichment [Rabota - sem'ya: konflikt ili vzaimobogashchenie]// Problems of modern science and education. 2018. № 7 (127). p. 109—114.

Ulianova (2019) – Ulianova M.V. The object of family relationship [Ob'yekt semeynogo pravootnosheniya] // Modern lawyer. 2019. № 4 (29). p. 143-153.

Ulianova (2022) – Ulianova M.V. The right of the child to education and the right of the parent to choose an educational organization in the period of digitalization of the environment [Pravo rebenka na obrazovaniye i pravo roditelya na vybor obrazovatel'noy organizatsii v period tsifrovizatsii sredy] // Modern lawyer. 2022. № 2 (39). p. 55-66.

Chernova (2017) – Chernova Zh.V. The family friendly workplace: policy initiatives, employer positions, and types of support for workers with family responsibilities [Rabochee mesto, družhestvennoe sem'e: politicheskie iniciativy, pozitsiya rabotodatelya i tipy podderzhki rabotnikov s semejnymi obyazannostyami] // The journal of sociology and social anthropology. 2017. № 1. p. 93-113.

Shevchuk, Krasilnikova (2019) – Shevchuk A.V., Krasilnikova A.V. The impact of non-standard work schedules on the work-life balance: the case of the European Social Survey in Russia [Vliyanie nestandartnykh trudovykh grafikov na balans mezhdru rabotoj i zhizn'yu (po dannym Evropejskogo social'nogo issledovaniya v Rossii)] // The journal of social policy studies. 2019. №2. p. 223–236.

Гражданское процессуальное право

УДК 347.91

JEL: J00

*ЗОЛОТОВСКАЯ Елена Анатольевна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3044-9370>

¹ Золотовская Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета. E-mail: elena-zlato@rambler.ru

СРЕДСТВА ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОДЛОЖНЫМИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования являются процессуальные положения законодательства, судебная практика, постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохраняющие действие постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, регулирующие основания и порядок признания судом доказательств фальсифицированными.

Цели/задача. Цель исследования – проанализировать и обобщить юридические средства признания доказательств подложными в процессе осуществления судопроизводства.

Методология. При проведении исследования использованы общелогические методы (анализа, синтеза), диалектический, статистический, системно-структурный, исторический, логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический и другие методы научного познания.

Вывод. Нормальным течением процесса признается ожидаемое, т.е. добросовестное поведение его сторон, правомерно составляющих в доказывании перед судом обстоятельств дела. Однако это обычно ожидаемое поведение имеет место не всегда: на практике имеют место случаи недобросовестного поведения одной или обеих сторон процесса, не только искажающих факты (сведения о фактах), но и имитирующих эти факты с помощью не отражающих реальность, искусственно и преднамеренно созданных доказательств, имеющих цель ввести суд в заблуждение. Создание таких доказательств, получившее название фальсификации, для российского правопорядка далеко не безобидно: чаще всего оно реализуется в профессионально проводимых захватах бизнеса, сопровождаясь комплексом иных противоправных действий. Значение экспертизы подложных доказательств в цивилистическом процессе состоит и в том, что их несвоевременное выявление нередко влечет необходимость пересмотра уже состоявшихся судебных решений в рамках возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам – как правило, после признания факта мошенничества или фальсификации документов в уголовно-процессуальном порядке. Иначе говоря, одно подобное доказательство способно полностью обесмыслить всю предшествующую судебную деятельность (при этом уже завершённую вынесением окончательного судебного акта) и повлечь новое рассмотрение уже завершённого дела.

Ключевые слова: доказательство, достоверность, фальсификация, исследование доказательств, экспертиза, арбитражный процесс, гражданский процесс, проверка доказательств, суд, средства проверки, участники процесса.

Procedural law

¹ *Elena A. Zolotovskaya*, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Institute of Law of Vladivostok State University

MEANS OF RECOGNIZING EVIDENCE AS FRAUDULENT IN A CIVIL PROCEDURE

Subject/topic The subject of the study is the procedural provisions of legislation, judicial practice, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the resolutions of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation that preserve the validity, regulating the grounds and procedure for the recognition of evidence by the court as falsified.

Goals/objectives. The purpose of the study is to analyze and summarize the legal means of recognizing evidence as fraudulent in the course of legal proceedings.

Methodology The research uses general logical methods (analysis, synthesis), dialectical, statistical, system-structural, historical, logical-legal, comparative-legal, concrete-sociological and other methods of scientific cognition.

Conclusion The normal course of the process is recognized as the expected, i.e., conscientious behavior of its parties, lawfully competing in proving the circumstances of the case before the court. However, this usually expected behavior does not always take place: in practice, there are cases of unfair behavior by one or both sides of the process, not only distorting the facts (information about the facts), but also imitating these facts with the help of artificially and intentionally created evidence that does not reflect reality, with the purpose of misleading the court. The creation of such evidence, called falsification, is far from harmless for the Russian law and order: most often it is implemented in professionally conducted business seizures, accompanied by a complex of other illegal actions. The importance of the examination of forged evidence in the civil procedure process also lies in the fact that their untimely detection often entails the need to review court decisions that have already taken place as part of the resumption of cases under newly discovered circumstances – as a rule, after the recognition of fraud or falsification of documents in criminal procedure. In other words, one such proof can completely make sense of all previous judicial activity (at the same time, it has already been completed by the issuance of a final judicial act) and entail a new examination of an already completed case.

Keywords: *proof, reliability, falsification, examination of evidence, examination, arbitration process, civil procedure, verification of evidence, court, means of verification, participants in the process.*

Доказательство в судебном процессе, чтобы стать таковым, должно отвечать ряду требований, предъявляемых процессуальным законом, в том числе быть достоверным.

Основным критерием разделения гражданских процессуальных систем на англосаксонский и романо-германский процессы считается инициатива,

самостоятельность и активность суда в собирании доказательств. Соответственно в континентальной системе активным является суд, а в англосаксонской – стороны [1, с. 31].

Арбитражным судом доказательство признается достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности (напр., ч. 3 ст. 71 АПК РФ). Суд проводит проверку доказательств на предмет их достоверности различными способами, и данные способы зависят от того, насколько данные доказательства вызывают у суда сомнения в их достоверности.

О фальсификациях и борьбе с ними законодателя впервые стало известно со времен Древнего Рима. Как отмечают ученые, «в Древнем Риме фальсификация завещаний была настолько будничным явлением, что Цицерон вынужден был признать: даже честные граждане не смущались обогатиться при их помощи» [2, с. 435]. В Древней Руси (в Русской Правде) какие-либо законодательные положения о фальсификации доказательств и способах их преодоления отсутствовали. Только в Псковской судной грамоте 1471 года о фальсификации доказательств говорится: «А князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить» [3, с. 337]. Судебник 1550 года, хотя и устанавливал уголовную ответственность за фальсификацию должностными лицами некоторых доказательств, не содержал цивилистических средств противодействия этому явлению. Впервые они появляются в Соборном уложении 1649 года: в его ст. 251 был создан механизм раскрытия фальсификации, которая совершалась стороной в сделке, сговорившейся с площадными подъячими (выполняющими функции нотариусов). Если эта сторона в сговоре с ними оформляла заемную кабалу или крепостную, а впоследствии посредством насилия принуждала лицо к ее подписанию, это лицо в тот же день должно было явиться в суд, указать совершивших данное деяние лиц и потребовать очную ставку с ними.

В современном виде перечень средств противодействия фальсификации доказательств можно увидеть в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, который специально предусматривал их в качестве «средств разрешения сомнения» лица, участвующего в деле, в отношении использованного доказательства. К ним относились: сравнение с иными актами; сличение почерка в оспариваемом акте (следует отметить, что «сомнения», по ст. 107 Устава гражданского судопроизводства, могли быть высказаны лишь в отношении письменных доказательств); допрос свидетелей. Одним из передовых решений этого времени стало требование законодателя об обязательности составления протокола применения того или иного средства (ст. 107) [4, с. 26].

Советские кодексы пошли еще дальше в наборе средств противодействия. Именно в статье 150 ГПК РСФСР 1923 г. впервые

предусматривается возможность научного (экспертного) исследования доказательств. Согласно данной статье суд, в производстве которого находится гражданское дело, по которому представленные сторонами доказательства вызвали сомнение в их достоверности, обязан провести проверку их подлинности и для этого он использует следующие способы:

а) путем освидетельствования документа и сравнения его с другими документами;

б) путем допроса свидетелей, указанных в документе или на которых ссылаются стороны, а равно вызванных судом по своей инициативе;

в) путем сличения почерка и подписи на заподозренном документе с подписью того же лица на других бесспорных документах;

г) путем экспертизы¹.

Как видно, ГПК РСФСР 1923 г. почти полностью повторял статью 107 УГС, за исключением двух обстоятельств: в данную норму был добавлен такой способ проверки подлинности документа, как экспертиза; из данной нормы было исключено требование о составлении протокола данного судебного действия. Думается, такой отказ от «буржуазных формальностей» на самом деле был одним из отступлений советского права от поступательного развития гражданского процесса.

В ГПК РСФСР 1964 года в ст. 177 средств противодействия фальсификации почти нет: ее часть вторая упоминает лишь экспертизу и «иные доказательства». Возможно, такой подход был вызван сомнительностью первых из трех названных в ст. 150 ГПК РСФСР 1923 г. способов. Так, способ, указанный в п. «а» (сравнение с иными актами), являет собой, по существу, оценку доказательств в их совокупности, т.е. действие, которое суд должен произвести и без специальной проверки доказательства, в отношении подлинности которого возникло сомнение. Данное предположение подтверждается судебной практикой. Как отмечается в одном из определений Верховного Суда РФ (речь идет об АПК РФ), «по смыслу положений абзаца второго пункта 3 части 1 статьи 161 Кодекса заявление о фальсификации доказательства может быть проверено судом... путем оценки такого доказательства в совокупности с иными доказательствами в порядке, предусмотренном ст. 71 этого Кодекса»².

В целях недопущения использования лицами, участвующими в арбитражном процессе, недостоверных доказательств, законодательство

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: закон РСФСР от 11.06.1964 (посл. ред. от 31.12.2002 № 187-ФЗ) (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44636#9HIXdyTaGvwaUDt81> (дата обращения: 22.01.2024).

² Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2022 № 306-ЭС22-6479 по делу № А57-12493/2020 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=717381#1p4JfyTU74Y7boYu> (дата обращения: 11.01.2024).

регламентирует последствия представления фальсифицированных доказательств, что позволяет говорить об обеспечении условий, способствующих предотвращению злоупотребления со стороны участников процесса, что в итоге обеспечивает вынесение обоснованного и законного постановления в результате рассмотрения спора [5, с. 17].

Наибольший интерес представляет порядок проверки арбитражным судом обоснованности заявления о фальсификации доказательства и последствия признания такого заявления обоснованным. Фактически проверка заявления о фальсификации доказательства сводится к оценке оспариваемого доказательства до принятия окончательного судебного акта по делу. Такая проверка должна заключаться, с одной стороны, в проверке соответствия подтверждающихся оспариваемым доказательством обстоятельств фактическим обстоятельствам дела и, с другой стороны, в установлении факта искажающего воздействия на материальный носитель, которое может привести к возникновению у суда неверного представления о существующих либо существовавших в действительности обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела. Таким образом, в нормах АПК РФ закреплён порядок рассмотрения арбитражным судом вопросов, касающихся фальсификации доказательств, и приведен перечень возможных действий арбитражного суда, направленных на предотвращение наступления негативных для рассмотрения дела последствий фальсификации доказательств. Статья 71 АПК РФ обязывает арбитражный суд оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. При этом статья не предусматривает исключений для документов, в отношении которых не сделано заявлений о фальсификации¹.

Способ, указанный в п. «б», не всегда возможен в силу прямого указания на запрет использования свидетельских показаний, установленный гражданским законодательством (п. 1 ст. 162 ГК РФ²) и, кроме того, породил бы в судебной практике споры о возможности опровержения письменных сделок свидетельскими показаниями в принципе.

Наконец, способ, указанный в п. «в» - о сличении почерка и подписи на документе с иными (бесспорными) подписями опровергающего документ лица – в настоящее время и составляет предмет судебно-почерковедческой

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 02.10.2007 N 3355/07 по делу N A19-9947/06-18 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=42349#VKFTdyTkXnJHzy602> (дата обращения: 11.01.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ (посл. ред. от 14.04.2023 № 121-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.01.2024).

экспертизы.

Если в случае проверки заявления о фальсификации доказательств по арбитражному делу проверке подлежат источник и порядок формирования доказательств, как средства доказывания, то в случае проверки достоверности доказательств исследуются сведения о юридически значимом для дела факте, которые содержатся в данном доказательстве и которые извлекаются из этого средства (источника) доказывания логическим путем. В первом случае проверяется процессуальная форма доказательств, во втором – содержащиеся в нем сведения. Отсюда вытекает, что не имеет значения, соответствует ли реальности информация, содержащаяся в проверяемом на факт фальсификации доказательстве, поскольку предметом судебной проверки является только процесс формирования доказательств, и факт его фальсификации, независимо от его содержания, является достаточным для его исключения из числа доказательств. На это же различие в предмете судебной проверки указывает и М.З. Шварц [6, с. 80].

По другой точке зрения, проверка достоверности доказательств и проверка заявления о фальсификации соотносятся как общее и особенное. Так, на предмет фальсификации суд должен выяснить процесс формирования сведений, содержащихся в средстве доказывания. Этот предмет – обязательная составляющая проверки указанных сведений на достоверность. В этой связи возникает вопрос: «почему законодатель специально обязывает суд проверить заявление о фальсификации доказательств в отличие от утверждения о недостоверности доказательств... смысл такой проверки состоит в том, что подобная процедура установлена ввиду криминализации указанного правонарушения» [7, с. 17].

В то же время фальсифицированное доказательство, правильно отражающее фактические обстоятельства дела, может стать средством выяснения истины. Процесс выявления фальсификации не включает проверку соответствия сведений о фактах, вытекающих из проверяемого средства доказывания, уже установленным фактам [8, с. 15].

Однако, по мнению автора, целесообразно поддержать первую из вышеприведенных точек зрения, поскольку, если различать источник формирования доказательств и его содержание (содержащиеся в нем сведения), то нельзя отрицать, что, хотя сведения об источнике его формирования могут быть ложными, это доказательство может содержать истинные сведения о факте, которые создатель этого доказательства пытался заложить в его содержание.

Процессуальная форма доказательств может пониматься в двух значениях: как комплекс правил, регулирующих порядок получения судом доказательств, и как соблюденный порядок формирования конкретного доказательства [9, с. 207], соблюдение которого позволяет утверждать о

допустимости этого доказательства.

По мнению В.С. Анохина: «рассмотрение заявления о фальсификации доказательства, представленного в порядке ст. 161 АПК РФ, является проверкой заявления о недостоверности доказательств, представленных одним из лиц, участвующих в деле» [10, с. 8]. Как видно, В.С. Анохин отождествляет проверку источника происхождения средства доказывания (подлинность) с содержанием информации, которую несет в себе этот источник (на достоверность). Однако со смешением подлинности источника с достоверностью, содержащейся в нем информации сложно согласиться. Поэтому в случае, когда фальсификация доказательства имела место не частично, а полностью, достоверность содержания данного доказательства суду оценивать недопустимо, оно в принципе не подлежит оценке как доказательство, полученное с нарушением закона.

Абзац второй п. 3) ч. 1 ст. 161 АПК РФ указывает на следующие средства проверки арбитражным судом подлинности доказательства:

1) «принимает предусмотренные федеральным законом меры», в том числе:

1.1) назначает экспертизу;

1.2) истребует другие доказательства. В данном отношении важно, что речь идет именно об «истребовании», т.е. об инициативной деятельности суда, направленной на получение доказательств (средств доказывания) независимо от воли сторон – ни от представившего предполагаемо фальсифицированное доказательство, ни от заявителя. Данное положение – еще одно исключение из принципа диспозитивности гражданского судопроизводства, который предполагает лишь содействие суда сторонам в добывании доказательств, а не активную деятельность суда по их получению. Данное положение, как представляется, является общим по отношению к специальному праву суда о самостоятельном назначении экспертизы;

2) «принимает иные меры». Как следует из данной статьи, АПК РФ указывает на возможность применения не только «предусмотренных федеральным законом» мер, но и «иных», т.е. не предусмотренных законом мер.

Судебная практика пошла дальше и стала допускать меры, не предусмотренные никакими правовыми актами. Например, как отмечалось Верховным Судом РФ по одному из дел, «по результатам опроса... инспектора Калиной А.М. суды пришли к выводу об отсутствии фактов, подтверждающих фальсификацию акта налоговой проверки»¹. Между тем в АПК РФ отсутствует такое средство доказывания, как опрос – как

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2018 № 302-КГ18-5558 по делу № А19-17107/2016 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=540664#H2RJfyT Cc9u1LnEl> (дата обращения: 11.01.2024).

отсутствует и институт результатов опроса, способов фиксации результатов опроса и т.д. Таким образом, АПК РФ позволяет проверять подлинность доказательств не только в законодательной процедуре, но и «иными мерами», в том числе и не предусмотренными никакими правовыми актами. Думается, что столь широкое судебное усмотрение все же недопустимо. Предпочтительной представляется практика ВАС РФ, который в аналогичных случаях руководствовался правилами о допросе свидетелей¹.

Проблема отсутствия у арбитражного суда каких-либо существенных, помимо экспертизы, средств выявления фальсификации была частично разрешена введением в конце 2019 года в статью 188.1 АПК РФ части 4, направленной прежде всего на противодействие фальсификации доказательств. Согласно данной части в случае, если при рассмотрении дела арбитражный суд обнаружит в действиях лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса, должностных лиц или иных лиц признаки преступления, копия частного определения арбитражного суда направляется в органы дознания или предварительного следствия. Объясняя ее установление, авторы Паспорта соответствующего законопроекта отмечали, что «арбитражный процесс, как правило, длителен... что приводит к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших в период рассмотрения арбитражного дела преступления небольшой тяжести»². С другой стороны, в литературе обстоятельства, предусмотренные пунктами 2 и 3 части 2 ст. 311 АПК РФ, названы «одними из наиболее часто встречающихся вновь открывшихся обстоятельств» [11, с. 374]. А. Черкашин, проанализировав судебную статистику с 2006 по 2017 годы, указывает, что в среднем число осужденных по таким статьям составляет 50-70 в год; в частности, по ст. 303 УК РФ в 2017 году оно составило 67³.

Однако это положение, ценность которого нельзя не признать, охватывает лишь случаи обнаружения судом признаков фальсификации,

¹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.02.2014 № ВАС-613/14 по делу А28-4473/2012-118/25 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=377359#kOqJfyT4HhKqnPIF> (дата обращения: 11.01.2024).

² К проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: пояснительная записка Паспорта Проекта федерального закона № 589321-7 «О внесении изменения в статью 188.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Система обеспечения законодательной деятельности». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589321-7?ysclid=lq8yhzveqi588306873> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Черкашин А. Борьба с фальсификациями доказательств в арбитражном процессе. Продолжение. – Текст электронный / А. Черкашин // Сайт «Zakon.ru»: [сайт]. - URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/17/borba_s_falsifikaciyami_dokazatelstv_v_arbitrazhnom_processe_prodlolzhenie (дата обращения: 20.01.2024).

оставляя без учета случаи, когда арбитражный суд этой фальсификации не обнаружит, что приведет к вынесению неправосудного решения. В условиях, когда срок давности привлечения лица к уголовной ответственности за фальсификацию, неправильное заключение эксперта и иные подобные преступления в сфере арбитражного процесса истек, доказать указанные обстоятельства теми ограниченными правовыми средствами, которыми располагают частные лица, представляется практически невозможным. В целях расширения возможностей реализации добросовестными участниками арбитражного процесса своих прав на пересмотр решения по вновь открывшимся обстоятельствам, можно было бы пойти двумя путями. Так, по мнению А. Черкашина, необходим путь «увеличения ответственности по части 1 статьи 303 УК РФ, чтобы, переведя преступление в состав тяжких, увеличить срок давности привлечения к уголовной ответственности»¹. Однако такое предложение видится слишком прямолинейным и не учитывающим область уголовно-правового регулирования: внести в уголовное законодательство изменения, связанные с увеличением сроков привлечения к уголовной ответственности по рассмотренным выше составам УК РФ, можно не только предложенным им способом, а, например, и путем формирования отдельных составов Особой части УК РФ за преступления в сфере арбитражного правосудия. Такой подход не позволит ломать существующую систему уголовных наказаний, возводя состав преступления небольшой тяжести на две категории «вверх» - до уровня тяжких.

Представляется, что именно всесторонняя экспертиза подлинности документа может полностью устранить сомнения в отношении доказательства. Поэтому все иные, помимо экспертного исследования, меры по выявлению фальсифицированного доказательства - должны дополнять его, а не конкурировать с ним. Сомнительным, в частности, представляется отказ Арбитражного суда ДВО в проведении экспертизы по такому основанию, как «ходатайство может быть проверено различными способами, в том числе путем оценки доказательств, о фальсификации которых заявлено»². Действительно, если доказательство может быть проверено «различными способами», то сложно понять, почему суды ДВО избирают для проверки и полагают достаточным лишь один из них, при этом – не самый надежный, в то же время отказывая заявителям в проведении экспертного исследования как наиболее надежного способа.

¹ Черкашин А. Борьба с фальсификациями доказательств в арбитражном процессе. Продолжение. – Текст электронный / А. Черкашин // Сайт «Zakon.ru»: [сайт]. - URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/17/borba_s_falsifikaciyami_dokazatelstv_v_arbitrazhnom_processe_prodolzhenie (дата обращения: 20.01.2024).

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.05.2023 № Ф03-1871/2023 по делу № А24-2629/2018 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=130314#DjCfyTKautqWbsC1> (дата обращения: 28.01.2024).

В результате можно сделать вывод, что альтернативой назначения дополнительной или повторной экспертизы в арбитражном судопроизводстве могла бы стать легализация института допроса эксперта, как она установлена в ч. 1 ст. 187 ГПК РФ. Возможным представляется установление данного института по вновь сформированным единым правилам цивилистического процесса (хотя бы и на основе ч. 1 ст. 187 ГПК РФ). В частности, целесообразным представляется включение в предлагаемый институт правоположения, направленного на оптимизацию арбитражного разбирательства, в следующей редакции: «Назначение судом дополнительной экспертизы в целях устранения неполноты или недостаточной ясности первичного заключения возможно в случаях, когда такие недостатки не могут быть устранены в судебном заседании при допросе эксперта по вопросам, связанным с проведенным исследованием и данным им заключением». Такой подход исключил бы избыточные потери ресурсов суда и участвующих в деле лиц на проведение экспертизы – как темпоральных, так и имущественных.

На этапе ознакомления эксперта с делом целесообразно предоставить ему право предлагать суду поставить перед ним дополнительные (к уже поставленным) вопросы, ответ на которые, по его мнению, исключит вероятные неясности после проведения экспертизы. Суд, в свою очередь, может (дополнительным определением) поставить перед экспертом эти дополнительные вопросы с учетом мнений лиц, участвующих в деле. Такой подход позволил бы, не нарушая принципов диспозитивности и состязательности, дополнить их принципом объективной истины. Иначе говоря, допущение судом вопросов, предложенных самим экспертом после изучения им материалов дела, отразило бы факультативное действие принципа объективной истины.

Анализ порядка назначения экспертизы приводит к необходимости изложения ряда норм ГПК РФ в следующей редакции:

1) «В определении суда о назначении повторной экспертизы должны быть изложены мотивы несогласия суда с ранее данным заключением эксперта или экспертов. В определении суда о назначении дополнительной экспертизы могут быть изложены мотивы несогласия суда с ранее данным заключением эксперта или экспертов» (ч. 3 ст. 87 ГПК РФ);

2) «Заключение эксперта исследуется в судебном заседании, оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы. Суд в случае своего несогласия с заключением эксперта должен мотивировать его в своем решении по делу либо в определении о назначении дополнительной или повторной экспертизы, проводимых в случаях и в порядке, которые предусмотрены статьей 187 настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 187 ГПК РФ).

Возможно, при определении содержания понятия проверки доказательства на достоверность следует использовать формулировку,

содержащуюся в одном из обзоров правовых позиций Президиума ВАС РФ по вопросам частного права. Как следует из этого Обзора, проверка достоверности проводится судом «на предмет соответствия действительности путем оценки и исследования всей совокупности доказательств»¹. Однако в этом случае понятия проверки и исследования, стоящие вместе в ч. 3 ст. 71 АПК РФ как две равнозначные операции процесса судебного познания, не коррелируют с данным положением Президиума ВАС РФ, поскольку «исследование» оказывается способом проверки.

Список источников:

1. Ширяев (2014) - Ширяев В.А. Некоторые аспекты типологизации российского гражданского и арбитражного процесса как необходимого условия его развития / В.А. Ширяев // Современный юрист. 2014. № 4 (9). С. 31-42.
2. Боннер (2009) – Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. Санкт-Петербург: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. 832 с.
3. Псковская судная грамота. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Том 1. Москва: Юридическая литература, 1984. 642 с.
4. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1. - Санкт-Петербург: Гос. канцелярия, 1866. – 690 с.
5. Гирько, Ильин (2018) - Гирько С.И., Ильин И.В. Вопросы злоупотребления правилами подведомственности и подсудности при рассмотрении гражданских дел / С.И. Гирько, И.В. Ильин // Современный юрист. 2018. № 2 (23). С. 17-24.
6. Шварц (2010). - Шварц М.З. К вопросу о фальсификации доказательств в арбитражном процессе / М.З. Шварц // Арбитражные споры. 2010. № 3. С. 79-92.
7. Шевченко (2023) - Шевченко И.М. Заявление о фальсификации доказательства в арбитражном процессе: некоторые концептуальные соображения / И.М. Шевченко // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 3. С. 13-18.
8. Перязева (2005) - Перязева Н. Фальсификация доказательств в арбитражном суде / Н. Перязева // Законность. 2005. № 8. С. 14-17.
9. Треушников (2021) - Треушников М.К. Судебные доказательства. Москва: Городец, 2021. 268 с.
10. Анохин (2009) - Анохин В.С. Вопросы фальсификации доказательств в арбитражном процессе / В.С. Анохин // Российский судья. 2009. № 12. С. 7-14.
11. Шудров (2019) - Шудров А.Ю. Актуальные проблемы судопроизводства на примере института пересмотра судебных актов по

¹ Обзор правовых позиций Президиума ВАС РФ по вопросам частного права. Январь 2012 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=319901#5H4OdyTesS0Lxy0N2> (дата обращения: 25.01.2024)

новым и вновь открывшимся обстоятельствам / А.Ю Шудров // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 373-376.

References:

Shiryayev (2014) - Shiryayev V.A. Some aspects of the typologization of the Russian civil and arbitration process as a necessary condition for its development / Modern Lawyer [Nekotoryye aspekty tipologizatsii rossiyskogo grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa kak neobkhodimogo usloviya yego razvitiya // Sovremennyy yurist]. 2014. N. 4 (9). S. 31-42.

Bonner (2009) – Bonner A.T. Problems of establishing the truth in civil proceedings [Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom protsesse]. St. Petersburg: University Publishing Consortium "Law Book", 2009. 832 s.

Pskov judgment certificate. Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 vols. / Under the general editorship of O.I. Chistyakov. Volume 1 [Pskovskaya sudnaya gramota. Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH-KHKH vekov. V 9 t. / Pod obshch. red. O.I. Chistyakova]. Moscow: Legal literature, 1984. 642 p.

Judicial statutes of November 20, 1864, with a statement of the reasoning on which they are based: Part 1 [Sudebnyye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniyem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany: CH. 1]. St. Petersburg: State Chancellery, 1866. 690 p.

Girko, Ilyin (2018) - Girko S.I., Ilyin I.V. Issues of abuse of the rules of jurisdiction and jurisdiction in the consideration of civil cases / S.I. Girko, I.V. Ilyin // Modern lawyer [Voprosy zloupotrebleniya pravilami podvedomstvennosti i podsudnosti pri rassmotrenii grazhdanskikh del // Sovremennyy yurist]. 2018. No. 2 (23). pp. 17-24.

Schwartz (2010). - Schwartz M.Z. On the issue of falsification of evidence in the arbitration process / M.Z. Schwartz // Arbitration disputes [K voprosu o fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse // Arbitrazhnyye spory]. 2010. No. 3. pp. 79-92.

Shevchenko (2023) - Shevchenko I.M. Statement on falsification of evidence in the arbitration process: some conceptual considerations / I.M. Shevchenko // Arbitration and civil procedure [Zayavleniye o fal'sifikatsii dokazatel'stva v arbitrazhnom protsesse: nekotoryye kontseptual'nyye soobrazheniya // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess]. 2023. No. 3. pp. 13-18.

Peryazeva (2005) - Peryazeva N. Falsification of evidence in the arbitration court / N. Peryazeva // Legality [Fal'sifikatsiya dokazatel'stv v arbitrazhnom sude // Zakonnost']. 2005. No. 8. pp. 14-17.

Treushnikov (2021) - Treushnikov M.K. Judicial evidence [Sudebnyye dokazatel'stva]. Moscow: Gorodets, 2021. 268 p.

Anokhin (2009) - Anokhin V.S. Issues of falsification of evidence in the arbitration process / V.S. Anokhin // Russian judge [Voprosy fal'sifikatsii dokazatel'stv v arbitrazhnom protsesse // Rossiyskiy sud'ya]. 2009. No. 12. pp. 7-14.

Shudrov (2019) - Shudrov A.Yu. Actual problems of judicial proceedings on the example of the Institute for the revision of judicial acts on new and newly discovered circumstances / A.Yu. Shudrov // Young Scientist [Актуальные проблемы судопроизводства на примере института пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам // Молодой ученый]. 2019. No. 25. pp. 373-376.

Трудовое право

УДК 349.2

JEL: K31

*ПУРГЕ Анна Роландовна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

¹ Пурге Анна Роландовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета, Владивосток. E-mail: a.purge@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН В ДИСТАНЦИОННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования являются нормативно-правовые положения института дистанционных трудовых отношений в Российской Федерации.

Цели/задача. Цель исследования – анализ законодательных положений, регулирующих порядок и особенности трудовых отношений в дистанционном режиме.

Методология. Методологическая основа представлена совокупностью методов научного познания объективной правовой действительности, примененных в ходе подготовки и написания: сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, логический метод, метод правового моделирования.

Вывод. Важной особенностью правового регулирования дистанционной работы является допущение законодателем ее как постоянного, так и периодического, спорадического осуществления, что говорит о дифференциации дистанционно-трудовых отношений на два соответствующих вида. Особенности дистанционного труда – как труда, «свободного» от контроля работодателя, - приводят к вопросу о его разграничении с гражданско-правовыми отношениями. Анализ позволяет заключить, что для дистанционных трудовых отношений сохраняется их фундаментальное различие с гражданско-правовыми по признаку предмета договора, однако проявления этого различия дистанционно-трудовых отношений с гражданско-правовыми – специфичны и состоят в следующем. Во-первых, это включение должности дистанционного работника в состав штатного расписания работодателя и характер деятельности последнего, во-вторых - реализация руководителем распорядительных полномочий, в-третьих - использование средств связи или средств транспорта, принадлежащих работодателю, его программного обеспечения и всех иных «материалов, инструментов и оборудования».

Ключевые слова: *трудовой договор, удаленная работа, дистанционный режим, дисциплина труда, охрана труда, условия договора, оплата труда, работник, работодатель, содержание договора, прекращение договора.*

Labor Law

¹ *Anna R. Purge*, candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Institute of Law of Vladivostok State University, Vladivostok. E-mail: a.purge@mail.ru

THE LEGAL BASIS FOR THE INTERACTION OF THE PARTIES IN REMOTE LABOR RELATIONS

Subject/topic. The subject of the study is the regulatory and legal provisions of the Institute of Remote Labor Relations in the Russian Federation.

Goals/objectives. The purpose of the study is to analyze the legislative provisions governing the procedure and features of labor relations in remote mode.

Methodology. The methodological basis is represented by a set of methods of scientific cognition of objective legal reality applied during preparation and writing: comparative legal method, formal legal method, logical method, method of legal modeling.

Conclusion. An important feature of the legal regulation of remote work is the assumption by the legislator of its both permanent and periodic, sporadic implementation, which indicates the differentiation of remote labor relations into two corresponding types. The peculiarities of distance labor – as labor "free" from the control of the employer - lead to the question of its differentiation from civil law relations. The analysis allows us to conclude that for remote labor relations, their fundamental difference with civil law relations remains based on the subject of the contract, however, the manifestations of this difference in remote labor relations with civil law relations are specific and consist in the following. Firstly, it is the inclusion of the position of a remote employee in the staffing table of the employer and the nature of the latter's activities, secondly - the implementation of administrative powers by the head, thirdly - the use of communications or means of transport belonging to the employer, its software and all other "materials, tools and equipment".

Keywords: *employment contract, remote work, remote mode, labor discipline, labor protection, terms of the contract, remuneration, employee, employer, content of the contract, termination of the contract.*

Взаимодействие сторон договора о дистанционном труде – та, как представляется, ключевая особенность, которая составляет основной источник вопросов, возникающих в их взаимоотношениях. Для подавляющего большинства трудовых договоров подчинение работника трудовому распорядку и правомерным требованиям работодателя составляет один из, так сказать, краеугольных камней института трудовой дисциплины – того, без чего невозможен производственный процесс. Если экономическое существо трудового правоотношения состоит в «продаже» работником своего жизненного времени работодателю, создающего «рабочее время», то подчинение его (работодателя) правомерным требованиям в течение этого времени следует признать одним из сущностных свойств трудового правоотношения.

Однако для дистанционного труда, как показывает практика, меняется не только место работы, но и многие иные традиционные условия

трудового договора: ослабевают возможности производственного контроля над работником, «размывается» учет рабочего времени, возникают трудности установления и проверки условий охраны труда и техники безопасности, проверки этапов выполнения порученной работы и т.д. В попытках замещения традиционных форм взаимодействия и, главное, налаживания производственного контроля, работодатели пытаются выставлять работникам собственные (ими самими созданные) требования, в отношении которых в последние несколько лет возникало много вопросов на предмет их соответствия трудовому законодательству [1, с.3].

Многие из названных вопросов были сняты появлением в 2013 году в Главе 55 ТК РФ¹ статьи 312.3, однако и эта новелла подверглась в 2020 году серьезной переработке (было изменено 100% ее содержания), что указывает не только на динамический характер законодательства об этих отношениях, но и на то, что период интенсивного развития этих отношений (как и основы их развития – дистанционных интернет-технологий) еще не до конца завершен.

Согласно частям первой и второй статьи 312.3 ТК РФ, при заключении в электронном виде трудовых договоров, дополнительных соглашений к трудовым договорам, договоров о материальной ответственности, ученических договоров на получение образования без отрыва или с отрывом от работы, а также при внесении изменений в эти договоры (дополнительные соглашения к трудовым договорам) и их расторжении путем обмена электронными документами используются усиленная квалифицированная электронная подпись работодателя и усиленная квалифицированная электронная подпись или усиленная неквалифицированная электронная подпись работника в соответствии с законодательством РФ об электронной подписи. В иных случаях взаимодействие дистанционного работника и работодателя может осуществляться путем обмена электронными документами с использованием других видов электронной подписи или в иной форме, предусмотренной коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору и позволяющей обеспечить фиксацию факта получения работником и (или) работодателем документов в электронном виде.

Прежде всего, нельзя не отметить, что законодатель не исключает использование традиционного письменного (или бумажного) взаимодействия, на что в ч. 1 ст. 312.3 указывают слова «при заключении в

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (посл. ред. от 04.08.2023 № 471-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 24.12.2023).

электронном виде», подразумевающие возможность заключения договора о дистанционном труде и в ином «виде», т.е. в традиционном.

Далее, обращает на себя внимание то, как законодатель именуется дистанционное общение сторон: «электронный вид» (части 1 и 2 рассматриваемой статьи), «путь обмена электронными документами», «другие виды электронной подписи», «иная форма, предусмотренная...» (часть вторая этой статьи). Как видно, используются термины «вид» (при этом понятие «вид» относится как к электронному документу (ч.ч. 1 и 2 этой статьи), так и к электронной подписи (ч. 2 этой же статьи)), «путь», «форма», в связи с чем целесообразным представляется определение содержания каждого из этих понятий.

Думается, что в целях универсализации частноправовой терминологии [2, с.2] исходить необходимо из принятой в гражданском праве классификации формы сделок на устную (в том числе конклюдентную), письменную и письменную нотариальную. Не отрицает этой классификации и трудовое законодательство. Однако дополнительно к категории «форма» еще в 1998 году для реестровых данных М.И. Брагинским и В.В. Витрянским был выделен еще один, помимо формы, способ фиксации сделки: «государственная регистрация, которая ранее служила придатком к форме, теперь приобрела самостоятельное значение способа фиксации соответствующей сделки» [3, с. 275]. Применительно к трудовым отношениям это будет означать, что электронный способ может рассматриваться не как еще одна «форма», а как отдельный и самостоятельный способ фиксации отправления и получения юридически-значимых сообщений.

С этой точки зрения, указанное в ч.ч. 1 и 2 ст. 312.3 ТК РФ взаимодействие сторон следует рассматривать как совокупность юридически-значимых действий, подлежащих фиксации в письменной форме или в электронном виде.

К электронным относятся документы «в электронном виде», однако эта группа документов имеет две разновидности, вторая из которых также имеет два подвида:

1) документы, подписанные электронной подписью (видимо, речь идет о простой электронной подписи, обладающей в силу части 2 статьи 5 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ¹ наименьшей степенью защиты);

2) документы, подписанные усиленной:

2.1) неквалифицированной электронной подписью (допускается для подписания документов работником);

¹ Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (посл. ред. от 04.08.2023 № 471-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 22.12.2023).

2.2) квалифицированной электронной подписью (предписывается для подписания документов работодателями).

Квалифицированная электронная подпись, как третий и наиболее высокий уровень защиты переписки сторон дистанционного трудового договора, определяется следующими признаками (части 3 и 4 статьи 5 ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ): 1) получена в результате криптографического преобразования информации посредством ключа ЭЦП (электронной подписи); 2) позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ; 3) позволяет обнаружить факт внесения изменений в него после его подписания; 4) создается средствами ЭЦП; 5) ключ ее проверки указан в квалифицированном сертификате; 6) для ее создания и проверки используются средства ЭЦП, имеющие подтверждение соответствия всем иным установленным ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ требованиям.

Из сопоставления ч.ч. 1 и 2 ст. 312.3 ТК РФ можно сделать вывод, что речь идет о двух правовых режимах электронного взаимодействия работодателя и работника – в зависимости от объекта взаимодействия, первый из которых установлен частью 1 ст. 312.3, а второй – частью 2 этой статьи.

Как видно из ч. 1 ст. 312.3 ТК РФ, для документов, отражающих факт возникновения, изменения или прекращения трудового отношения, т.е. для документов, отражающих факты его наиболее значимой динамики, используется усиленная электронная подпись. Однако для работника законодателем делается «послабление», позволяющее ему подписывать документы не усиленной квалифицированной (с тремя уровнями защиты), а лишь усиленной неквалифицированной (с двумя уровнями защиты) подписью.

Второй правовой режим, распространяющийся на все иные (помимо актов волеизъявления, влекущих заключение, изменение и прекращение трудового договора) факты трудового правоотношения, позволяет сторонам трудового договора взаимодействовать и посредством простой электронной подписи. В свете сказанного трудно понять, что имеет в виду законодатель в словах «другие виды электронной подписи» (ч. 2 ст. 312.3 ТК РФ), поскольку, помимо названного (простая электронная подпись), других видов электронной подписи не существует.

При этом диспозитивный характер части второй статьи 312.3 ТК РФ предполагает, что взаимодействие может осуществляться не только посредством электронной подписи, но и «в иной форме», которая предусмотрена на уровне локального правового регулирования – с тем условием, что эта «форма» позволяет сохранить доказательства взаимного отправления и получения сторонами их сообщений.

В литературе приводятся следующие варианты общения, имевшие место на практике в период CoViD-19:

- обмен сканированными бумажными документами (электронными

«сканами»);

- удаленный доступ работника к аппаратуре, находящейся по месту работы;

- использование внутриорганизационных (внутриофисных) программ взаимодействия, позволяющих сотрудникам организации общаться внутри корпоративной сети (хотя бы и посредством сети Интернет) [4, с. 35].

Аналогичные способы взаимодействия отмечаются в судебной практике. Так, по одному из дел было установлено, что между сторонами был заключен договор о дистанционном труде, согласно одному из пунктов которого общение сторон признавалось возможным «путем аудио-видео связи, обмена электронными письмами, сканами документов с предоставлением в последующем подлинников данных документов либо иными способами, не запрещенными законодательством»¹. В данном случае обращает на себя внимание такой новый способ обмена информацией, как «аудио-видео связь», в том числе – аудиосообщения, видеосообщения, которые отправитель записывает и направляет адресату. Очевидно, что данный способ уже полностью отходит от традиционной «письменной формы», под которую законодатель все еще старается подстроить электронные сообщения между сторонами: речь идет о: 1) цифровом способе фиксации информации; 2) электронном (беспроводном электрическом) способе их передачи адресату.

В процедуре взаимодействия сторон дистанционных трудовых отношений существует одна значимая обязанность, направленная на устранение всех возможных недоразумений, связанных с запоздалым получением или, по каким-либо причинам, неполучением информации (в том числе – юридически-значимой информации) одной стороны от другой. Согласно части третьей статьи 312.3 ТК РФ, при осуществлении взаимодействия дистанционного работника и работодателя путем обмена электронными документами каждая из осуществляющих взаимодействие сторон обязана направлять в форме электронного документа подтверждение получения электронного документа от другой стороны в срок, определенный коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору.

Таким образом, если в обычных отношениях действует правило о презумпции получения лицом документов, если эти документы отправлены ему средствами почты (заказные письма, письма с уведомлением о вручении), хотя бы это лицо данные документы и не получало, то в

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2023 № 88-12898/2023 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=107739#Xd5tgxTS41wLtSC1> (дата обращения: 22.12.2023).

дистанционных трудовых отношениях данная презумпция действует с более высокой степенью вероятности (надежности): для доказывания факта получения адресатом электронного сообщения - адресант должен не только представить доказательства отправления ему сведений или документов на его электронный адрес (адрес электронной почты), или в его электронный «кабинет» в рамках системы электронного взаимодействия (как отмечалось выше, к ним относятся электронная платформа «Работа в России» и собственные платформы работодателя), но и доказательства подтверждения получения электронного документа от другой стороны. Дополнительно можно отметить, что функция подтверждения сообщения существует практически во всех почтовых сервисах (службах), в частности в почтовых службах «Mail.ru» и Яндекс [5, с.9]. Включение этой функции отправителем электронного сообщения приводит к появлению у получателя этого сообщения заставок типа «Отправитель письма запросил подтверждение о прочтении» и «Подтвердить, что прочитано».

Согласно ч. 4 ст. 312.3 ТК РФ, при осуществлении взаимодействия дистанционного работника и работодателя в иной форме подтверждение действий дистанционного работника и работодателя, связанных с предоставлением друг другу информации, осуществляется в порядке, определенном коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору.

Однако и в этом случае возникает вопрос: что в частях второй и четвертой ст. 312.3 ТК РФ законодатель подразумевал под «иной формой» (а не иными видами и иными путями)? Ведь если рассматривать под «формой» взаимодействия (в том числе «подтверждения») письменную форму юридически-значимых сообщений, то ни о какой другой «форме» этого взаимодействия говорить нет и смысла. Думается, что речь идет, скорее, о различных «способах» взаимодействия (в рамках одной письменной формы), или о способах фиксации фактов передачи сообщений и их получения, и именно понятия «иными способами» (вместо понятий «в иной форме») должны были использоваться законодателем в ч. 2 ст. 312.3 и в ч. 4 ст. 312.3 ТК РФ.

В противном случае происходит смешение письменной формы (и ее разновидностей) с электронной (посредством набора электрических сигналов) фиксацией передаваемых (получаемых) сообщений.

Согласно ч. 5 ст. 312.3 ТК РФ, с непосредственно связанными с трудовой деятельностью дистанционного работника локальными нормативными актами, приказами (распоряжениями) работодателя, уведомлениями, требованиями и иными документами, в отношении которых трудовым законодательством РФ предусмотрено их оформление на бумажном носителе и (или) ознакомление с ними работника в

письменной форме, в том числе под роспись, дистанционный работник должен быть ознакомлен в письменной форме, в том числе под роспись, либо путем обмена электронными документами между работодателем и дистанционным работником, либо в иной форме, предусмотренной коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору. Как видно, в отношении всех локальных актов работодателя – как нормативных правовых и индивидуальных, так и технических – предусматривается как письменная форма, так и электронный способ фиксации факта ознакомления с ними работника.

Другое правило касается организационных документов, исходящих от работника: согласно ч. 6 рассматриваемой статьи, если согласно ТК РФ работник вправе или обязан обратиться к работодателю с заявлением, предоставить работодателю объяснения либо другую информацию, дистанционный работник делает это в форме электронного документа или в иной форме, предусмотренной коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору.

Как видно, во всех названных случаях применяется централизованное правовое регулирование (бумажная форма или способ электронной фиксации), но в качестве диспозитивного правила отмечается возможность иного – локального правового регулирования (внутренние правовые акты работодателя, индивидуальные договоры), что говорит о предельной гибкости используемых законодателем методов, что, в свою очередь, позволяет дистанционным трудовым отношениям развиваться наиболее свободно.

Еще один правовой режим предусмотрен для группы «документов, связанных с работой». Перечень этих документов установлен в ст. 62 ТК РФ (при этом он не является исчерпывающим):

- трудовая книжка;
- копии приказа о приеме, о переводах на другую работу, об увольнении;
- выписки из трудовой книжки;
- справки о заработной плате, страховых взносах и трудовом периоде.

Сам режим взаимодействия по поводу этих документов установлен в части седьмой статьи 312.3 ТК РФ: подача дистанционным работником заявления о выдаче заверенных надлежащим образом копий этих документов влечет обязанность работодателя не позднее 3 рабочих дней направить работнику эти копии на бумажном носителе (по почте заказным письмом с уведомлением) или в форме электронного документа, если это указано в заявлении работника (по процедуре порядка взаимодействия,

установленного ч. 9 этой же статьи).

Особый правовой режим установлен также для взаимодействия в отношении обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (т.е. только с двумя целями). В этом специальном случае должны быть представлены только оригиналы документов, дающих право на это обеспечение. Взаимодействие по этому поводу возможно двумя способами (ч. восьмая ст. 312.3 ТК РФ):

- по почте заказным письмом с уведомлением;

- сообщением серии и номера листка нетрудоспособности (п. 67 Условий и порядка формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации¹), сформированного медицинской организацией в форме электронного документа (если эта организация и работодатель участвуют в системе информационного взаимодействия по обмену данными сведениями).

Согласно ч. 9 ст. 312.3 ТК РФ, порядок взаимодействия сторон дистанционного трудового договора, передачей результатов и отчетов по запросам работодателя, также устанавливается либо локальными актами работодателя, либо на уровне индивидуального трудо-правового регулирования [6, с.30]. Поэтому суды при оценке правомерности действий каждой из сторон, связанных с передачей результатов труда и отчетов об этих результатах, обращаются прежде всего к локальным актам работодателя, точнее, к вопросу о том, принимались ли такие акты. Данное обстоятельство признается судами «имеющим существенное значение» для правильного разрешения споров. Более того, кассационная практика требует, чтобы данный порядок был предельно конкретен. Так, в одном из индивидуальных договоров (локальный акт отсутствовал) было установлено, что взаимодействие сторон осуществляется по сети Интернет, однако кассационная инстанция обратила внимание, что в нем были «приведены лишь общие фразы, без указания адресов электронной почты сторон, номеров телефонов мобильной или стационарной телефонной

¹ Об утверждении Условий и порядка формирования листков нетрудоспособности в форме электронного документа и выдачи листков нетрудоспособности в форме документа на бумажном носителе в случаях, установленных законодательством Российской Федерации: Приказ Минздрава России от 23.11.2021 N 1089н (посл. ред. от 13.12.2022) (Зарегистрировано в Минюсте России 29.11.2021 N 66067) // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=435118&cacheid=91840B2D21787645A74C0E228D61CC92&mode=splus&rnd=dB5tgxT6bDRbr9os#nTQtgxTWBOOw8261> (дата обращения: 22.12.2023).

связи»¹. Как следствие, по делу возник вопрос о том, являются ли надлежащими доказательствами сведения дистанционного работника о том, что он отправил на электронный адрес работодателя результаты своей деятельности и отчеты по ней: суд, «принимая их в качестве доказательства фактического исполнения истцом своих трудовых обязанностей, не проверил, кем и когда именно зарегистрирован данный адрес электронной почты, какие лица и на протяжении какого периода времени имели к нему доступ». Иначе говоря, отсутствие в локальном акте и в трудовом договоре с работником данных о том, с каких электронных почтовых адресов и на какие электронные адреса должны отправляться результаты выполненной работы и отчеты по ней – привели к отмене состоявшихся в первой и апелляционной инстанциях судебных актов. В этой связи в качестве рекомендации, исключающей подобные затруднения, можно предложить следующее: в локальном акте - указывать официальный общий электронный адрес (сайт) работодателя и порядок взаимодействия с ним, а в индивидуальном договоре о дистанционном труде – дополнительный (резервный) электронный адрес работодателя и, разумеется, основной и резервный электронные адреса дистанционного работника. В случаях, когда взаимодействие осуществляется в рамках одной созданной работодателем («внутрифирменной») системы, в локальном акте указывается электронный адрес этой системы, а в индивидуальном трудовом договоре – адрес внутрикорпоративной почты (интранет: разного рода CRM-системы, Business to Employee (B2E) и т.д.).

Время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время (ч. 6 ст. 312.4 ТК РФ), что стимулирует работодателя к сокращению трудовых и временных затрат при реализации этой части трудовых отношений. Особенности оплаты дистанционного труда (ст. 312.5 ТК РФ) сводятся лишь к одной – дополнительной гарантии, состоящей в том, что выполнение дистанционной работы не является основанием для снижения работнику заработной платы сравнительно с иными работниками, выполняющими те же трудовые функции в пределах места нахождения работодателя. Чаще всего в судах требования дистанционных работников об установлении им заработной платы, равной с иными работниками, выполняющими аналогичные трудовые функции с аналогичным уровнем квалификации, предваряются требованиями о переквалификации гражданско-правового договора – трудовым. В частности, обращает на себя внимание одно из дел, неоднократно пересмотренных как в апелляционной, так и в кассационной инстанциях и, в конечном счете рассмотренных Верховным Судом РФ. Будучи в отпуске

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 по делу № 88-5182/2022 // СПС КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=67683#nqmt_gxT57XVimuFD (дата обращения: 22.12.2023).

по уходу за ребенком, работник заключил договор о программном сопровождении (неполное рабочее время) офисной электронной системы 1С. При этом фактически, по ее мнению, она выполняла обязанности в режиме не неполной, а сокращенной продолжительности рабочего времени. Кроме того, на трудовые отношения указывало использование ей «средств и сервисов» работодателя для доступа к сообщениям о неполадках системы, сим-карта работодателя, подчинение правилам трудового распорядка и в течение первых трех месяцев – установление ей испытательного срока. Однако формально договор, который заключили стороны, был гражданско-правовым (как было указано в его пункте первом, «конкретный перечень работ определяется в техническом задании, которое составляется ежемесячно»¹), хотя оплата труда производилась не за конкретную выполненную заявку, а по часам. Однако апелляция указала, что назначение платежей, которые ответчик отправлял истцу, не указывалось, а даты этих платежей не соответствуют срокам, в которые работники ответчика получают оплату своего труда, в связи с чем нет оснований рассматривать платежи истцу в качестве оплаты труда. Таким образом, возник вопрос: являются ли сроки выплат ответчиком истцу – типичными выплатами гражданско-правового характера, производимыми в срок по соглашению сторон, или речь идет о нарушении трудовых прав – дискриминации последнего в связи с несоблюдением сроков выплат ему сравнительно с остальными работниками. Верховный Суд РФ не смог ответить на этот вопрос, в третий раз направив дело в суд первой инстанции.

Одно из базовых политэкономических положений о взаимоотношениях работодателя и работника состоит в том, что работодатель – это, как правило, собственник средств производства, тогда как работнику принадлежат лишь его рабочие руки. Соответственно, процесс производства в период капиталистической формации состоит в соединении средств производства и рабочих рук. Однако это положение в полной мере действующим в отношении дистанционного работника и работодателя признать нельзя. Часть первая ст. 312.6 ТК РФ действительно требует от работодателя обеспечить дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами [7, с.47]. Однако часть вторая этой же статьи допускает отступление от этого правила, закрепляя право сторон договориться об использовании в интересах работодателя оборудование и программы,

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2023 № 2-КГ22-10-К3 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=749794#cjN5hxTОсо3РkUPx> (дата обращения: 22.01.2024).

принадлежащие (арендованные, приобретенные или созданные) самому работнику. В этом случае дистанционный работник получает компенсацию за использование его оборудования и программ, а также за расходы по их использованию. Порядок возмещения, его сроки и размеры определяются как на локальном, так и на индивидуальном уровнях. Как видно, данное положение не устанавливает каких-либо особенностей дистанционного труда, а лишь конкретизирует, применительно к нему, общие положения об использовании на производстве работодателем материалов и орудий труда работника.

Однако нельзя не отметить, что по смыслу ч. 2 ст. 312.6 ТК РФ договором могут быть определены лишь порядок, сроки и размеры возмещения, а не сама обязанность возмещения работодателем расходов, понесенных работником. Между тем судебная практика идет по иному и вряд ли верному пути. Так, по одному из дел было установлено, что преподаватель обратилась в суд с иском к образовательной организации о взыскании доплат за проверку тетрадей и компенсаций, вызванных переходом на дистанционную работу, а именно: компенсации за затраты времени на переобучение новым Интернет-технологиям, компенсации за пользование Интернет-сетями, компенсации за работу в ночное время (в том числе за электроэнергию по ночному тарифу), а также за амортизацию ее оборудования. Отказывая истце в ее требованиях по возмещению амортизации используемого ей оборудования, суд, в частности, указал, что по договору о дистанционном труде истица «работодателя в известность о возмездном характере использования конкретного оборудования... не ставила»¹. Трудно понять, почему работник должен «ставить в известность» работодателя о возмездности использования работником его оборудования, если существует императивное правило об обязательности возмещения амортизации от такого использования. По этим же причинам суд отказал преподавателю в компенсации за электроэнергию, потраченную в период выполнения работником трудовых обязанностей дистанционно. Дополнительной мотивацией суда стал тот факт, что работник заключил договор о дистанционном труде, то есть заранее знал о необходимости использования сети Интернет и, следовательно, своего оборудования, электроэнергии и оплаты пользования Интернет-сетями. Тем самым суд фактически возложил на работника бремя расходов, связанных с производственной деятельностью работодателя, что не представляется однозначно справедливым.

Напротив, по аналогичному делу Восьмой кассационный суд принял противоположное решение, признав на основании части второй статьи

¹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 по делу № 88-17815/2022 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=74473#LMZ5hxTopouraDmQ> (дата обращения: 22.01.2024)

312.6 ТК РФ за работником право на компенсацию за использование принадлежащего ему оборудования. В частности, работник в исковом заявлении отмечал, что ему в связи с переходом на удаленный режим работы пришлось купить компьютерный стол, использовать личный ноутбук и оплачивать трафик по сетям Интернет, а работодатель эти траты не компенсировал. Суд первой инстанции первоначально отказал во взыскании с работодателя компенсации за использование имущества, однако после пересмотра в апелляционной инстанции (и последующих неоднократных пересмотров) пришел к выводу о необходимости компенсации данных затрат. В частности, суд с учетом ст. 188 и ч. 2 ст. 312.6 ТК РФ указал, что работодатель не доказал следующих фактов:

- того, что он информировал работника о возможности организации рабочего места самим работодателем;
- что дистанционное рабочее место было оборудовано ответчиком;
- что сумма компенсации за использование имущества работника была согласована;
- что затребованный размер компенсации не был оспорен работодателем.

В итоге суд взыскал за использование работником (включая приобретенный им компьютерный стол) сумму порядка 82 тысяч рублей. Восьмой кассационный суд согласился с данными доводами¹.

Как видно, если в первом случае суд, отказывая в иске, сослался на то, что договором о дистанционном труде компенсация за использование работником своего оборудования не была предусмотрена, то во втором случае суд, удовлетворяя иск, сослался на те же обстоятельства (и в первую очередь – на недоказанность согласованной суммы компенсации), которые были приведены в первом случае. Очевидно, второе из решений выглядит более правомерно.

Согласно ч. 3 ст. 312.6 ТК РФ при переводе дистанционного работника в другую местность (на другую территорию), отличную от местности (территории) выполнения трудовой функции, на него распространяются гарантии, предусмотренные ст.ст. 166-168 ТК РФ (о служебной командировке и возмещении связанных с нею расходов).

«Длительное пребывание у монитора, отсутствие оборудованного для работы места и недостаток свежего воздуха сильно влияют на здоровье сотрудников, которые работают из дома»². Однако специфика охраны

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.06.2022 № 88-11603/2022 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=75266#Kuf5hxTFoK4stMX> (дата обращения: 22.01.2024)

² Shivali Best. Swollen eyes, a hunchback and claw-like hands: Grotesque model reveals what remote-workers will look like in 70 years // [dailymail.co.uk](https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12202209/Swollen-eyes-hunchback-claw-like-hands-remote-workers-look-like-2100.html): [сайт]. - URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12202209/Swollen-eyes-hunchback-claw-like-hands-remote-workers-look-like-2100.html> (дата обращения: 16.01.2024)

труда дистанционного работника состоит не столько в его качественных или количественных характеристиках, сколько в распределении рисков ухудшения здоровья работника между ним и работодателем. В статье 312.7 ТК РФ — это распределение было осуществлено законодателем путем сохранения за работодателем следующих обязанностей:

- ознакомление сотрудника с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работнику;

- расследование и учет несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, учет и рассмотрение причин и обстоятельств событий, приведших к возникновению микроповреждений (микротравм);

- выполнение предписаний Рострудинспекции, других федеральных контрольных органов и рассмотрение представлений органов профсоюзного контроля, принятие мер по результатам их рассмотрения;

- обязательное социальное страхование работников от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Все иные обязанности по охране труда распространяются на работодателя лишь в случае, если это специально установлено на децентрализованном (локальном или индивидуальном) уровне правового регулирования.

Как видно, все эти обязанности являются дополнительными, сопутствующими и не относящимися прямо к обязанностям работодателя обеспечить работнику здоровые и безопасные условия труда. Следовательно, правильное оборудование рабочего места, равно как и создание иных безопасных и безвредных для здоровья работника условий труда становится бременем (рисками) самого дистанционного работника, что не представляется в полной мере правомерным, поскольку предполагают его изначальную полную информированность об особенностях вредного воздействия трудовой деятельности на его здоровье и знание им всех мер противодействия этим вредным воздействиям. Конкретно, коль скоро речь идет о работе в Интернет-сетях, и, если работник сталкивается с необходимостью обслуживания компьютера и периферийного оборудования, такой подход предполагает знание работником особенностей вредного воздействия этого оборудования на человека, а также знание им всех мер профилактики этого воздействия (в частности, профилактики гиподинамии и близорукости), что на самом деле не так. Все сказанное приводит к выводу о необходимости внести в число обязанностей работодателя по охране труда дистанционного работника еще одну: надлежащее и своевременное информирование о вредном воздействии используемого оборудования и о мерах профилактики этого воздействия.

Нельзя не отметить, что данная обязанность уже существует в числе общих обязанностей работодателя, связанных с охраной труда: абзац

двадцать третий части третьей статьи 214 ТК РФ закрепляет ее в следующей формулировке: «информирование работников об условиях и охране труда на их рабочих местах, о существующих профессиональных рисках и их уровнях, а также о мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов, имеющихся на рабочих местах...». Эта мысль прослеживается и в содержании ст. 312.7 ТК РФ – в положении об обязанности работодателя ознакомить работника «с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем», однако видно, что речь идет лишь о технических нормах охраны труда, которые рекомендуется выполнять работникам при работе с определенным оборудованием (техникой), а не об охране труда как комплексной деятельности, охватывающей охрану человека от всех негативных производственных факторов (очевидно не сводящихся к оборудованию). Поэтому данное положение нуждается в более широком нормативном закреплении.

Представляется, что эту формулировку целесообразно распространить на обязанности работодателей в отношении работников дистанционного труда. В этой связи целесообразным представляется изложить статью 312.7 ТК РФ в следующей редакции: «в целях обеспечения безопасных условий труда и охраны труда дистанционных работников в период выполнения ими трудовой функции дистанционно работодатель исполняет обязанности, предусмотренные абзацами восемнадцатым, двадцать первым, двадцать вторым и двадцать третьим части третьей статьи 214 настоящего Кодекса. Другие обязанности работодателя...» (далее – по тексту).

Примечательно, что необходимость ознакомления дистанционного работника ощущается и органами государственного контроля, т.е. на правоприменительном уровне, однако суды отказывают в удовлетворении соответствующих требований. Так, по одному из дел ООО было привлечено Рострудинспекцией к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.27.1 КоАП РФ, в частности за то, что при заключении трудового договора с дистанционными работниками (юристом и бухгалтером) не провело обучение и проверку его знаний по технике безопасности и охране труда. Однако, перечислив обязанности работодателя по охране труда в отношении дистанционного работника, суд указал, что «на работодателя не возложена обязанность обучения безопасным условиям и охране труда дистанционных работников, вмененная юридическому лицу органом надзора и установленная судьей районного суда»¹. С одной стороны, суд был безусловно прав: эта обязанность не установлена законодателем для

¹ Постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 23.05.2016 № 4А-565/2016 // СПС КонсультантПлюс. - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=250901#hRr5hxTmyFKtStbJ> (дата обращения: 22.01.2024).

работодателя в отношении дистанционных работников. Однако, с другой стороны, по природе возникающих правоотношений нельзя не согласиться с органами Рострудинспекции, которые, хотя и незаконно, но с полным фактическим обоснованием привлекли работодателя к административной ответственности: очевидно, что требования по охране труда должны быть разъяснены даже дистанционному работнику, вопрос заключается лишь в объемах обучения и, возможно, в ограничении обучения предметно, но полное отсутствие обучения нельзя признать соответствующим даже дистанционному трудовому отношению.

Итак, анализ правил о взаимодействии работника и работодателя приводит к выводу о смешении законодателем в ст. 312.3 ТК РФ понятий формы и вида электронного документа. Для их правильного разграничения целесообразным представляется разделить цифровой способ закрепления информации, которая может быть преобразована и в письменный вид, и в аудио-, и в видеоряд, и электронный (посредством проводных и беспроводных электросетей) способ ее передачи. В свою очередь, разделение способа закрепления информации и способа ее передачи позволяет подойти к понятию формы представления цифровой информации пользователю в качестве письменных (буквенных, или текстовых) документов, аудио-документов и видео-документов.

Список источников:

1 Фролова (2022) – Фролова Е.А. Сравнительный анализ правового регулирования трудовых отношений. // Современный юрист. 2022. № 1 (38). С. 67-83.

2 Кулаков (2020) – Кулаков В.В. Межотраслевые связи трудового права. // Современный юрист. 2020. № 4 (33). С. 105-113.

3 Брагинский, Витрянский (2011) - Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Изд. 3-е. Москва: Статут, 2011. 848 с.

4 Черных (2021) – Черных Н.В. Достоинства и недостатки новой редакции главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации. // Lex Russica. 2021. № 12. С. 32-40.

5 Левушкин, Измайлов (2021) – Левушкин А.Н., Измайлов В.В. Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка. // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 68-80.

6 Белицкая (2021) – Белицкая И.Я. Хотели, как лучше, а получились новые правила дистанционной работы. // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 28-30.

7 Воробьева (2022) – Воробьева Р.А. Баланс права работодателя осуществлять контроль рабочего времени дистанционного работника и права дистанционного работника на неприкосновенность частной жизни. // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 4. С. 46-48.

References:

Frolova (2022) – Frolova E.A. Comparative analysis of the legal regulation of labor relations [Srvnitel'nyj analiz pravovogo regulirovaniya trudovyh otnoshenij]. Modern lawyer [Sovremennyj yurist]. 2022. No. 1 (38). pp. 67-83.

Kulakov (2020) – Kulakov V.V. Intersectoral relations of labor law [Mezhotraslevye svyazi trudovogo prava]. Modern lawyer [Sovremennyy jurist]. 2020. No. 4 (33). pp. 105-113.

Braginsky, Vitryansky (2011) – Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual law. The first book. General provisions. Ed. 3rd. [Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya. Izd. 3-e.]. Moscow: Statute [Statut], 2011. 848 p.

Chernykh (2021) – Chernykh N.V. Advantages and disadvantages of the new version of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation [Dostoinstva i nedostatki novej redakcii glavy 49.1 Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii]. Lex Russica [Lex Russica]. 2021. No. 12. pp. 32-40.

Levushkin, Izmailov (2021) – Levushkin A.N., Izmailov V.V. State policy in the field of family entrepreneurship and its support [Gosudarstvennaya politika v sfere semejnogo predprinimatel'stva i ego podderzhka]. Modern lawyer [Sovremennyy jurist]. 2021. No. 1 (34). pp. 68-80.

Belitskaya (2021) – Belitskaya I.Ya. They wanted the best, but they got new rules for remote work [Hoteli kak luchshe, a poluchilis' novye pravila distancionnoj raboty]. Labor law in Russia and abroad [Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom]. 2021. No. 3. pp. 28-30.

Vorobyova (2022) – Vorobyova R.A. The balance of the employer's right to control the working hours of a remote employee and the right of a remote employee to privacy [Balans prava rabotodatelya osushchestvlyat' kontrol' rabochego vremeni distancionnogo rabotnika i prava distancionnogo rabotnika na neprikosnovennost' chastnoj zhizni]. // Labor law in Russia and abroad [Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom]. 2022. No. 4. pp. 46-48.

Трибуна молодого ученого / Предпринимательское право

УДК 346.21

ББК 67.404.91

JEL: K20

*МУТАФЯН Георгий Алексеевич*¹

¹ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», улица Новочеремушкинская, дом 69, Москва, 117418, Россия.

¹ АО «Акрихин», ул. Кирова, д. 29, г. Старая Купавна, Московская обл., Богородский г.о., 142450, Россия
<https://orcid.org/0009-0005-9897-7841>.

¹ Мутафян Георгий Алексеевич, юрисконсульт АО «Акрихин», аспирант Российского государственного университета правосудия.
E-mail: georgii9@bk.ru

ГАРАНТИЙНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ГРУППАХ КОМПАНИЙ

Аннотация

Предмет/тема. В статье анализируется правовая природа гарантийных обязательств с точки зрения соотношения действия их обеспечительной функции в рамках группы компаний и при участии независимых кредиторов.

Цели/задачи. Выявление причин возникновения гарантийных обязательств и их правовой природы с учетом внутригруппового характера рассматриваемых правоотношений.

Методология. Основу методологии исследования составили общенаучный (диалектический) метод; специально-юридический, сравнительно-правовой метод сопоставления исследуемых отечественных и зарубежных правовых норм, институтов, отраслей права с целью выявления в них общего и различного.

Выводы. Обоснованы причины возникновения гарантийных обязательств в группах компаний. Устанавливается, что цель гарантийных обязательств связана с процессом дробления и последующего укрупнения бизнеса для уменьшения ответственности, и упрощения способов сохранения имущества. Сам внутригрупповой характер снижает цену этой гарантии, не возлагая на дочернее общество соразмерного имущественного и рискованного бремени, которое ложится на других участников группы компаний. При этом выдача независимой гарантии может являться одним из оснований признания юридического лица дочерним.

Ключевые слова: *корпоративная группа, материнская компания, коммерческая организация, холдинг, дочернее общество, независимая гарантия.*

Young scientist's tribune / Business Law

¹ **Georgy A. Mutafyan**, Legal Adviser at Akrikhin JSC, Post Gratitude student of The Russian State University of Justice. E-mail: georgii9@bk.ru

GUARANTEE OBLIGATIONS IN COMPANY GROUPS

Abstract

Subject/topic The article analyzes the legal nature of guarantee obligations from the point of view of the correlation of their security functions within the group of companies and with the participation of independent creditors.

Goals/objectives Identification of the causes of guarantee obligations and their legal nature, taking into account the intra-group nature of the legal relations under consideration.

Methodology The basis of the research methodology was the general scientific (dialectical) method; a special legal, comparative legal method for comparing the studied domestic and foreign legal norms, institutions, branches of law in order to identify common and different in them.

Conclusions The reasons for the occurrence of guarantee obligations in groups of companies are substantiated. It is established that the purpose of the guarantee obligations is related to the process of fragmentation and subsequent consolidation of the business to reduce liability and simplify ways to preserve property. The very intra-group nature reduces the price of this guarantee, without imposing on the subsidiary a commensurate property and risk burden that falls on other members of the group of companies. At the same time, the issuance of independent guarantees may be one of the grounds for recognizing a legal entity as a subsidiary.

Keywords: *corporate group, parent company, commercial organization, holding, subsidiary, demand guarantee.*

Независимая гарантия является одним из известных российскому законодательству способов обеспечения исполнения обязательств. При этом в гражданском обороте достаточно распространены такие гарантии, выдаваемые юридическими лицами в рамках группы компаний в отношении своих дочерних обществ [1, с.173]¹. Так, актуальная редакция Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) допускает такие ситуации, когда принципал и должник по основному обязательству различаются. В таком случае о выдаче независимой гарантии может просить материнская компания в интересах своего дочернего общества [2, с.140]. Кроме того, зачастую именно контролирующие или иные аффилированные лица выдают независимую гарантию для целей обеспечения надлежащего исполнения обязательств сторон корпоративного договора [3, с. 580-592]. В целом материнская компания, как правило, не рискует своими активами при неисполнении обязательств своими дочерними компаниями (ст. 310 ГК РФ), за исключением деликтной ответственности в порядке ст. 67.3. ГК РФ² и отдельных случаев, в том числе путем выдачи гарантии. При этом все

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2022 по делу № А40-34721/2021. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2021 по делу № А71-8/2019. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.11.2023 по делу № А42-6893/2022 // СПС КонсультантПлюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. ст. 3301.

внеделиктные правоотношения в группе построены на гарантийных соглашениях и гарантийных обязательствах, о чем будет сказано далее.

Гарантии используются с целью подтверждения возможности исполнения обязательств дочерней организации со стороны группы компаний или материнской компании. Другой целью является подтверждение бенефициару по гарантии, что материнская компания знает о действиях дочернего общества и одобряет их (в частности, это необходимо в ситуациях, когда контроль материнской компании или не полон, или дочернее общество действует не в рамках общей политики группы компаний). Такие ситуации могут возникнуть и в случае, если в рамках корпоративной группы дочерние общества подвергаются локально-нормативным или договорным ограничениям на приобретение займов, которые устанавливают, что подобные решения возможны только при наличии гарантии материнской компании. Ситуация, когда гарантия выдается дочерним обществом также логична, поскольку материнская компания и дочернее общество являются частью единой экономической единицы, логично и желательно, чтобы материнская компания могла брать займы исходя из стоимости имущества и активов своих дочерних компаний, а кредиторы могли пользоваться полным объемом защиты, который может предоставить заемщик.

Однако гарантия материнской компании может не обеспечивать надлежащей защиты для бенефициара, как это может показаться на первый взгляд, например если гарант является субхолдинговой компанией и прямо не связан с конечным бенефициаром группы компаний (холдинга), а активы субхолдинга могут иметь незначительный размер. Риск особенно проявляется в случае использования нетрадиционных методов распределения прибыли, например бизнес-модели «центр прибыли» - «центр убытков». Так, в рамках дела № А14-7544/2014 ЗАО «УГМК-Рудгормаш», Верховный Суд РФ вынес определение от 26.02.2021г., согласно которому опроверг доводы трех инстанций о невозможности привлечь к ответственности контролирующее лицо при использовании данной модели¹. В постановлении ФАС ЗСО от 17.12.2020 г. суд также обратил внимание на то, что при создании группы компаний возрастают риски экономического дефолта. Но если гарантию выдала материнская компания, в условиях, что по общему правилу она не несет ответственности перед кредиторами этого общества, гарантия являлась бы эффективным договорным методом для преодоления подобных ограничений.

В этой связи конечные бенефициары стремятся пропорционально распределить риски дефолта одного юридического лица между всеми

¹ Определение Верховного суда РФ № 479-ПАК20 от 26.02.2021 г. по делу № А14-7544/2014 // СПС КонсультантПлюс.

членами такой группы компаний вне зависимости от того, как именно построена структура деятельности холдинга. Для чего могут быть использованы механизмы ранжирования ответственности предприятий между собой, формального придания каждой из организаций, входящих в одну группу аффилированных лиц, статуса независимого, при сохранении возможности скрытого (непубличного), но непосредственного влияния на деятельность всего холдинга действительным собственником бизнеса (конечным бенефициаром)¹.

Зарубежному законодательству известны различные гарантийные способы обеспечения исполнения обязательств, которые применяются в правоотношениях внутри группы компаний. Независимая гарантия (*demand guarantee* (гарантия до востребования), гарантия исполнения, поручительство (*surety*) и аккредитив, который делится на резервный аккредитив (*standby letters of credit (SBLC)*) и коммерческий аккредитив (*commercial letters of credit*) [4, с. 37-58]. По независимой гарантии (гарантии до востребования) гарант в случае, если принципал не выполняет обязательств по конкретной сделке, осуществляет выплату заранее определенной суммы в пользу бенефициара. Материнская компания может также выдать гарантию исполнения обязательств по договору, в соответствии с которой если дочернее общество-подрядчик не выполнит свои обязательства, материнская компания сама завершит или оплатит дополнительные расходы по завершению работ другим подрядчиком [5, с. 120]. Резервный и коммерческий аккредитивы — это, по сути, та же независимая гарантия, которая выдается исключительно банком, используется во внешнеэкономической деятельности и подчиняется Унифицированным правилам и обычаям для документарных аккредитивов (UCP 600) [6, с.181-186]. Банком импортера осуществляется перевод в пользу экспортера на сумму, согласованную при подписании конкретного коммерческого договора в случае, если в силу каких-либо обстоятельств импортер не сможет произвести платеж. В целом условия по независимой гарантии в российском праве и в зарубежных правовых системах достаточно похожи. Так, в силу пункта 1 статьи 368 ГК РФ по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства. Но необязательно указывать конкретную денежную сумму в самой независимой гарантии. Для действительности гарантии достаточно возможности установить подлежащую выплате сумму на момент исполнения обязательства гарантом (например, путем ссылки на

¹ Постановление ФАС ЗСО от 17.12.2020 г. по делу № А46-10789/2016 // СПС КонсультантПлюс.

договор, где установлена конкретная цена контракта)¹.

На практике не всегда можно установить действительное содержание представленного документа и наличия в нем гарантийных обязательств. В англо-американской правовой семье, например, такие ситуации возникают ввиду большого количества видов гарантий. Так, подобный спор в английском праве решается активным использованием судами юридического теста, опубликованного ещё с 1848 года в труде «Банковское право Пэджета» [7, с. 395], где указывалось, что независимая гарантия (гарантия до востребования) является таковой, если а) Гарант является финансовой организацией, осуществляет инвестиционную или схожую финансовую деятельность; б) в тексте недвусмысленно содержится обязательство произвести платеж по требованию (со словами "сначала" и/или "письменно" или без них) и не содержится положений, исключающих или ограничивающих средства защиты, доступные гаранту в соответствии с законодательством²³.

Периодически суды отходят от этого подхода (что было продемонстрировано в деле *Shanghai Shipyard Co Ltd*) по вопросу юридической характеристики независимой гарантии по судостроительному контракту, выданной материнской компанией Заказчика. Суд проигнорировал устоявшиеся в практике судебные прецеденты (например, по делу *Marubeni Hong Kong*), отказался квалифицировать сложившиеся правоотношения материнской компании и дочернего общества как независимую гарантию, несмотря на то что материнская компания выполняла инвестиционную и финансовую роль в контракте, формально осуществляя функции, схожие с функциями банка⁴.

В США определенная часть подобных обязательств урегулирована Актом о совершенствовании Федеральной корпорации по страхованию вкладов («FDICIA»), где был введен институт «родительской гарантии» (Sec. 431) с целью защиты от неплатежеспособности банка при принятии решения о переносе активов из одного дочернего банка в другой. Гарантия содержит обязательство материнской компании перед кредиторами дочернего общества о том, что в случае необходимости она осуществит вливание капитала в свою дочернюю банковскую компанию для

¹ "Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // СПС КонсультантПлюс.

² *Marubeni Hong Kong and South China Ltd v Government of Mongolia* [2005] EWCA Civ 395, [2005] 1 WLR 2497.

³ *Wuhan Guoyu Logistics Group Co Lt v. Emporiki Bank of Greece SA* [2012] EWCA Civ 1629.

⁴ *Shanghai Shipyard Co Ltd v Reignwood International Investment (Group) Company Limited* [2021] EWCA CIV 1147.

предотвращения снижения минимального уставного капитала банка¹. Выдача этих гарантий может привести в том числе к временной консолидации предприятий на случай кризиса. По сути она противопоставляется американской доктрине ограниченной ответственности, где основное общество несёт ответственность в рамках своей доли участия, а может и перекладывать на страховой фонд убытки, которые может понести [8, с. 99-101]. Эти гарантийные договоры могут иметь модернизированный вариант. Например, выделяется соглашение о поддержании чистых активов (Net Worth Maintenance Agreements), которое защищает страховой фонд от убытков. И предотвращает лишение дочерней компании своего капитала, что нивелирует все недостатки, связанные с уставным капиталом [9, с. 20].

В отечественной практике можно также использовать и иные гарантийные или обеспечительные обязательства, известные зарубежным странам, поскольку в ГК РФ не установлен *numerus clausus* способов обеспечения исполнения обязательств. Например, альтернативой независимой гарантии может быть заключение соглашения об эмиссии облигаций, которое бы устанавливало выпуск ценных бумаг материнской компанией. Держателем облигации является юридическое лицо вне группы компаний. В Германии и Швейцарии существует такой способ обеспечения исполнения обязательств, как совместное депонирование, в том числе секвестр. Он предусматривается в тексте акционерного соглашения, где акции участников передаются на временное хранение депозитарию, в результате чего право на осуществление управления временно не может осуществляться собственником акций. Также существует внесение акций в «холдинговое общество» (участники корпоративного договора являются участниками холдинга) [10, с. 40-41]. Если первый может служить в качестве механизма сдержек и противовесов или как гарантия для внешних кредиторов, то второй носит только внутренний характер, а депозитарием выступает «холдинговое общество» (представляется, что имеется в виду материнская компания).

Почему вообще возникают гарантийные обязательства в группах компаний? По нашему мнению, гарантийные обязательства могут исходить не только из независимой гарантии, а из специальных договоров о предоставлении кредиторам большего корпоративного контроля или выставление приоритетов в очередности выплаты долгов вне процесса ликвидации или в виде устных договоренностей. Их появление логично, а цель является таковой: организация дробится на большое количество дочерних компаний для уменьшения ответственности и упрощения способов сохранения имущества, но затем участники групповых

¹ The Federal Deposit Insurance Corporation Improvement Act // URL: <https://www.fdic.gov/regulations/laws/rules/8000-2400.html> (дата обращения: 15.02.2024).

(холдинговых) правоотношений всё равно приходят к тому, что дают внутригрупповые гарантии другим участникам, снова повышая свою ответственность. Эти, казалось бы, противоречивые действия происходят на фоне того, что риски неплатежеспособности членов группы, как правило, сильно связаны. Сам внутригрупповой характер, по нашему мнению, снижает цену этой гарантии, не возлагая на дочернее общество соразмерного имущественного и рискованного бремени, которое ложится на других участников холдинга и их акционеров. Мы имеем в виду, что если гарантии не выходят за рамки группы, то есть когда дочернее общество А оплачивает долги приоритетных кредиторов дочернего общества Б, иные кредиторы общества А будут поставлены в менее защищенное положение.

Так, большое количество дочерних обществ, которые являются неплатежеспособными и поддерживаются лишь за счёт вливаний денежных средств в капитал со стороны других дочерних обществ, не могут отвечать интересам всей группы, её кредиторов, если только это не «центр убытков». Может даже возникнуть ситуация, когда заемщик у третьего лица-займодавца является единственным источником необходимого сырья для гаранта, но он был бы вынужден ликвидироваться без заемных средств. То есть гарантия в этом случае необходима для спасения как гаранта (которому при невыплате денег придётся обратиться к процедуре банкротства), так и заёмщика (у которого изначально есть долг), а само спасение заёмщика необходимо для спасения гаранта.

Само такое поведение согласуется с тезисом о том, что транзакционные издержки и отсутствие полного контроля часто не позволяют кредиторам изменять стратегию поведения должника, что приводит к неблагоприятным результатам. Поскольку переливание активов и предбанкротная санация — нормальное явление в холдинге, кризис в дочерней компании приводит к тому, что активизируется требование об исполнении гарантийного обязательства к одному участнику холдинга в случае, если другое дочернее общество не выполняет свои обязательства по долгу. При этом такие обязательства, по нашему мнению, могут возникать и в иных ситуациях. Например, материнская компания может гарантировать кредит, который заемщик предоставляет дочерней компании. Такой же договор можно заключить и только внутри холдинга без привлечения внешних лиц. При этом здесь речь идёт не обязательно о независимой гарантии в понимании статьи 368 ГК РФ, а об экономических и юридических отношениях в холдинге, где один из участников этого объединения не только гарантирует обязательства должника перед иными лицами, но и совершает действия, направленные на сохранение определенного положения или его достижения (например, гарантия сохранения корпоративного контроля бенефициарного владельца в дочернем обществе, где имеются иные лица, которые могут контролировать действия подчиненного общества).

Таким образом, гарантийные сделки и гарантийные обязательства,

вытекающие из них, не только являются одной из основных составляющих холдинга, но и можно представить модель, где гарантия является иным основанием признания общества дочерним. Например, если гарант выдаёт покупателю гарантию для приобретения такого сырья у монополиста, отсутствие которого привело бы к банкротству юридического лица (например, покупка чипов для компании, которая занимается сборкой компьютеров).

Мы приходим к выводу, что взаимные гарантийные обязательства действительно существуют и признаются таковыми. Так, в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Из этого можно выделить следующие критерии обязательства [11, с. 15], которым соответствуют групповые (холдинговые) гарантии: имущественный характер — гарантии могут быть направлены на сохранение вкладываемых в дочерние общества активов или на сохранение конкретной доли участия в рамках корпоративного контроля; относительный характер — гарантии возникают между конкретными участниками групповых правоотношений; повелительный характер содержания — у кредитора должно быть право требования к должнику (например, право требовать заемный долг у дочернего общества после выплаты средств его кредитору); эквивалентный характер — обязательство складывается из взаимных действий гаранта и бенефициара; носит гражданско-правовой характер; имеет направленность на перемещение имущества — например, в случае реализации прав на получение денежных средств в рамках обязательства.

Однако, по нашему мнению, независимая гарантия, выдаваемая в рамках правоотношений внутри группы компаний, может быть признана недействительной в связи со следующими обстоятельствами. Например, если мы рассматриваем группу компаний как единый экономический субъект. О такой правовой и экономической ситуации, когда материнская компания полностью контролирует действия дочернего общества, что ставит под сомнение наличие у такого юридического лица автономии воли, можно встретить упоминание в зарубежной доктрине и практике под термином «wholly owned subsidiary»¹. Правовой позиции о полном экономическом контроле материнской компании придерживался ещё Высший Арбитражный Суд РФ, которую он изложил в Постановлении от 04.12.2012 г. № 8989/12, где установлено, что совершаемые между

¹ Syllabus in Case *Copperweld v. Independence Tube*, 467 U.S. 752 (1984). Официальный сайт Верховного суда США (URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/752/>) (дата обращения: 20.02.2024).

основным и дочерним обществами безвозмездные сделки по передаче имущества не могут быть квалифицированы как дарение, поскольку отсутствие встречного предоставления является особенностью взаимоотношений между данными лицами, являющимися с экономической точки зрения единым хозяйствующим субъектом¹. Суд пришёл к выводу, что передача имущества от дочернего общества основному (и наоборот) обуславливается необходимостью в перераспределении ресурсов между ними для достижения общих целей экономической деятельности.

Если бенефициаром является полностью подконтрольное дочернее общество, а принципалом является дочернее общество, обладающее в своем составе миноритарными акционерами, то гарантия будет являться недействительной. Ведь в ситуации, когда гарантия выдается дочернему обществу, материнская компания как бы гарантирует, что благодаря эффективным инструментам корпоративного управления, она не допустит неисполнения возложенных на участника группы компаний обязательств, а имеющихся денежных активов группы будет соответствовать цене договора, по которому возникает основное обязательство. В данной же ситуации мы наблюдаем обратное, что материнская компания фактически может выводить активы из одного хозяйственного общества в другое. С учетом современной тенденции на защиту кредиторов в рамках института независимой гарантии [12, с. 168-172], такая гарантия может быть квалифицирована как мнимая сделка по смыслу статьи 170 ГК РФ (сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия), поскольку она выдана в обеспечение исполнения договора, заключение которого направлено на причинение вреда дочернему обществу.

Таким образом, многоуровневая структура группы компаний, а также неоднородность холдинговых (групповых) правоотношений определяет специфику и большой объем заключаемых в группе компаний договоров. Будучи объединением формально независимых субъектов, в группе компаний существует возможность как заключения обычных гражданско-правовых договоров, так и договоров, целью которых является установление управленческих отношений или организация их. При этом управленческие договоры могут являться основанием для создания групповых правоотношений. Однако участниками групповых отношений движут особые формы обязательств — гарантийные. При этом использование гарантий не должно быть излишним, поскольку они не выходят за рамки группы, в объединении складывается ситуация, когда кредиторы одного дочернего общества будут поставлены в менее защищенное положение перед кредиторами другого.

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8989/12 от 04.12.2012 // СПС КонсультантПлюс.

Список источников:

1. Лоусмор (2006) – Лоусмор М. Управление рисками в проектах. Тейлор и Фрэнсис // Рутлидж. 2006. С. 173.
2. Аникина, Городнянская (2013) – Аникина О.В., Городнянская В.В. Обеспечение обязательства независимой гарантией: возможности текущего регулирования, новеллы ГК РФ // Журнал "Закон", 2013. № 10. С. 140.
3. Глухов (2017) – Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. С. 580-592.
4. Инсе, Каплан (2021) – Мехмет Инсе, Фатих Каплан. Цифровизация, международная торговля и логистика // Публикации Университета Некметтина Эрбакана. Ноябрь. Номер: 11/1/2021 Мерам / Конья. С. 37-58.
5. Чаппэлл (2020) – Дэвид Чаппелл. Профессиональная практика для авторов и управляющих проектами. 2020 // Джон Вайли и Сыновья. Стр. 120.
6. Шапиро (2015) – Шапиро И.Е. Предэкспортное финансирование в российской практике в условиях текущих экономических санкций // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) 2015. С. 181-186.
7. Пейджет (1922) – Пейджет, Джон Р. Банковское право // Лондон, Виннипег [и др.]: Butterworth & co. 1922. С. 395.
8. Рибштейн (1991) – Рибштейн Э., Ограниченная ответственность и теории корпорации // 50 MD. L. Rev. 80, Примечание 29, 1991. стр. 99-101.
9. Сквайр (2011) – Сквайр Р. Стратегическая ответственность в корпоративной группе //Юридический обзор Чикагского университета. Том 78, 2011, Fordham Law, Исследовательская работа по правовым исследованиям № 1742096. С. 20.
10. Иноземцев (2020) – Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография. — М.: Статут. 2020. С. 40–41.
11. Кулаков (2015) – Кулаков В.В. Прекращение обязательств по гражданскому законодательству России: Монография / Рос. гос. ун-т правосудия. М.: РГУП, 2015. С. 5 - 18.
12. Бородкин, Станкевич (2021) – Бородкин В.Г., Станкевич А.В. О некоторых актуальных вопросах защиты прав в арбитражном процессе. Сборник очерков. Часть 2. М.: Инфотропик Медиа, 2021. С. 168-172.

References:

- Loosemore (2006) – Loosemore M. Risk Management in Projects [Upravlenie riskami v proektah] Taylor & Francis// Routledge. 2006. P. 173.
- Anikina, Gorodnyanskaya (2013) – Anikina O.V., Gorodnyanskaya V.V. Securing an obligation with an independent guarantee: the possibilities of current regulation, novelties of the Civil Code of the Russian Federation [Obespechenie obyazatel'stva nezavisimoy garantiej: vozmozhnosti tekushchego regulirovaniya, novelty GK RF] // Journal "Law", 2013. No. 10. P. 140.
- Glukhov (2017) – Glukhov E.V. Corporate agreement: preparation and coordination when creating a joint venture [Korporativnyj dogovor: podgotovka i soglasovanie pri sozdanii sovmestnogo predpriyatiya] [Electronic edition]. – М.: М-Logos, 2017. pp. 580-592.
- Ince, Kaplan (2021) – Mehmet Ince, Fatih Kaplan. Digitalization, international trade and logistics [Cifrovizaciya, mezhdunarodnaya trgovlya i

logistika] // Erbakan Üniversitesi Yayınları Yaka Mah. Yeni Meram Cad. Kasım Halife Sok. No: 11/1/2021 Meram / KONYA. P. 37-58.

Chappell (2020) – David Chappell. Professional Practice for Architects and Project Managers [Professional'naya praktika dlya avtorov i upravlyayushchih proektami]. 2020 // John Wiley & Sons, Ltd. P. 120.

Shapiro (2015) – Shapiro I.E. Pre-export financing in Russian practice in the context of current economic sanctions [Predeksportnoe finansirovanie v rossijskoj praktike v usloviyah tekushchih ekonomicheskikh sankcij] // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH) 2015. pp. 181-186.

Paget (1922) – Paget, John R. The law of banking [Bankovskoe pravo] // London, Winnipeg [etc.]: Butterworth & co. 1922. P. 395.

Ribstein (1991) – Ribstein E., Limited Liability and Theories of the Corporation banking [Ogranichennaya otvetstvennost' i teorii korporacii] //50 MD. L. Rev 80, Note 29, 1991. P. 99-101.

Squire (2011) – Squire R. Strategic Liability in the Corporate Group banking [Strategicheskaya otvetstvennost' v korporativnoj gruppe] //University of Chicago Law Review. Vol. 78, 2011, Fordham Law Legal Studies Research Paper № 1742096. P. 20.

Inozemtsev (2020) – Inozemtsev M.I. Joint—stock agreement: liability for violation under the law of Russia and foreign countries banking [Aktionernoe soglasenie: otvetstvennost' za narushenie po pravu Rossii i zarubezhnyh gosudarstv]: Monograph. - M.: Statute. 2020. pp. 40-41.

Kulakov (2015) – Kulakov V.V. Termination of obligations under the civil legislation of Russia banking [Prekrashchenie obyazatel'stv po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii]: Monograph / Russian State University of Justice, Moscow: RSUPS, 2015. pp. 5-18.

Borodkin, Stankevich (2021) – Borodkin V.G., Stankevich A.V. On some topical issues of protection of rights in the arbitration process. Collection of essays. banking [O nekotoryh aktual'nyh voprosah zashchity prav v arbitrazhnom processe. Sbornik ocherkov] Part 2. Moscow: Infotropik Media, 2021. pp. 168-172.

Трибуна молодого ученого / Международное право

УДК: 341.1/8

JEL: K33, Q56

ШЕРШНЕВА Дарья Алексеевна¹

¹ Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский проспект, 49, г. Москва, 109456, Россия.

<https://orcid.org/0009-0006-7138-068X>

¹ Шершнева Дарья Алексеевна, студентка 4 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва. E-mail: shershneva02@list.ru

Научный руководитель: Шепелева Дина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент Кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация

Предмет / тема: в статье рассмотрена совокупность международно-правовых методов решения экологических проблем, которые объединены в международно-правовые нормы, отрасли, институты, сделан акцент на том, что от используемых международно-правовых способов решения проблем окружающей среды зависит дальнейший процесс развития будущего всего человечества, поднят вопрос о роли международно-правового регулирования в решении проблем окружающей среды.

Цель работы: рассмотреть, как именно международно-правовое регулирование воздействует на проблемы окружающей среды, выявив методы, выделить наиболее действенные из них, провести анализ новых способов решения проблем и проследить их тенденции развития.

Методология: в работе использованы научные методы познания: общенаучные (научный анализ, научный синтез) и частнонаучные (сравнительно-правовой, формально-юридический, а также метод правового прогнозирования).

Выводы: в ходе проведенного исследования выделена ключевая роль международного права в решении экологических проблем, установлено, что международно-правовое регулирование имеет множество способов, которые дополняют друг друга и образуют целостную систему воздействия, поднята проблема неправильного распределения между участниками международного сотрудничества существа проблем и отсутствия специальной международной экологической организации - предложено решение; также отмечено, что тенденции развития международного экологического нормотворчества изменяются с учетом технического прогресса и хозяйственной деятельности людей.

Ключевые слова: экологические проблемы, международное право, международно-правовое регулирование, решение экологических проблем, взаимодействие государств, экологическое законодательство, негативное воздействие на окружающую среду, тенденции развития.

Young scientist's tribune / International law

¹ **Darya A. Shershneva**, 4th year student of the Faculty of Law at Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: shershneva02@list.ru

Supervisor: Dina V. Shepeleva, PhD in Law, Associate Professor of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation.

**INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT:
MODERN TRENDS**

Annotation

Subject / topic The article examines a complex of international legal methods for solving environmental problems, which are combined into international legal norms, industries, institutions, and emphasizes that the further process of development of the future of all humanity depends on the international legal methods used to solve environmental problems, the question is raised about the role of international legal regulation in solving environmental problems.

Goals / objectives To consider how international legal regulation affects environmental problems, identifying ways and methods, identify the most effective of them, analyze new ways to solve problems and trace their development trends.

Methodology Scientific methods of cognition were used in the work, both general scientific (scientific analysis, scientific synthesis) and private scientific (comparative legal, formal legal, as well as the method of legal forecasting).

Conclusions During the study, the key role of international law in solving environmental problems was highlighted, it was found that international legal regulation has many ways that complement each other and form an integral system of influence, the problem of improper distribution of the essence of problems between participants in international cooperation and the absence of a special international environmental organization was raised - a solution has been proposed; it was also noted that the trends in the development of international environmental rulemaking are changing taking into account technological progress and economic activity of people.

Keywords: *environmental problems, international law, international legal regulation, environmental problems solving, interaction of states, environmental legislation, negative impact on the environment, development trends.*

Введение

В настоящее время наша планета нуждается в серьезной помощи и поддержке всего человечества. За время своего существования мы нанесли природе огромный ущерб, который касается рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды. Не осознавать этого нельзя, так как люди находятся в тесной взаимосвязи с природой, и с каждым разом понимание о том, что человечество разрушает окружающую среду и рушит собственное будущее, растет. Мир стремится к гармонии с природой путем различных способов.

Роль международно-правового регулирования в решении проблем

окружающей среды очень велика. Существуют различные пути их решения, о которых пишется множество статей, диссертаций, монографий, а также юридической литературы и учебных пособий. Прежде всего среди них нужно отметить таких авторов, как Г.И. Тункин, Г.С. Стародубцев, В.В. Кудряшов, М.М. Бирюков, Р.М. Валеев, Т.Д. Матвеева.

Международно-правовое регулирование охватывает содействие всех государств и именно поэтому попытки решить проблемы окружающей среды на международном уровне дают свои результаты.

Основная часть

Международно-правовое регулирование – это социальный способ властного воздействия государства на любые межгосударственные отношения при помощи норм и положений международного права. Такое регулирование основывается на принципе управления, который, как известно, необходим при существовании любой общественной системы. Предназначение же международно-правового регулирования состоит в координирующей функции [1, с. 25]. Государства заинтересованы соблюдать общепринятые правила, потому как это упрощает процесс взаимодействия с другими субъектами международных правоотношений. Приняв международные нормы, которые устанавливают взаимные права и обязанности для всех, субъекты имеют определенные стандарты поведения, которые присутствуют в различных областях их взаимоотношений.

Проблематика данной темы состоит в том, что международно-правовое регулирование всегда использует множество способов (рычагов) воздействия на отношения государств и стоящих перед ним проблем, и именно поэтому единый подход по способам воздействия отсутствует.

Так, можно смело утверждать, что международно-правовое регулирование содержит в себе совокупность взаимосвязанных элементов, которые представляют собой международно-правовые принципы, устоявшиеся нормы международного права, а именно договорные и обычные, а также институты международного права. В свою очередь такие элементы оказывают воздействие на международное право. Международно-правовые принципы являются общепризнанными, основополагающими, универсальными и имеющими высшую юридическую силу нормами, которые находят свое содержание в международных и межгосударственных договорах, в решениях судов, в уставах международных организаций, а также в международных обычаях, которые подкреплены многолетней практикой. Основными источниками принципов являются Устав ООН, Декларация о принципах международного права и Хельсинский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Международно-правовое регулирование, как отмечает Р.Г. Мельниченко, призвано путем организационного воздействия обеспечить порядок разнообразных взаимоотношений государств, придав этому

регулированию правовое обеспечение при помощи юридических средств и обязательного исполнения всех норм международного права [2, с. 56].

Из всего вышесказанного вытекает понимание сущности международно-правового регулирования. Она заключается в том, что целенаправленное властное воздействие на международные отношения, которое осуществляется самими субъектами международного права при помощи различных юридических средств, удовлетворяют свои национальные и международные интересы посредством механизма международно-правового влияния.

Проблемы экологической среды решаются с применением разных методов и концепций, которые предлагают ученые-международники. Существует множество путей решения проблем экологии, как находящихся в действии, так и предполагаемых к применению в ближайшем будущем.

Например, существует ресурсная концепция решения экологических проблем, согласно которой человечество с помощью технологических средств может их предотвратить. Суть данной концепции предполагает то, что людям необходимо менять и исправлять свою хозяйственную деятельность, включая в нее новейшие технологии. Также данная концепция подразумевает под собой изменение населением объемов используемых им ресурсов, а также изменение по способам ограничения объемов экономического роста человечества.

Такая концепция поможет предотвратить любую экологическую опасность, но берет во внимание также и присутствие каких-либо локальных случаев. С помощью ресурсной (техногенной) концепции невозможно достичь пределов развития человеческой деятельности, так как благодаря новейшим технологиям она будет только совершеннее, что приведет к устойчивому развитию общества, удовлетворению всех его потребностей, а также сохранит природу [3, с. 220]. На наш взгляд, такая концепция имеет место быть, но не исключает собой возможность нанесения вреда природе за счет того, что технологическое влияние может оказывать неблагоприятные последствия для экологии. Например, нарушение экологических систем, климатические изменения, истощение природных ресурсов, вызванное производством и использованием этих технологических устройств. Также можно задаться вопросом о том, насколько затронет данная концепция экономические проблемы из-за несбалансированного использования технологий.

Вторую концепцию предлагает небезызвестный ученый-международник Стародубцев Г.С. - биосферную. Она основывается на «обобщении накопленного экспериментального материала», начало которого лежит в закономерностях законов физики и биологии. Согласно мнению ученого, необходимо в рамках концепции определить область устойчивости любой экологической системы и выявить количество допустимой нагрузки на нее [4, с. 133]. Проанализировав данную концепцию, можно прийти к

пониманию существования и постоянного увеличения экологических проблем на нашей планете: неправильно рассчитанный баланс стабильного механизма окружающей среды, который подвергается человеческому воздействию в ходе его деятельности. Разрушение этого механизма происходит посредством увеличения людьми энергопотребления, расширения областей их деятельности и многими другими факторами, которые присутствуют в нашей обычной жизни. Даже при максимально осознанном отношении к потреблению ресурсов и прекращении загрязнения нашей планеты, окружающая среда так или иначе будет терять свою устойчивость и разрушаться. Решение данной проблемы видится в том, чтобы «направить все силы на сохранение ненарушенной и нетронутой людьми естественной природы, которая должна стать центром восстановления окружающей среды» [4, с. 134] В данном вопросе нельзя не учитывать объем такой среды, так как он должен быть достаточным, чтобы обеспечивать устойчивость не только сохранившейся части, но и части, подвергнутой загрязнению.

Такая концепция рассчитана на длительный срок, и существует мнение о том, что за счет этого срока она может себя не оправдать, но в противовес можно смело утверждать о том, что и загрязнение окружающей среды происходило не одно десятилетие всем миром, соответственно, и процесс реабилитации всего, что сделали люди за свое существование для природы, должен занимать достаточное количество времени.

Решение экологических проблем невозможно обеспечить точно в какой-либо стране, так как для этого необходимо содействие всего человечества, которое должно проявляться в активном международном взаимодействии государств. Также для этого нужен эффективный международно-правовой механизм по прекращению разрушения экологии, направленный на сохранения всех оставшихся природных ресурсов [5, с. 221]. Такой механизм содержится в международно-правовых документах, соглашениях, которые определяются международным правом.

Международные способы и методы решения проблем окружающей среды присутствуют также и в деятельности межправительственных и международных неправительственных организаций универсального типа. Они решают проблемы, направленные как на природоохранную деятельность, так и на комплексный природоохранный профиль [6, с. 65].

К направлению по природоохранной деятельности относятся программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Международный Союз Охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Деятельность ЮНЕП состоит в обеспечении руководства и поощрении партнёрства между государствами в области предотвращения проблем окружающей среды. Данная программа создает возможности для улучшения качества жизни государств и их народов без ущерба для окружающей среды, а также способствует координации охраны природы на общесистемном уровне.

МСОП же является международной некоммерческой организацией, которая занимается предотвращением проблем сохранения разнообразия планеты, организует различные собрания в разных странах, освещает новости по борьбе с пренебрежительным отношением к окружающей среде и составляет конгрессы для стран, в которых обзывает разные регионы планеты, нуждающиеся в особой охране.

К направлению по комплексному природоохранному профилю относится немало международных организаций. Например, Всемирная организация здравоохранения, которая осуществляет санитарно-эпидемиологический мониторинг окружающей среды. Международное агентство по атомной энергии устанавливает нормы радиационной безопасности по выбросу веществ в окружающую среду. Международная морская организация разрабатывает и согласовывает основные международные принципы курсов политики государств по защите морской среды и принимает участие в борьбе с загрязнением морского пространства. Всемирная метеорологическая организация занимается изучением степени воздействия человека на погоду и климатические изменения в природе.

Международная практика по способам решения проблем окружающей среды предлагает различные варианты. Так, в начале ноября 2022 года был открыт всемирный саммит по климату с участием лидеров более 120 государств в городе Шарм-эш-Шейх. Такая встреча, как отмечает президент Египта Абдель Фаттах ас-Си, является возможностью продемонстрировать единство перед угрозой существованию, которую можно преодолеть только с помощью согласованных действий и их эффективной реализации.

Несмотря на то что международное сотрудничество в большей степени проявляется в тесном взаимодействии участников и направленностью на скорейшее устранение экологических проблем, существует такое упущение, как неправильное распределение между участниками международного сотрудничества существа проблем, несоответствие экологической проблемы уровню государства-участника, которое прикладывает силы для ее разрешения. В таком случае проблемы окружающей среды должны адресоваться на соответствующий уровень, обозначив наиболее эффективные средства их решения [7, с. 44]. Такие проблемы, которые касаются всего человечества, невозможно решить нескольким объединившимся государствам, усилия для их предотвращения должны прикладываться абсолютно всем мировым сообществом посредством принятия международных конвенций и нормативных актов. Также необходимо отметить, что приоритет в международных соглашениях и конвенциях отдается с «рамочным характером», так как большая часть экологических проблем требует не одного соглашения, а серии, в которой будут прописаны конкретные совместные действия государств.

Существенной проблемой в решении проблем окружающей среды на международно-правовом уровне является отсутствие специальной международной экологической организации с соответствующими полномочиями. Существует определенная необходимость в создании международных универсальных организаций, обладающих элементами наднациональности, пишет ученый-правовед В.М. Шумилов. Также ученый отмечает, что создание таких организаций являлось бы действительно нужным решением и способствовало бы скорейшему разрешению глобальных экологических проблем [8, с. 255]. Еще одной проблемой, затрудняющей международно-правовое регулирование проблем окружающей среды, является международно-правовая ответственность, а именно, нечеткое определение санкций за неисполнение норм о защите природы.

Стоит отметить, что при существенных недоработках в международно-правовом законодательстве есть и намечены тенденции, которые приводят к совершенствованию правового регулирования экологии.

На современном этапе существуют уже другие приоритетные способы развития международного законодательства об экологии. Выбраны новые направления развития с присутствием некоторых доминирующих факторов. Одним из таких направлений можно назвать выработку совершенно новых принципов экологического права, определения его места в системе развития всего общества, а также главенствующую роль в регулировании международных отношений [9, с. 210]. Еще одно направление – это разработка новых правовых подходов на взгляды решения проблем климата в мире с учетом усиленной активизации международного сотрудничества в данной сфере [10, с. 12]. В 2020 году на Конференции ООН по устойчивому развитию был обозначен приоритет усилий по борьбе с изменением климата, а также борьбы с последствиями, которые носят опасный характер как для природы, так и для человека. В принятом на этой Конференции итоговом документе "Будущее, которого мы хотим" специально указано на необходимость форсированных действий по достижению целей Рамочной Конференции ООН по изменению климата¹.

Заключение

На основе вышеизложенного изучения можно утверждать, что было рассмотрено множество подходов ученых к пониманию сущности

¹ Резолюция ООН 66/288 «Будущее, которого мы хотим»: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 27 июля 2012 г. // Организация Объединенных наций: официальный сайт. URL: <https://www.unep.org/resources/report/rio20-outcome-document-future-we-want> (дата обращения: 08.02.2024). / UN Resolution 66/288 "Future We Want". United Nations. 2012. URL: <https://www.unep.org/resources/report/rio20-outcome-document-future-we-want>

международно-правового регулирования, способов международного решения проблем окружающей среды, также были проанализированы с учетом мнения ученых-правоведов понятие и характерные особенности экологических проблем, и, наконец, выявлены проблемы правового обеспечения защиты природы и тенденции по способам развития международного законодательства о проблемах окружающей среды.

Выводы

В качестве выводов к данной работе мы можем указать, что в ходе проведенного исследования определена суть международно-правового регулирования. Проблемы окружающей среды охватывают собой множество сфер, касающихся нормальной жизнедеятельности людей. Существуют некоторые недостатки в международном законодательстве о решении проблем окружающей среды, которые должны дать толчок современному правовому регулированию в их решении, а тенденции развития международного экологического нормотворчества изменяются с учетом технического прогресса и хозяйственной деятельности людей. В связи с постоянным приростом проблем экологии представляется целесообразным чаще производить анализ существующего положения и представлять новые пути разрешения таких проблем

Список источников:

1. Петюкова (2015) – Петюкова О.Н. Особенности современного экономического права и права всемирной торговой организации в правовой доктрине // Современный юрист. 2015. № 2. С. 58-68.
2. Мельниченко (2020) – Мельниченко Р.Г. Международное право: учебное пособие / под ред. В. Митина. Москва: Солон-Пресс, 2020. 112 с.
3. Никитаев, Бурьянова (2019) – Никитаев Д.М., Бурьянова С.А. К вопросу о современно определенности понятия и содержании светскости государства // Современный юрист. 2019. № 3. С. 85-96.
4. Стародубцев (2022) – Стародубцев Г.С. Международное право / под ред. Г.С. Стародубцева. Москва: РИОР, 2022. 416 с.
5. Кукушкина (2020) – Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 218-225.
6. Демчук (2007) – Демчук А.Л. Экологические конфликты: природа, виды, способы урегулирования // Вестник Московского Университета. 2007. № 12. С. 64-71.
7. Герасимов (2019) – Герасимов А.Н. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности населения // Научная мысль. 2019. № 2. С. 43-51.
8. Шумилов (2015) – Шумилов (2015) – Шумилов В.М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. 2015. № 3. С. 70-87.
9. Букашев (2019) – Бекашев К.А. Международное публичное право. Москва: Проспект, 2019. 1046 с.

10. Солнцев (2019) – Солнцев А.М. Брунни Ю. Международное экологическое право: современные тенденции развития Интервью с Ютта Брунни, профессором Университета Торонто (Канада) // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7. С. 12-17.

References:

Petyukova (2015) – Petyukova O.N., 2015. Features of Modern Economic Law and the Law of the World Trade Organization in Legal Doctrine [Osobennosti sovremennogo ekonomicheskogo prava i prava vseмирnoy torgovoy organizatsii v pravovoy doktrine]. Modern Lawyer [Sovremennyy yurist], 2: 58-68.

Melnichenko (2020) – Melnichenko, R.G., International Law: Study Guide [Mezhdunarodnoye pravo: uchebnoye posobiye]. Solon-Press, 2020. pp: 112.

Nikitayev (2019) – Nikitayev D.M. and Buryanova S.A., 2019. On the issue of the modern definition of the concept and content of secularism of the state [K voprosu o sovremenno opredelenii ponyatiya i soderzhaniya svetskosti gosudarstva]. Modern Lawyer [Sovremennyy yurist], 3: 85-96.

Starodubtsev (2022) – Starodubtsev, G.S., 2022. International Law [Mezhdunarodnoye pravo]. RIOR, pp: 416.

Kukushkina (2020) – Kukushkina A.V., 2020. International legal aspects of environmental safety at the present stage [Mezhdunarodno-pravovyye aspekty ekologicheskoy bezopasnosti na sovremennom etape]. Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta], 450: 218-225.

Demchuk (2007) – Demchuk, A.L., 2007. Environmental Conflicts: Nature, Types, Methods of Resolution [Ekologicheskiye konflikty: priroda, vidy, sposoby uregulirovaniya]. Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo Universiteta], 12: 64-71.

Gerasimov (2019) – Gerasimov, A.N., 2019. International Cooperation in the Field of Environmental Protection and Ensuring Environmental Safety of the Population [Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy i obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti naseleniya]. Scientific Thought [Nauchnaya mysl'], 2: 43-51.

Shumilov (2015) – Shumilov V.M., 2015. Concept of global law and global normative system [Kontseptsiya global'nogo prava i global'noy normativnoy sistemy], 3: 70-87.

Bekyashev (2019) – Bekyashev K.A., 2019. Public International Law [Mezhdunarodnoye publichnoye pravo]. Prospekt, pp: 1046.

Solntsev (2019) – Solntsev A.M., U. Brunni, 2019. International Environmental Law: Modern Development Trends Interview with Jutta Brunni, Professor at the University of Toronto (Canada) [Mezhdunarodnoye ekologicheskoye pravo: sovremennyye tendentsii razvitiya Interv'y u Yutta Brunni, professorom Universiteta Toronto (Kanada)]. Eurasian Legal Journal [Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal], 7: 12-17.

Трибуна молодого ученого / Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК: 34.096
614.253.83

КАРПЕНКО Алёна Анатольевна¹

¹ ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия
<https://orcid.org/0009-0001-4024-5227>

¹ Карпенко Алёна Анатольевна – студент 3 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: alenakarpenko.19@yandex.ru

ГОРОХОВА Полина Алексеевна²

² ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия
<https://orcid.org/0009-0001-2486-2508>

² Горохова Полина Алексеевна – студент 3 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
E-mail: polinagorokhova4@gmail.com

ДУДЧЕНКО Ксения Владимировна³

³ ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия
<http://orcid.org/0009-0008-7153-0734>

³ Дудченко Ксения Владимировна – студент 3 курса Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: morbid.nomad@gmail.com

Научный руководитель: Курилюк Юлия Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОДОВСПОМОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Предмет / тема. Основное внимание в работе акцентируется на правовых проблемах, сопряженных с процессом ведения беременности и принятия родов.

Цели / задачи. В работе предлагается вариант легальной трактовки термина «доула» и унифицированный подход к понятию «родовспоможение». Отдельно рассматривается институт доульского сопровождения как перспективный механизм защиты прав рожениц, однако на сегодняшний день не имеющий должного правового регулирования в Российской Федерации.

Методология. В статье используются разные подходы к освещению юридического понятия родовспоможения, посредством изучения статистики анализируются основные проблемы, связанные с этим сложным психо-био-физиологическим процессом. Формально-юридический метод применялся при анализе законодательного материала.

Вывод. Изучив вопрос комплексно, авторы видят необходимость в восполнении ряда законодательных пробелов в области родовспоможения,

а именно: борьбе с акушерской агрессией, введении института страхования ответственности медицинских работников, предоставлении государственной рассрочки на дорогостоящие лечебные процедуры, законодательном закреплении института доульского сопровождения, внедрении инструмента государственной аккредитации деятельности доул и внесении соответствующих поправок в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Практическая значимость. Материалы научного исследования могут найти применение в научных теоретико-правовых и медико-социальных исследованиях, а также использоваться в профессиональных практиках медицинских учреждений акушерского профиля. Кроме того, с учетом объективных реалий быстро формирующихся современных тенденций и статичности права, материал даёт определённую методологию для формирования универсальной правовой базы, позволяющей защитить права рожениц при фактическом функционировании новых механизмов родовспоможения.

Ключевые слова: *родовспоможение, роды, права рожениц, медицинское право, правовое регулирование родов, доула, правовой статус доулы, доульское сопровождение.*

Young scientist's tribune / Public-law (state-legal) sciences

¹ **Alyona A. Karpenko**, 3rd year student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

² **Polina A. Gorokhova**, 3rd year student of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

³ **Ksenia V. Dudchenko**, Student of the 3rd year of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Supervisor: Kurilyuk Yulia Evgenievna, Candidate of Legal Sciences, Department of International and Public Law at Financial University under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF OBSTETRICS CARE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

Subject / topic The paper focuses on the legal issues involved in the process of pregnancy and childbirth.

Aims / objectives The paper proposes a variant of the legal interpretation of the term «Doula» and a unified approach to the concept of «childbirth support». The institute of doula support as a promising mechanism for protecting the rights of women in labor, but currently has no proper legal regulation in the Russian Federation, is considered separately.

Methodology The article uses different approaches to illuminate the legal concept of obstetrics, through the study of statistics analyzes the main problems associated with this complex psycho-bio-physiological process. The formal-legal method was applied in analyzing the legislative material.

Conclusion Having studied the issue comprehensively, the authors see the need to close a number of legislative gaps in the field of obstetrics, namely: combating obstetric aggression, introduction of the institute of liability insurance for

medical workers, provision of state installments for expensive treatment procedures, legislative consolidation of the institution of doula support, introduction of the instrument of state accreditation of the activity of doulas and making appropriate amendments to the Federal Law «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in Russia».

Practical significance The materials of the scientific research can find application in scientific theoretical-legal and medical-social research, as well as be used in professional practices of medical institutions of obstetric profile. In addition, taking into account the objective realities of rapidly emerging modern trends and the static nature of law, the material provides a certain methodology for the formation of a universal legal framework to protect the rights of women in labor in the actual functioning of new mechanisms of obstetric care.

Keywords: *obstetric care, childbirth, rights of women in labor, medical law, legal regulation of childbirth, Doula, legal status of a Doula, Doula support.*

В Российской Федерации каждому гражданину Конституцией гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь¹. Отдельно Конституция защищает материнство и детство, упоминая в ч. 1 ст. 38 тот факт, что они находятся под защитой государства. Данные права являются фундаментальными, без них невозможно представить ни одно развитое государство. Из взаимосвязи этих положений можно заключить, что и юридический факт родов (медицинская процедура, благодаря которой приобретает статус материнства) должен находиться под особой правовой защитой. Тем не менее, даже в наши дни существует проблема отсутствия должного правового регулирования в некоторых аспектах медицинского права. Например, в области акушерства и родовспоможения до сих пор остается множество «открытых вопросов», что является угрозой для участников этих правоотношений.

Говоря о родах, необходимо отметить особую значимость данного процесса не только для семьи, в которой непосредственно рождается ребёнок, но и для всего общества, потому как это единственное физиологическое действие, в результате которого появляется на свет человек – новый член общества. Это обуславливает повышенную важность медицинской и правовой регламентации процедуры рождения новой жизни, потому как существенно возрастает ответственность, возлагаемая на медицинский персонал: при родах врачи отвечают не только за жизнь и здоровье беременной женщины, но и за ребёнка, который также проходит самый сложный путь рождения. При этом процесс рождения сопровождается множеством нюансов, возникающих из взаимосвязи организмов матери и ребёнка, что по праву позволяет назвать роды одной из самых сложных

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

медицинских процедур [1, с. 12]. Как показывает практика, физиологические роды, безвредные для матери и плода, становятся все более редкими [2, с. 83–84]. Согласно данным, предоставленным ООН, каждый день в мире в 2020 году около 800 женщин умирали от предотвратимых причин, связанных с беременностью и родами, что означает, что женщина умирает примерно каждые две минуты¹. Важно отметить, что под термином «материнская смертность» понимается смерть женщины, наступившая в период беременности или в течение 42 дней после ее окончания от какой-либо причины, связанной с беременностью. Это означает, что риск летального исхода сохраняется, даже если сами роды уже прошли. Фактически это накладывает на медицинский персонал перманентную ответственность за жизнь женщины и плода в течение года, включая ведение беременности, сами роды и послеродовой период, потому как в большинстве случаев именно от действий врачей зависит успешность исследуемого процесса.

Однако помимо смерти роженицы существует также риск гибели плода во время беременности (замершая беременность), при родах и в первые часы после. При этом В.Е. Радзинский, И.Н. Костин считают, что одной из причин увеличения осложнений беременности и родов, роста перинатальной, младенческой и материнской заболеваемости является акушерская агрессия, под которой понимается некомпетентность медицинского персонала в области принятия и ведения родов [3, с. 65–67]. Как отмечал В.Е. Радзинский, по статистике, акушерская агрессия – прямая причина 10% материнской смертности и 50–70% перинатальной заболеваемости и смертности в мире [4, с. 331]. Представленные данные свидетельствуют о явной необходимости решения существующей проблемы. На наш взгляд, истоки такого поведения следует искать в низком уровне заработной платы медицинского персонала, в отсутствии службы психологической поддержки в отделениях медицинских организаций. Недостаток финансирования деятельности акушеров приводит к отсутствию мотивации сотрудников клиник за небольшие денежные средства отдаваться своему делу, потому как помимо манипуляции с физиологическими параметрами от них требуется также психологическая поддержка роженицы, понимание происходящих психических процессов, потому как сами роды уже рассматриваются как более сложный процесс, нежели обычный физиологический феномен. При этом профессиональный стандарт акушер-гинекологов не регламентирует осуществление в рамках трудовых действий и необходимых умений

¹ Trends in maternal mortality 2000 to 2020: estimates by WHO, UNICEF, UNFPA, World Bank Group and UNDESA/Population Division. – [текст электронный]. – URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/366225/9789240068759-eng.pdf?sequence=1>

психологической поддержки роженицы¹. Следующей проблемой является отсутствие психотерапевта для акушеров. Важность этого элемента диктуется тем, что шоковое состояние женщины во время разрешения от бремени напрямую сказывается на ментальном здоровье медицинского персонала. Осуществление работы в обстановке перманентного стресса из-за повышенного уровня ответственности, сложные процедуры и работа с пациентками, которые практически не контролируют свои речь и действия, негативно влияют на психологическое состояние работников. Однако на сегодняшний день наличие психотерапевта для врачей не стоит обособленной проблемой, потому как считается, что врачи подготовлены к этому в силу профессии, а если им необходим такой специалист, то презюмируется, что они вправе обратиться к нему за свой счет в индивидуальном порядке. А потому предлагается введение следующих мер для искоренения акушерской агрессии.

1. Дополнительные меры финансовой поддержки медицинского персонала в бюджетных клиниках, работающего в сфере акушерства и гинекологии.

2. Дополнение профессионального стандарта акушер-гинекологов положением в части необходимых умений об оказании психологической поддержки роженице в процессе родов, а также в послеродовой период.

3. Введение бесплатной психологической помощи для сотрудников медицинской организации в обязательном порядке за счет средств клиники, либо за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации.

Перечисленные факторы в совокупности формируют проблематику нарушения прав рожениц в медицинских организациях, что ведет к недоверию беременных женщин к перинатальным центрам и родильным домам. Однако сложность процесса родов делает крайне нежелательным самостоятельное разрешение от бремени, потому как по данным на 2019 год только 35% женщин смогли родить без осложнений естественным путём [5, с. 6-8], но только при помощи врачей в медицинских организациях. Поскольку роды в «домашних условиях» не подвержены медицинской регламентации, то отсутствует статистика по их смертности, но, по оценкам некоторых экспертов, существуют основания полагать, что в 85% случаев они заканчиваются летальным исходом матери или ребёнка [6, с. 354]. Такие данные формируют необходимость обязательного компетентного сопровождения родов, которое известно, как родовспоможение.

Легальное определение этого понятия отсутствует, а потому в контексте дальнейшего исследования под родовспоможением нами предлагается

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 19 апреля 2021 г. № 262н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач - акушер-гинеколог».

понимать процесс профессиональной медицинской и психологической помощи, призванный обеспечить безопасность для женщины и ребенка во время родов при минимально возможном вмешательстве в физиологический процесс. Такой термин мы выводим на основании того, что большинство акушеров сходятся во мнении, что роды – это психо-био-физиологический процесс [7, с. 116], а потому помогать роженице можно с позиции указанных аспектов. При этом мы находим несостоятельным мнение относительно того, что родовспоможение охватывает также момент беременности и послеродовой период. Безусловно, поддержка женщины на этих этапах также важна, однако именно момент разрешения от бремени сосредотачивает наибольшую опасность для организма. Также если говорить о родах как о процессе, то с медицинской точки зрения он являет собой этап завершения беременности посредством появления плода, т.е. сам корень термина «родовспоможение» не позволяет применять его к общему сопровождению и ведению беременности.

Таким образом, определившись с понятийно-категориальным аппаратом, нам удалось выявить две формы процесса родовспоможения.

1. Помощь оказывается специализированными медицинскими организациями и их профессиональными сотрудниками.

2. Помощь оказывается лицами, не связанными с системой здравоохранения – доулами.

Рассмотрим оба этих института в отдельности. На сегодняшний день первая форма родовспоможения является наиболее распространенной и в какой-то степени формирует правовой статус роженицы: согласно Приказу Министерства здравоохранения России, каждая беременная женщина обязана встать на учет по беременности и родам¹. Однако этот вид родовспоможения сталкивается с рядом правовых проблем, которые проявляются и в иных сферах медицинской помощи, однако их проявление непосредственно в процессе родов может привести к непоправимым последствиям для здоровья и жизни матери и ребёнка. Сложнейшим аспектом данной темы является восстановление справедливости правовым путем, поскольку зачастую врачебный персонал не привлекается к юридической ответственности за ошибки, совершенные в результате халатности либо недостаточной квалификации. Основная трудность состоит в процессе доказывания вины и причинно-следственных связей действий медицинских работников с печальными последствиями. Фактически единственный пример, когда врачи были привлечены к

¹ Приказ Минздравсоцразвития России от 26.04.2012 № 406н «Об утверждении Порядка выбора гражданином медицинской организации при оказании ему медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» // Российская газета. 2012. №121.

ответственности – дело Сушкевич и Белой¹, продолжает вызывать вопросы и может негативно сказаться на готовности медицинского персонала браться за сложные, непредсказуемые операции. Учитывая вышесказанное, мы находим обоснованным имплементацию зарубежного опыта, в частности института malpractice, активно применяемого в Соединенных Штатах. Его суть заключается в привлечении к ответственности медицинских работников в рамках гражданского иска в случае, если пациент может доказать наличие элементов правонарушения: факт обращения в медицинское учреждение, невыполнение врачом соответствующего стандарта оказания помощи, причинно-следственную связь этого нарушения и травмы, ущерб от этой травмы, выраженный в эмоциональных или материальных потерях [8].

Важно понимать, что в таких ситуациях причиняется вред не только пострадавшей семье, но и обществу и государству в целом, поскольку это препятствует решению демографического вопроса в Российской Федерации. Кроме того, авторы солидарны с мнением Я.И. Ивановой, которая подчеркивала важность правильной организации системы страхования медицинской ответственности медицинских работников, что позволит улучшить качество предоставляемых медицинских услуг и защитить права пациентов [9, с. 25].

Следующей проблемой является то, что в России, как и во многих других странах, медицинская помощь оказывается в рамках предоставления услуг. Однако, с точки зрения обеспечения конституционного права на здоровье, такое восприятие медицины может иметь негативные последствия. В условиях рыночной экономики, когда медицинские услуги стали предметом коммерческой деятельности, риск возникновения конфликта интересов между медицинскими учреждениями и пациентами возрастает. Медицинские организации, стремясь получить прибыль, могут оказывать несоответствующие стандартам качества медицинские услуги, а пациенты, в свою очередь, могут отказываться от необходимых медицинских процедур из-за их высокой стоимости. В такой ситуации страдает главным образом здоровье граждан, и это требует принятия соответствующих мер для предотвращения конфликта интересов и обеспечения качественной медицинской помощи всем желающим. Для решения обозначенной проблемы предлагается создать определенную форму в платных клиниках для предупреждения пациента об обязательности той или иной процедуры с той целью, чтобы граждане могли объективно рассчитывать свои финансы и понимать, от чего они могут отказаться без ущерба для здоровья, а от чего – нет. Также важно предусмотреть со стороны государства механизм, позволяющий человеку,

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 августа 2021 г. по делу № АПЛ21-311.
URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/calFBm51FXm8/?ysclid=ln2u5k5eom785013530>

в случае наступления серьезных последствий ввиду невозможности оплаты одной или нескольких обязательных медицинских процедур в платных клиниках, оплатить эти услуги в формате долгосрочной беспроцентной рассрочки.

Таким образом, можно говорить о том, что родовспоможение в рамках помощи со стороны только лишь медицинской организации может не оказать желаемого результата, а потому необходимо искать альтернативные формы содействия роженице. Одним из таких решений стало появление института доульского сопровождения, обеспечивающего дополнительную защиту женщины и плода, что раскрывает вторую выявленную нами форму родовспоможения.

В наши дни этот институт активно формируется в зарубежных странах. Согласно выработанной позиции, доульское сопровождение родов представляет собой комплекс действий, включающий мероприятия психологического характера и мероприятия по уходу, осуществляемые в целях сопровождения беременности, родов и послеродового периода, так как постоянная поддержка рожениц имеет клинически значимую пользу для женщин и младенцев. По результатам исследований, описанных в зарубежной статье одного из ведущих медицинских журналов, женщины, воспользовавшиеся услугами доульского сопровождения беременности и родов, в 4 раза реже сталкивались со следующими проблемами: преждевременные роды, послеродовые осложнения как матери, так и ребенка, трудности с кормлением грудью. Взаимодействие с доулой оказывало положительный психологический эффект на беременную, способствуя эффективному и безопасному ведению беременности [10, с. 51]. Доула – приглашенный на роды специалист, прошедший специальные курсы подготовки и оказывающий роженице психологическую, информационную и практическую помощь и поддержку как на этапе планирования и ведения беременности, так и в процессе родов. Таким образом, доульское сопровождение – это методика психологической поддержки женщин во время родов, которая проводится опытными и обученными доулами. В связи с ростом популярности данного метода, вопросы его легальности и приемлемости с точки зрения стандарта медицинской помощи становятся все более актуальными и для российского правового порядка.

Однако в России, в соответствии с медицинским правом, доула не является медицинским работником и не имеет права проводить медицинские процедуры. Вместо этого доула предоставляет женщине эмоциональную и психологическую поддержку во время родов, помогает ей справиться со стрессом, научить ее правильно дышать и расслабляться, предоставляет ей информацию о происходящем и помогает ей принимать решения.

Поскольку в обществе очевиден спрос на подобного рода специалистов,

так как женщины все больше видят необходимость в защите со стороны независимых экспертов, необходимо определить правовой статус доулы. Эта необходимость диктуется тем, что сейчас в России складывается практика, когда доулой может стать любой человек, с которым женщина будет комфортно ощущать себя во время беременности и родов. При этом он может быть абсолютно не компетентен в этом, не понимать ход процесса родов и тем самым лишь навредить роженице. Как пример недавней трагедии можно привести историю, когда популярная в Instagram (признана экстремистской организацией и запрещена в РФ) доула Джамиля принимала роды на дому у 34-летней последовательницы. После того как женщина родила ребёнка, на протяжении трех часов она истекала кровью в присутствии той самой доулы, которая утверждала, что всё происходит как надо. Когда всё же позвонили в скорую, то роженицу доставили в больницу уже без сознания, спасти ее не удалось¹. Авторы уверены, что этот пример – далеко не единственный, но он получил огласку благодаря публичности фигуранта истории. Неизвестно, сколько именно женщин и детей будет покалено, если оставить существующий порядок без регламентации. Право как категория, не успевающая за развивающимися отношениями, должно детально урегулировать правовой статус доул, чтобы избежать катастрофических случаев.

Тем не менее, доульское сопровождение является важным элементом защиты материнства и детства. Доула может помочь женщине наладить связь с ребенком после его рождения, защищать ее интересы и права, обеспечивать комфортные условия родов и уважение к желаниям матери. Такой специалист также может помочь в коммуникации с медицинским персоналом и выступать в защиту прав женщины в случае необходимости.

Как мы уже отмечали, в Российской Федерации практика доульского сопровождения еще не получила государственного признания и не имеет нормативной базы. Но уже сегодня успешно функционирует Ассоциация профессиональных доул России. Организация проводит мероприятия образовательной направленности, оказывает психологическую поддержку семьям, а также предлагает услуги специалистов, оказывающих помощь в родовспоможении. В то же время пробелы в правовом регулировании доульского сопровождения не позволяют этим специалистам осуществлять свою деятельность в полном объеме: медицинская организация имеет право не допустить доулу к родам (что вполне оправдано в настоящий момент, потому как доула не может подтвердить свою квалификацию в сфере родовспоможения).

Для разрешения сложившейся проблемы в виде существенного пробела

¹ Daily Storm «Духовную акушерку» Софии Стужук обвиняют в гибели 34-летней женщины. – [электронный ресурс]. – URL: <https://woman.rambler.ru/children/45692285-duhovnuyu-akusherku-sofii-stuzhuk-obvinyayut-v-gibeli-34-letney-zhenschiny/?ysclid=lmisc5tfdz314205905>

в законодательстве в части родовспоможения при фактическом действии института доульского сопровождения, нами предлагается внедрить инструмент государственной аккредитации деятельности доул, подобно адвокатской деятельности¹. Это позволит избежать ситуации, когда потенциальным помощником в родах будет некомпетентный человек, способный серьёзно навредить. Также предлагается дополнить главу 6 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» статьями, регламентирующими правовой статус доулы, её компетенцию (включающую элементарные навыки в медицине, психологии и медицинском праве с целью всесторонней защиты роженицы, в том числе в рамках юридического поля), профессиональные и образовательные стандарты доульской аккредитации, а также ответственность доулы за действия, фактически или потенциально вредящие матери и плоду. Помимо прочего, эти положения закрепят право женщин на доульское сопровождение. Каждая роженица будет вправе пригласить на роды профессиональную доулу, обладающую лицензией государственного образца. Доула обязана обладать определенной компетенцией, пройти курсы Ассоциации профессиональных доул и получить лицензию.

Таким образом, мы рассмотрели основные понятия в области родовспоможения, институт доульского сопровождения как явление в Российской Федерации, статистику, связанную с родами, а также научную литературу, охватывающую исследуемую сферу, и выявили, что на сегодняшний день правовое регулирование родовспоможения в Российской Федерации нуждается в дополнении рядом важных положений. Среди них мы предлагаем следующее.

1. Введение дополнительных мер финансовой и профессиональной поддержки медицинского персонала в бюджетных клиниках, а также предоставление врачам бесплатного психолога на базе медицинской организации.

2. Разработку системы обязательного страхования медицинской ответственности медицинских работников.

3. Создание унифицированной формы, предупреждающей граждан об обязательности отдельных платных медицинских процедур и предоставление на них беспроцентной рассрочки по программе государственной поддержки.

4. Введение в правовой оборот следующего легального определения: доула – компетентное лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус доулы и право на осуществление доульского сопровождения, при этом не являющееся медицинским

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

работником, но обладающее необходимой компетенцией для безопасного ведения беременности, сопровождения родов и помощи в послеродовой период.

Должно быть также зафиксировано в законодательстве, что доула имеет право присутствовать в процессе родов с целью оказания психологической поддержки и выступает в качестве официального представителя роженицы. За совершение действий, непосредственно или потенциально вредящих матери и плоду, доула несёт ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

5. Поручение Министерству труда и социальной защиты РФ, Министерству науки и высшего образования РФ, Министерству просвещения РФ разработать соответственно профессиональный и образовательный стандарт, который установит необходимые критерии, компетенции и требования для аккредитации доул, чтобы исключить ситуацию несерьезного и поверхностного отношения к этому роду деятельности, потому как в противном случае мы не искореним проблему некомпетентности родовспомогающих лиц, которыми смогут позиционировать себя все желающие.

Полагаем, что предложенные тезисы, будучи реализованными на практике, будут способствовать надежной защите прав рожениц.

Список источников:

1. Полушин, Айламазян, Коростелев (2011) – Мифы и реалии обезболивания родов / Ю. С. Полушин, Э. К. Айламазян, Ю. М. Коростелев [и др.] // Журнал акушерства и женских болезней. 2011. Т. 60. № 3. С. 10–17.
2. Vinogradova, Pervak, Mozgovaya (2010) – Vinogradova O.A., Pervak V.A., Mozgovaya E. V. Evaluation of labor activity using a combined spinal-epidural anesthesia // Journal of Obstetrics and women's diseases. 2010. V. LIX. Number 5. P. 80–87.
3. Radzinsky, Knyazev, Kostin (2009) – Radzinsky V.E., Knyazev S.A., Kostin I.N. Obstetrics risk. Maximum of information – minimum danger to the mother and the baby. – Moscow: Penguin Books, 2009. (Medical Practice.). P. 65–67.
4. Radzinsky (2011) – Radzinsky V.E. Obstetric aggression // «Mediabureau Status Presens», 2011. P. 327–400.
5. Baev (2011) – Baev O.R., Komissarova L.M., Puchko T.K., Vasilchenko O.N., Malbakhova E.T., Polyanchi-kova O.L., Schiffman E.M. The basic protocol of conducting labor // "Scientific Center for Obstetrics, Gynecology and Perinatology named after academician V.I. Kulakov RAMS", 2011. P. 6–8.
6. Новкунская (2014) – Новкунская, А. А. «Безответственные» роды или нарушение норм российской системы родовспоможения в случаях домашнего родоразрешения // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. №3. С. 353–364.
7. Брехман (2012) – Брехман, Г. И. Домашние роды как способ защиты женщиной себя и своего ребенка // Журнал акушерства и женских болезней. 2012. Т. 61. № 5. С. 115–121.

8. Mello (2014) – Mello, Michelle M. (November 26, 2014). "The Medical Liability Climate and Prospects for Reform". JAMA. 312 (20): 2146–55.

9. Иванова (2016) – Иванова Я. И. Особенности элементов преступлений, совершаемых медицинскими работниками в процессе родовспоможения в соответствии с законодательством России XIX–XXI веков // Вопросы современной юриспруденции. 2016. №1 (52). С. 24–31.

10. Kenneth (2013) – Kenneth J G. Impact of doulas on healthy birth outcomes / Kenneth J Gruber, Susan H Cupito, Christina F Dobson // National Library of Medicine. 2013. № 22 (1). P. 49-58.

References:

Polushin, Ailamazyan, Korostelev (2011) – Myths and realities of labor anesthesia [Mify i realii obezbolivaniya rodov] // Journal of Obstetrics and Women's Diseases. 2011. Т. 60. № 3. С. 10–17.

Vinogradova, Pervak, Mozgovaya (2010) – Vinogradova O.A., Pervak V.A., Mozgovaya E. V. Evaluation of labor activity using a combined spinal-epidural anesthesia // Journal of Obstetrics and women's diseases. 2010. V. LIX. Number 5. P. 80-87.

Radzinsky, Knyazev, Kostin (2009) – Radzinsky V.E., Knyazev S.A., Kostin I.N.. Obstetrics risk. Maximum of information - minimum danger to the mother and the baby. - Moscow: Penguin Books, 2009. (Medical Practice.). P. 65-67.

Radzinsky (2011) – Radzinsky V.E.. Obstetric aggression // "Mediabureau Status Presens", 2011. P. 327-400.

Baev (2011) – Baev O.R., Komissarova L.M., Puchko T.K., Vasilchenko O.N., Malbakhova E.T., Polyanchi-kova O.L., Schiffman E.M. The basic protocol of conducting labor // "Scientific Center for Obstetrics, Gynecology and Perinatology named after academician V.I. Kulakov RAMS", 2011. P. 6-8.

Novkunskaia (2014) – Novkunskaia, A. A. "Irresponsible" childbirth or violation of norms of the Russian system of obstetrics in cases of home delivery [«Bezotvetstvennye» rody ili narushenie norm rossijskoj sistemy rodovspomozheniya v sluchayax domashnego rodorazresheniya] // Journal of Social Policy Research. 2014. Т. 12. №3. С. 353–364.

Brekhman (2012) – Brekhman, G. I. Home births as a way for a woman to protect herself and her child [Domashnie rody kak sposob zashhity zhenshhinoj sebya i svoego rebenka] // Journal of Obstetrics and Women's Diseases. 2012. Т. 61. № 5. С. 115–121.

Mello (2014) – Mello, Michelle M. (November 26, 2014). "The Medical Liability Climate and Prospects for Reform". JAMA. 312 (20): 2146-55.

Ivanova (2016) – Ivanova Ya. I. Features of elements of crimes committed by medical workers in the process of obstetrics in accordance with the legislation of Russia XIX-XXI centuries [Osobennosti elementov prestuplenij, sovershaemyx medicinskimi rabotnikami v processe rodovspomozheniya v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossii XIX–XXI vekov] // Issues of modern jurisprudence. 2016. №1 (52). С. 24–31.

Kenneth (2013) – Kenneth J G. Impact of doulas on healthy birth outcomes / Kenneth J Gruber, Susan H Cupito, Christina F Dobson // National Library of Medicine. 2013. № 22 (1). P. 49-58.

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Главный редактор: Юрий Викторович Степаненко, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Editor in Chief: Yuri Viktorovich Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNIИ MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Заместитель главного редактора: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Editor: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Ответственный секретарь: Петюкова Оксана Николаевна – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: oksana55@mail.ru).

Oksana N. Petyukova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: oksana55@mail.ru).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL COUNCIL

Председатель совета: Альбов Алексей Павлович – кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член– корреспондент РАЕ, профессор кафедры «Теория и истории государства и права» Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Chairman of the Board: Alexey P. Albov, candidate of philosophical Sciences, doctor of legal Sciences, Professor, honored worker of science and education, corresponding member of RAE, Professor, Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Russian Customs Academy (RTA); Professor of the All– Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Заместитель председателя: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва
(E-mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Chairman of the Editorial Board: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E-mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Амосова Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, старший юрист-консульт ООО «Мэнпауэр СиАйЭс», Москва
(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Olga S. Amosova, PhD in Law, Moscow
(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Ананьева Анна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: annaslast@mail.ru).

Anna A. Ananyeva – Deputy Head of Department of Civil Law, Russian State University of Justice, candidate of Legal sciences, Moscow, Russia.
(E-mail: annaslast@mail.ru).

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ksenia M. Belikova, Doctor of sciences (in law), Professor of the Department of Civil Law and Proceedings and International Private Law, Law Institute of Law Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Professor, Moscow, Russia. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Vitaly V. Vanin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Гирько Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, академик РАЕН, Москва. (E-mail: syvorina959134@mail.ru).

Sergey I. Girko, Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow Doctor of Law, professor, Moscow, Russia.
(E-mail: syvorina959134@mail.ru)/

Головинская Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир.
(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Irina V. Golovinskaya, Doctor of law, professor, professor of the Department of criminal law, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov», Vladimir, Russia.

(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Гришина Яна Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: grishinel@inbox.ru).

Yana S. Grishina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia

(E-mail: grishinel@inbox.ru).

Иванова Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E-mail: Ivanovasa1@yandex.ru).

Svetlana A. Ivanova, doctor of law, professor, professor of the Department of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: Ivanovasa1@ya.ru).

Капустин Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Anatoly Y. Kapustin, Doctor of law, professor, Moscow, Russia.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Кирпичев Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Alexsandr E.Kirpichev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Костылева Елена Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно–правовых исследований Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: helen161969@rambler.ru)

Elena D.Kostyleva, candidate of law, associate Professor senior researcher of the direction constitutional and legal studies Center for justice research Russian state University of justice, Moscow, Russia.

(E-mail: helen161969@rambler.ru).

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Vladimir V. Kulakov, Doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia. (E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Курбатов Алексей Янович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.
(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Alexey Ya.Kurbatov, doctor of law, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Курчина Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, нотариус Белгородского нотариального округа Белгородской области, Белгород.
(E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Anastasya S. Kurchina – candidate of legal sciences, private notary, Belgorod, Russia. (E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»; профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Anatoly N. Levushkin, doctor of law, professor, professor of the Department of business and corporate law of the Moscow state law University after O.E. Kutafin (MSLA); professor of civil law Department Russian state University of justice, Moscow. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Назаренко Геннадий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго– Западный госуниверситет»

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, FGBUO HE "South– Western State University"

Никифоров Вадим Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории государства и права и международного права АНОВО «Московский международный университет»

Nikiforov Vadim Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History, Theory of State and Law and International Law ANOVO "Moscow International University"

Омелин Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Viktor N. Omelin– doctor of law, professor, Moscow
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Оспенников Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон.

(E-mail: desmandado@yandex.ru).

Yuri V. Ospennikov, doctor of law, professor of the Department of Philosophy and History, Federal state-financed educational institution of higher education “Kherson State Pedagogical University”, Kherson.

(E– mail: desmandado@yandex.ru).

Павликов Сергей Герасимович – доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Sergey G. Pavlikov, doctor of law, professor, head of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Попова Наталия Федоровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: nfpopova51@mail.ru).

Natalia F. Popova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: nfpopova51@mail.ru).

Рожнов Артемий Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: roartan@mail.ru).

Artemi A. Rozhnov, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: roartan@mail.ru).

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Vladimir E. Rubanik, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва.

(E– mail: gumer@bk.ru).

Gulnara F. Ruchkina, Doctor of law, professor, Dean of the faculty of law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. (E– mail: gumer@bk.ru).

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)». (E– mail: svetsuslova@yandex.ru).

Svetlana I. Suslova, Doctor of Law, Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk, Russia.
(E-mail: svetsuslova@yandex.ru).

Ульянова Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва
(E-mail: maryulianova14@gmail.com).

Marina V. Ulianova, Associate professor, candidate of legal sciences, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.
(E-mail: maryulianova14@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Лоренцо Меццасома — Председатель совета — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Председатель Центра правовых исследований о правах потребителей, Италия

Lorenzo Mezzasoma — Chairman of the International editorial board — Doctor, Professor of Civil Law, University of Perugia, Italy, Chair of the Centre of Law Studies on Consumer Rights (E-mail: mezzalor@unipg.it)

Федерика Маццасетта — Заместитель Председателя — доктор юридических наук, профессор Университета Камерино, Адъюнкт— профессор Университета Перуджа, Италия

Federica Mazzasette, Doctorate in Civil Law at Università degli Studi di Camerino, Professor of civil law of the University of Camerino, Adjunct Professor of the University of Perugia — Deputy Chairman of the International advice to the editorial staff (E-mail: federica.mazzasette@libero.it)

Джакомо Понгелли — Научный редактор — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Италия

Giacomo Pongelli, doctor of law, Professor, University of Perugia, Italy — Scientific editor (E-mail: giacomo.pongelli@studioalbinacandian.it)

Джанмарко Чифальди, профессор, Университет им. Д'Аннунцио, город Пескара, Италия

Gianmarco Cifaldi, Professor at the University D'Annunzio in Pescara, Italy
(E-mail: cifaldi@gmail.com)

Франческо Риццо, доцент кафедры гражданского права, Университет Камерино, Италия

Francesco Rizzo, Doctor. Professor of Civil Law, University of Camerino, Italy
(E-mail: francesco.rizzo@unicam.it)

Джованни Берти де Маринис, адвокат, Италия

Giovanni Berti De Marinis, the Lawyer, Italy (tel: 328 3887795,
E-mail: giobertidemarinis@libero.it)

Августин Луна Серрано, доктор, профессор, Университет Барселоны, Почетный Член Ассоциации юристов Барселоны, Испания

Agustin Luna Serrano, PhD, Professor University of Barcelona, Honorary Member of the Bar Association of Barcelona, Spain (Pedralbes 71 Barcelona, Barcelona 08035 Spain; agustinluna@albacarclusa.com)

Евгенио Лямас Помпо, Доктор права, Профессор Университет Саламанки, Испания Llamas Pombo Eugenio, Doctor of law, Full Professor, University of Salamanca, Spain (E-mail: ellamas@usal.es)

Доктор Хавьер Перес– Серрабона Гонсалес, Доктор права, Профессор коммерческого права, кафедра коммерческого права, Факультет права Университета Гранады, Испания, Гранада

Dr. Javier Pérez– Serrabona González, Doctor of law, Professor of commercial law, Department of commercial law, Faculty of law of the University of Granada, Spain, Granada (E-mail: jpsgonzalez@ugr.es)

Чирич Александр, доктор юридических наук, профессор, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Aleksandar Ćirić, doctor of law, Professor, Faculty of law, Full professor for International Trade Law, Dean of the Faculty of Law, University of Nis Republic Serbia (E-mail: aciric@prafak.ni.ac.yu)

Деян Вучетич, доктор юридических наук, доцент, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Dejan Vučetić, doctor of law, Professor, Faculty of law, University of Nis, Serbia (E-mail: dvucetic@prafak.ni.ac.rs)

Петер Поташ, доктор права, доктор философии, декан юридического факультета Панъевропейского университета, Братислава, Словакия. Doc. JU Dr. (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Peter Potasch, PhD, Dean of the Faculty of law of the Pan-European University, Bratislava, Slovakia (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Сведения для авторов

Журнал «Современный Юрист» принимает к публикации авторские статьи, соответствующие тематическим направлениям и научному уровню журнала.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Содержание статьи должно обладать определенной новизной и носить научный характер.

Рукопись статьи представляется в редакцию в электронном виде по E-mail или на диске в формате Word для Windows (или в виде распечатки в двух экземплярах). Рукопись на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи в электронном формате. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант рукописи.

Объем рукописи не должен, как правило, превышать 1 печатного листа, т.е. 40 тыс. знаков или 22–23 машинописных страниц, напечатанных через 2 интервала, включая таблицы и графический материал. В отдельных случаях по решению редакции могут публиковаться статьи и большего объема.

К статье прилагается аннотация и перечень ключевых слов на русском и на английском языке.

Таблицы в тексте или приложения к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы и т.д.) должны иметь порядковый номер и названия, на каждую иллюстрацию в тексте статьи должна быть ссылка.

В конце статьи приводится список литературы на русском и на английском языке в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Нумерация источников в списке литературы должна соответствовать очередности ссылок в тексте. Ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и страницы работы, например, [18, с.35].

К рукописи прилагаются сведения об авторе (ах) с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени и звания, должности и места работы на русском и английском языке, и контактная информация (и/или E-mail).

Распечатка рукописи должна быть подписана авторами с указанием даты ее отправки.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редакцией по результатам научной экспертизы.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений. Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с позицией редакции журнала.

Уважаемые коллеги!

Инновационный Центр прикладных научных исследований «РИМ Университет» приглашает Вас принять участие в международных научных конференциях с дистанционным участием, проводимых ежемесячно с публикацией статьи в Международном научном журнале «Современный Юрист», включенном в систему РИНЦ и перечень ВАК

**1. Международная научно– практическая конференция
«Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее»
– International Scientific and Practical Conference:
«Intellectual property: a look into the future »**

Дата проведения: 20– 22 октября 2024 г.
Материалы принимаются до 10 октября 2024 г.

**2. Международная научно– практическая конференция
«Реформирование жилищного законодательства: миф или реальность»
– International Scientific and Practical Conference:
«Housing law reform: myth or reality »**

Дата проведения: 21– 23 ноября 2024 г.
Материалы принимаются до 01 ноября 2024 г.

Просьба участников присылать свои материалы исследований, тезисы докладов и научные статьи, оформленные в соответствии с требованиями, на электронную почту: rimuniver@gmail.com
Стоимость публикации: 980 рублей 1 страница формат А 4. Минимальный объем статьи 10 страниц, тезисы 3 страницы.

Оплата производится в любом банке или в (ПАО) «ТКБ»

Реквизиты: рас/счет 40703810720100000019 в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО)

Банк получателя: «ТКБ» (ПАО) город Москва
БИК 044525388 корр./счет 30101810800000000388,
ИНН 7716845146, КПП 771801001

Получатель: АНО ВО «РИМ Университет»,
ОГРН 1177700001489 ОКВЭД 85.22

Заявки на участие в Международной научно– практической конференции принимаются по адресу: rimuniver@gmail.com

Условия публикации и требования к оформлению статьи размещены на сайте издательства: <http://www.rimuniver.ru>

**Оплатить подписку на журнал можно в любом отделении
Сберегательного банка, используя купон для оплаты ф. № ПД– 4
По вопросам оформления обращайтесь на сайт: <http://www.rimuniver.ru>
E– mail: rimuniver@gmail.com**

Извещение	<p>«РИМ Университет» Форма № ПД– 4</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388 БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2024 г. Подписчик: (наименование платежа)</p> <hr/> <p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп. Плательщик (подпись) _____</p>
Кассир	
Квитанция	<p>«РИМ Университет»</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388 БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2024 г. Подписчик: (наименование платежа)</p> <hr/> <p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп. Плательщик (подпись) _____</p>
Кассир	

Приобретение журнала в 2024 году

Заказ журнала	Стоимость, руб.		Способ оплаты
	1 экз.	4 экз.	
Журнал (печатная копия): по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания № 41272; в редакции журнала: – по почте: 129347 город Москва, ул. Лосевская дом 7, корпус 1 («РИМ Университет», Шакер И.Е.) – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	980	3800	Оплата в почтовых отделениях по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс № 41272 Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Журнал (pdf– file): в редакцию журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	380	1900	Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Отдельная статья (pdf– file): в редакции журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	180		Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика

Авторы могут приобрести журнал в количестве 4 экземпляров по льготной цене 1800 руб. или меньшее количество по обычной цене. Электронную версию (pdf– file) авторы получают бесплатно на свой адрес электронной почты.

**Издательство: «РИМ Университет»
Главный редактор Степаненко Ю.В.
Зам. главного редактора Куприянова Л.М.**

Адрес редакции
107564 город Москва,
ул. Краснобогатырская 38,
стр. 2, каб. 316
Тел. 8 (905) 546– 82– 38.
Адрес в Internet: www.rimuniver.ru
E– mail: rimuniver@gmail.com

При перепечатке материалов ссылка
на журнал Современный Юрист
обязательна

**Издание зарегистрировано в Министерстве
Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций**

30 ноября 2011 г. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий (ВАК),**
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:
Решение Президиума ВАК от 01.12. 2015 № 13– 6518
<http://perechen.vak2.ed.gov.ru>. (ред. 01.02.2022 года).

Журнал включен в НЭБ
Российский индекс цитирования (РИНЦ)

Отпечатано в типографии ООО «Телер»
125130, Москва, ул. Клары Цеткин д.28
Тел.: (495) 937– 8664

Формат 70x108/16
Бумага офсетная обрезная
Подписано в печать 18.03.2024
Усл.печ. л. 9,2 Тираж 980 экз. Заказ № ПЖ– 48